
ГАЛЛИПОЛИЙСКИЙ
КРЕСТ
РУССКОЙ
АРМИИ
1920
ГАЛЛИПОЛИ
1921

О. А. Шашкова

Галлиполийский крест Русской Армии

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=427392
Галлиполийский крест Русской Армии: Сибирская Благозвонница; Москва; 2009
ISBN 978-5-91362-146-7

Аннотация

«Галлиполийский крест Русской Армии» – дань благодарной памяти Русской Армии и нашим соотечественникам, вынужденным покинуть свою Родину во время Гражданской войны. Целый год провела Армия генерала Врангеля в Турции, на берегу Дарданелл, положив тем самым начало русской эмиграции. Перенести тяготы и лишения в изгнании смогли не все, почти 350 человек остались навечно лежать в приютившей их земле. В память о них в 1921 году галлиполийцами был возведен каменный курган, осененный крестом. Землетрясение 1949 года разрушило монумент.

Первая часть книги посвящена истории воссоздания памятника и его открытию, состоявшемуся 17 мая 2008 года. Вторая часть книги – «Русские в Галлиполи» – представляет собой переиздание воспоминаний самих галлиполийцев, опубликованных в Берлине в начале 20-х годов XX века.

Руководитель проекта Михаил Якушев, вице-президент Центра Национальной Славы (ЦНС) и Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного (ФАП)

Содержание

Приветствия к читателям 4
Приветствия к читателям книги Патриарх Московский и всея Руси Алексий II 4
Митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский, Первоиерарх Русской Православной Церкви заграницей Иларион 6
Председатель Попечительского Совета Центра Национальной Славы и Фонда Святого Всехвального Апостола Андрея Первозванного В.И. Якунин 8
Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров 10
Министр культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации (2004–2008 гг.) А.С. Соколов 12
Мэр Гелиболу Джихат Бингёль 14
Попечительский совет Программы «Восстановление памятника в Галлиполи» 16
Российско-Турецкая Рабочая группа Программы «Восстановление памятника в Галлиполи» 17
Галлиполийцы 18
Как был возрожден Галлиполийский памятник 19
Обращение Владыки Михаила ко всем потомкам галлиполийцев, зарубежным участникам открытия и освящения галлиполийского памятника 20/7 мая 2008 г. Галлиполи 38
40
Открытие Мемориала в Гелиболу 41
Русские в Галлиполи 68
Крым– Константинополь– Галлиполи 71
Географический очерк Галлиполийского полуострова и города Галлиполи 83
Исторический очерк Галлиполийского полуострова 87
Размещение (Лагерь и город) 92
Организация Корпуса 99
Генерал Александр Павлович Кутепов 103
Снабжение Корпуса 109
I. Питание 109
II. Вещевое довольствие 124
Санитарная часть 128
Техническая часть 141
I. Работы 141
Конец ознакомительного фрагмента. 145

О. А. Шашкова
Галлиполийский крест Русской Армии

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

Издатели приносят искреннюю благодарность за предоставленные фотоматериалы М.А. Алания, М.Н. Апраксиной, А.П. Григорьеву, В.Н. Зеленёву, С.Н. Камышеву, О.А. Карпушину, Ф.М. Мастепанову, В.В. Петракову, Н.АЧеркашину, М.И. Якушеву и выражают признательность за оказанную помощь сотрудникам Отдела фондов Русского Зарубежья Государственной публичной библиотеки

Приветствия к читателям

Приветствия к читателям книги Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

Дорогие братья и сестры!

Новое, дополненное современными материалами издание книги «Русские в Галлиполи», посвященное нелегкой судьбе воинов 1-го Армейского корпуса Русской Армии, после

революционных потрясений оказавшихся вдали от Родины, – событие весьма важное в духовной и культурной жизни нашей страны.

Трагические события, порожденные революцией и Гражданской войной, на долгие годы разделили некогда единый народ, и только в наше время эта кровоточащая рана стала заживать. Нелегок был путь к единству. Однако по милости Божией нам удалось достичь главного: 17 мая 2007 года, в праздник Вознесения Господня, в Храме Христа Спасителя был подписан Акт о каноническом общении внутри Поместной Русской Православной Церкви. Это поистине историческое событие особо значимо не только для православных христиан, но и для всего русского мира. Оно свидетельствует о том, что наше общество окончательно и твердо встало на путь примирения и согласия.

Восстановление церковного единства дало мощный импульс движению навстречу друг другу двух частей русского общества, разделенных сложными перипетиями событий начала XX века. При этом весьма важно, чтобы совместные усилия подкреплялись новыми дополнительными шагами, направленными на уврачевание ран и укрепление взаимопонимания.

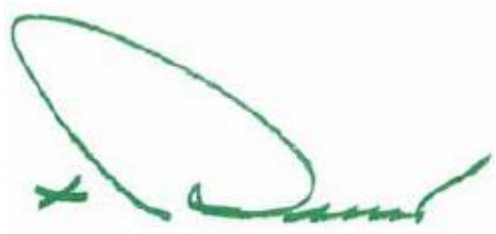
Одним из важных действий, способствующих объединению нашего общества, стало организованное Центром Национальной Славы и Фондом Святого и Всехвального апостола Андрея Первозванного восстановление памятника россиянам в Галлиполи – символа российской эмиграции, символа их связи с Родиной. Знаменательно, что этот монумент воссоздан из небытия силами общественных организаций современной, идущей по пути духовного возрождения России. В этом видится стремление к объединению не только воцерковленной части общества, но и, в целом, всего гражданского общества нашего Отечества.

Состоявшаяся в день годовщины подписания Акта о каноническом общении церемония открытия мемориала вызвала живой отклик в сердцах многих людей, которым дороги судьбы своей страны.

Воссоздание памятника позволило всем еще раз убедиться в том, что нынешняя Россия с уважением относится к своей истории и к своим согражданам, какие бы убеждения они не отстаивали. Несомненно, открытие мемориала имеет важное значение и в контексте возрождения национального самосознания, налаживания мостов взаимопонимания с соотечественниками за рубежом.

Отныне памятник в Галлиполи – место восстановления исторической справедливости, помогающее современному поколению понять весь трагизм изгнанников из России, которые несмотря ни на какие тяготы и невзгоды остались верны своему воинскому долгу, присяге и Отечеству.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский, Первоиерарх Русской Православной Церкви заграницей Иларион

Восстановление в Турции памятника Белым Воинам в местечке Галлиполи, которое состоялось в мае 2008 года, является событием исключительной важности для всего русского народа. Ровно год спустя после подписания Акта о каноническом общении между обеими ветвями Русской Православной Церкви, важность и исключительность восстановления бесследно исчезнувшего с лица земли «галлиполийского кладбища» состоит в том, что в самое нужное для России и для Зарубежья время вновь заключается акт полного примирения – уже в плане историческом: современная Россия признает – как свою неотъемлемую часть – Россию Зарубежную, принимая в свое сердце подвиг тех, кто, с достоинством выехав на чужбину, обеспечил существование Русского Предания для будущих поколений, для своих потомков, а сегодня – и для самой России. Их духовно-нравственный подвиг принес свои плоды, и сегодня современная Россия также принимает его.

В военном галлиполийском лагере стояли в полном составе части, которыми командовал генерал Кутепов, под руководством Главнокомандующего всей Русской армии генерала Врангеля. В этом месте, кроме чисто военных учреждений, были воздвигнуты церкви, лазареты, училища, школы, детские сады и проводились всевозможные воспитательные мероприятия, прежде всего, с детьми и молодежью. Все это заложило основы структуры, которой стала «ЭМИГРАЦИЯ КАК ИНСТИТУТ». Из этого места зародилось три четверти всей Зарубежной России, распространившейся по всем континентам земного шара, потомками которых мы являемся.

И здесь, у этого лагерного кладбища, попечением Российского Фонда Святого апостола Андрея Первозванного было выстроено точно такое же шатровое каменное сооружение,

какое оставили при своем отъезде в 1921 году Галлиполийцы. Это была Шапка Мономаха, увенчанная Крестом, обозначавшая незыблемое присутствие на чужой земле Духа России. Этот символ Державы передавал симфоническое назначение всякого русского присутствия, где бы то ни было, ставя перед каждым русским человеком выполнение его задачи как верноподданного России.

Пока в самой России Державная Божия Матерь покрывала весь страдающий русский народ, за границей, на чужой земле, русские люди, будучи чадами Русской Православной Церкви, хранили верность Богу и всеми своими нравственными силами служили своей Родине – Православной России.

Да поможет нам Бог быть и оставаться достойными блюстителями и продолжателями дела тех, кто в трудные для русских людей годы заботился о сохранении и приумножении великого наследия и духа Православной России!

Митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский, Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви

Председатель Попечительского Совета Центра Национальной Славы и Фонда Святого Всехвального Апостола Андрея Первозванного В.И. Якунин

Уважаемые читатели!

17 мая 2008 года в турецком городе Галлиполи состоялось событие, историческое значение которого нашему обществу еще предстоит осознать в полной мере. В этот день был открыт восстановленный памятник нашим соотечественникам, которые были изгнаны из России в 1920 году и трагически окончили свою жизнь в городке Галлиполи (современном Гелиболу) на берегу Дарданелл. По инициативе Министерства иностранных дел России Центр Национальной Славы и Фонд Святого и Всехвального апостола Андрея Первозванного выступили организаторами и координаторами воссоздания монумента.

Восстановленный памятник является знаком нашего уважения к тем, кто, покинув Родину, сохранил любовь и верность России до самой смерти и передал эти чувства своим детям. Гражданская война жестоко разъединила одну нацию на два противоборствующих лагеря, разделив русских людей на «белых» и «красных». Разделение постигло и Русскую Православную Церковь.

Сегодня наступает время врачевания ран, время «собирания камней». Глубоко символично, что открытие восстановленного памятника состоялось в день первой годовщины знаменательного и радостного для всех православных россиян события – подписания Акта о каноническом общении, положившего конец расколу Русской Православной Церкви. За духовным объединением должно последовать восстановление общей исторической памяти, объединение на основе общего культурного наследия.

Этот памятник является своего рода предостережением для будущих поколений о недопустимости Гражданской войны, когда брат идет на брата, отец на сына, а сын на отца. Мы

должны сделать все, чтобы произошедшее девяносто лет назад не повторилось. Залог этого – в подлинном народном единстве, во взаимной ответственности членов общества друг за друга, в бережном отношении к своей истории и верности своим духовным традициям.

Работая над этим проектом, мы чувствовали значительное доверие и поддержку как со стороны государства, так и со стороны Церкви, что стало свидетельством глубокой востребованности этого начинания. Воссоздание памятника нашло живой отклик во всех слоях нашего общества и поистине стало символом консолидации Русского Мира.

Хотели бы выразить слова особой благодарности и признательности турецким властям, а также жителям города Гелиболу за понимание и поддержку данной инициативы.

Сопредседатель Попечительского совета Программы «Восстановление памятника в Галлиполи»

В.И. ЯКУНИН

Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров

Книга, новое издание которой предлагается вашему вниманию, напоминает об одной из трагических страниц нашей новейшей истории. Это – яркое документальное свидетельство мужества и стойкости россиян, оказавшихся на чужбине в трудные годы после окончания Гражданской войны.

Около пятидесяти тысяч солдат и офицеров Корпуса под командованием генерала А.П. Кутепова, а также гражданских лиц, покинув Крым, 15 ноября 1920 года высадились на берегу пролива Дарданеллы, в Галлиполи (ныне – турецкий город Гелиболу). Им предстояло провести здесь трудный, полный лишений и испытаний год.

Оказавшись вдали от Родины, наши соотечественники по-прежнему соблюдали строгую дисциплину. Их временное поселение превратилось в настоящий военный лагерь. Проводились строевые занятия, ротные и батальонные учения, даже парады и смотры. Военнослужащие разбивали линейки для полков, выкладывали из цветных камней двуглавого орла. В офицерских собраниях обсуждались планы создания театра, выпуска журналов, проведения художественных выставок. Лагерь быстро стал, по свидетельствам современников, «маленькой моделью большой России».

Вскоре «галлиполийское сидение» превратилось в настоящую героическую легенду послереволюционной эмиграции. Великий русский писатель Иван Бунин в 1923 году писал: «Галлиполи – часть того истинно-великого и священного, что явила Россия за эти страшные и позорные годы, часть того, что было и есть единственной надеждой на ее воскрешение и единственным оправданием русского народа, его искуплением перед судом Бога и человечества».

В течение года в Галлиполи от ран и болезней умерло 342 россиянина. Им был установлен памятник на большом «русском кладбище» на северо-восточной окраине города.

В конце 1921 года остатки Корпуса покинули Галлиполи, и памятник был передан в ведение турецких властей, которые на протяжении тридцати лет заботились о его сохранности. Однако в 1949 году монумент был разрушен землетрясением.

По мере восстановления исторической памяти в России стало появляться все больше публикаций о соотечественниках в Галлиполи. Встал вопрос о восстановлении памятника в Гелиболу. Мы признательны турецким властям, положительно откликнувшимся на наше обращение, муниципалитету Гелиболу, выделившему земельный участок.

Функции координатора проекта взял на себя Центр Национальной Славы. Был создан специальный Попечительский совет, проведен сбор средств. 10 января 2008 года состоялась церемония закладки первого камня, а уже 17 мая монумент был полностью восстановлен.

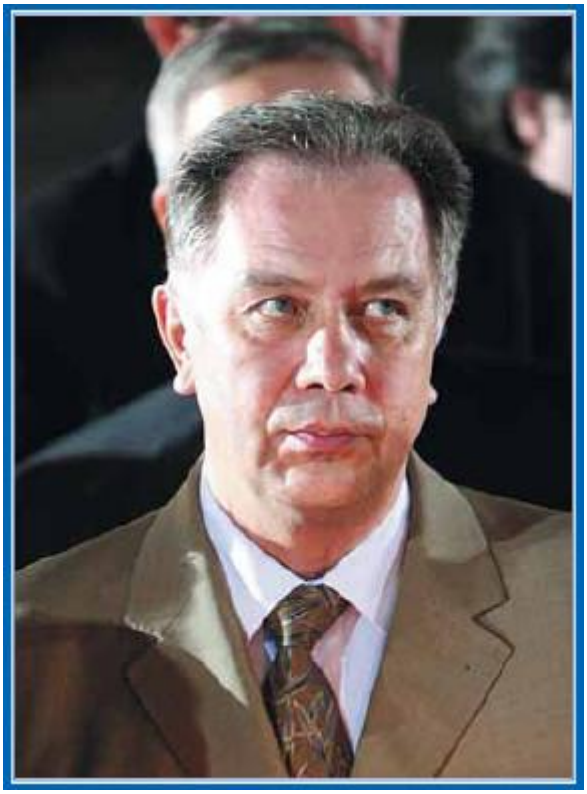
К настоящему времени при поддержке российских дипломатов уточнено около 120 имен потомков русских эмигрантов, похороненных в Гелиболу. По инициативе Западно-Европейской епархии Русской Православной Церкви Заграницей, представленной в Попечительском совете епископом Женевским и Западно-Европейским Михаилом, продолжается поиск их потомков.

Уверен, читатели по достоинству оценят значение этой работы, способствующей достижению исторического согласия и примирения некогда разделенных революцией и Гражданской войной россиян, укреплению связей России с соотечественниками за рубежом.

Сопредседатель Попечительского совета Программы
«Восстановление памятника в Галлиполи»
С.В. ЛАВРОВ

Министр культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации (2004–2008 гг.) А.С. Соколов

В мае 2008 года на далекой от России турецкой земле произошло событие, которое будет иметь огромное значение для будущих поколений наших соотечественников: открытием памятника погибшим русским изгнанникам Армии генерала П.Н. Врангеля был продолжен начатый ровно год назад Русской и Зарубежной Православными Церквами путь единения русской диаспоры со своей Отчизной. Можно сказать, что воссозданная почти из небытия каменная «шапка Мономаха», увенчанная крестом, стала его символом.

«Галлипольское стояние» – это страница отечественной истории, которая в силу известных идеологических причин была нам долгое время неведома. И хотя там, вдали от Родины, Русская Армия не билась с неприятелем, именно в Галлиполи она в последний раз показала образец истинного патриотизма. Сегодня мы, как и потомки галлиполийцев, можем открыто говорить о подвиге воинов генерала П.Н. Врангеля, сохранивших для будущих поколений память о покинутой России. Русское рассеяние явилось миру как неотъемлемая часть нашей цивилизации, а Армия генерала Врангеля сыграла выдающуюся роль в формировании духа, образа жизни и смысла существования наших соотечественников за рубежом. Сотни тысяч изгнанников, ушедших с частями генерала П.Н. Врангеля, вписали новую славную страницу в летопись XXI века, и теперь мы убеждаемся: все, что они делали, что хранили, – стало нашим наследием и достоянием. Главным хранителем этой драгоценной памяти на чужбине была Русская Православная Церковь За-рубежом.

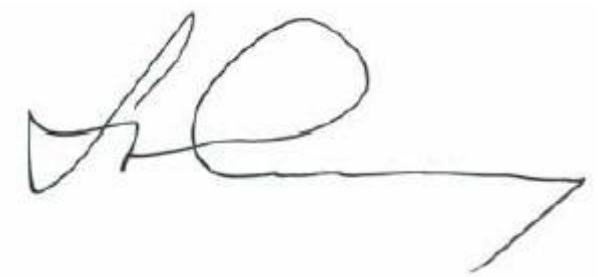
Вероятно, пройдут еще годы, прежде чем мы осознаем в полной мере важность случившегося. Но общество должно понимать, что за словом «Галлиполи» кроется столь же глубокий и трепетный для нас смысл, как за легендарными словами-образами «поле Куликово», «Бородино», «Курская дуга».

Трагедия русской эмиграции, глубина беспримерного страдания изгнанников были не только их бедой, но коснулись и «красной» России. И мы, вновь став единым народом, должны знать об этом.

Надеюсь, что переиздание книги «Русские в Галлиполи» будет не только данью памяти погибшим и напоминанием о важнейших моментах своей истории нам, их потомкам, но и новым подтверждением смысла произошедшего события.

Сопредседатель Попечительского совета Программы «Восстановление памятника в Галлиполи»

А.С. СОКОЛОВ

Мэр Гелиболу Джихат Бингёль

Самим Богом и географическим расположением городу Гелиболу было дано стать свидетелем различных исторических событий, определявших ход развития мировой цивилизации. Здесь с античных времен до наших дней решались судьбы целых стран и народов.

Гелиболу – это то место, где бывшие враги потом становились друзьями, где всегда были готовы протянуть руку поддержки тому, кто не по своей воле оказался на чужбине и залечивал здесь свои раны.

Эхо трагических событий далекого октября 1917 года не обошло стороной и наш город. Здесь до сих пор помнят нахождение многотысячной Русской Армии под командованием генерала барона П.Н. Врангеля в 1920-21 годах. Наши сограждане вместе с российскими военными и членами их семей совместно делили все тяготы того послевоенного периода. Это была наша общая судьба.

Жители Гелиболу, сами находившиеся под иностранной оккупацией, пережившие ужасы военных сражений Первой Мировой войны, хорошо понимали чувства российских граждан, вынужденных покинуть свою родину. От всего сердца они пытались им помочь, открывая не только двери своих домов; они давали русским воинам даже ключи от «святыни святынь» – своих храмов, делились последним куском хлеба. Народы двух стран в этих сложных условиях не озлобились и были опорой друг другу, создали братские узы дружбы, проявляли взаимную чуткость и внимание.

Установленные в тяжелые годы военного лихолетья отношения мира и взаимопонимания являли собой некую путеводную звезду, которая освещала дорогу будущим поколениям. Народы, не знавшие языка друг друга, исповедовавшие различную веру и представляющие иные культуры, демонстрировали незабываемые примеры теплоты и добросердечности.

Как известно, построенный в Гелиболу на месте захоронения российских воинов памятник в результате землетрясения и других негативных природных воздействий со вре-

менем был разрушен. Однако понимая всю историческую и культурную значимость данного памятника, его важности для будущих поколений – как дань памяти усопшим и пример дружбы наших народов, на выделенном мэрией Гелиболу участке был возведен в аналогичном стиле новый памятник.

17 мая 2008 года в присутствии высоких руководителей России и Турции произошло торжественное открытие памятника Российским воинам. При кладбище создан музей, в котором собраны документы и фотографии того периода. Он будет служить демонстрацией наших добрых отношений в тот далекий период, на которые должны ориентироваться нынешние и будущие поколения обоих государств.

В этот сложный период мировой истории, когда все мы хотим мира и покоя, открытие подобного памятника имеет особую значимость.

Надеюсь, что общие культурные ценности, тот высокий дух гуманизма, который продемонстрировали наши предки, послужит делу мира и сотрудничества между всеми народами, и вновь созданный памятник будет символом высоты человеколюбия, которого нам сейчас так не хватает.

Уважаемые читатели, с большой гордостью и чувством уважения к Вашей родине от имени своей страны и жителей исторического по своей значимости города Гелиболу желаю всем Вам и Вашим близким любви, благополучия и покоя.

С самыми добрыми пожеланиями.

Член Российско-Турецкой Рабочей группы Программы
Дж. БИНГЁЛЬ

Попечительский совет Программы «Восстановление памятника в Галлиполи»

ЯКУНИН Владимир Иванович – *Сопредседатель Попечительского совета Программы, Председатель Попечительского совета Центра Национальной Славы и Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного;* **ЛАВРОВ Сергей Викторович –** *Сопредседатель, Министр иностранных дел Российской Федерации;* **СОКОЛОВ Александр Сергеевич –** *Сопредседатель, Министр культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации (2004–2008 гг.);* **МИХАИЛ (Донсков) –** *Епископ Женевский и Западно-Европейский (РПЦЗ);* **МАРК (Головков) –** *Епископ Егорьевский, викарий Московской Патриархии, заместитель Председателя Отдела внешних церковных связей (РПЦ);* **ОКУЛОВ Валерий Михайлович –** *Генеральный директор ОАО «Аэрофлот»;* **МАНСИМОВ Мубариз Курбанович –** *Президент группы компаний «Палмали»;* **ПЛАТОНОВ Владимир Юрьевич –** *член Правления РАО «ЕЭС России»;* **ЛУКША Сергей Викторович –** *Генеральный директор ООО «Тяжмашресурс»;* **ДОБРОДЕЕВ Олег Борисович –** *Генеральный директор ВГТРК;* **ПИОТРОВСКИЙ Михаил Борисович –** *Директор Государственного Эрмитажа;* **БОГУСЛАЕВ Вячеслав Александрович –** *Президент и Председатель Совета директоров ОАО «Мотор Сич» (Украина);* **ПЕТРОВ Сергей Михайлович –** *советник Генерального директора компании «Транс-Лес».*

Российско-Турецкая Рабочая группа Программы «Восстановление памятника в Галлиполи»

ЯКУШЕВ Михаил Ильич – *руководитель Рабочей группы, вице-президент Центра Национальной Славы и Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного;* **АЛАНИЯ Михаил Анатольевич –** *координатор Рабочей группы, начальник Отдела международного протокола Центра Национальной Славы и Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного;* **ИВАНОВСКИЙ Владимир Евгеньевич –** *Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Турецкой республике;* **КРИВЕНКО Александр Иванович –** *Генеральный консул Российской Федерации в Турецкой республике;* **БИНГЁЛЬ Джихат –** *мэр города Гелиболу (Турция);* **АЧЫКГЁЗ Зейнель –** *президент компании «Тес-Иш» (Турция);* **БУРАВОВ Андрей Вячеславович –** *начальник Отдела Турции МИД РФ;* **БЕЛЮКИН Дмитрий Анатольевич –** *народный художник России, член-корреспондент Академии художеств России;* **ВОЛКОВ Сергей Владимирович –** *доктор историческихнаук, профессор, писатель;* **ЕМЕЛЬЯНОВ Юрий Николаевич –** *доктор исторических наук, научный сотрудник Института Российской истории РАН, писатель;* **ЗОТОВ Виталий Борисович –** *заместитель директора Департамента общественных связей ОАО «Аэрофлот»;* **ИЛЬИН Александр Васильевич –** *советник Министра культуры и массовых коммуникаций РФ;* **КАРКЛИНЬШ Владимир Владимирович –** *советник вице-президента ОАО «РЖД»;* **МАТЮХИН Леонид Иванович –** *советник Генерального директора ООО «Тяжмашресурс»;* **МОРДМИЛЛОВИЧ Анна Яковлевна –** *управляющий делами Центра Национальной Славы и Фонда Святого Всехвального Андрея Первозванного;* **ПЕТРАКОВ Виктор Васильевич –** *заместитель руководителя Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия (Россвязьохранкультура) – начальник Управления по сохранению культурных ценностей;* **ПАРФЕНОВА Елена Альбертовна –** *начальник Управления международного сотрудничества Центра Национальной Славы и Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного;* **ЧЕРКАШИН Николай Андреевич –** *историк, писатель, лауреат премии Андрея Первозванного «За Веру и Верность»;* **ЧЕРЕПАНОВ Юрий Геннадиевич –** *советник Председателя правления ЗАО «Миллениум банк»;* **ШАДРИН Александр Анатольевич –** *директор представительства группы компаний «Палмали» (Москва);* **КОНОНЕНКО Петр Иванович –** *директор представительства ОАО «Мотор Сич» (Москва);* **РЫБАС Святослав Юрьевич –** *генеральный директор Русского биографического института.*

Галлиполийцы
Борис Роснянский, галлиполиец

Обломки старых стен на берегах Босфора
Опять увидели плывущих к ним славян,
Как прежде, в старину, из полунощных стран,
И не сводили с них загадочного взора.

Но не с мечом в руке и удалью в глазах
К ним плыли отпрыски могучего Олега,
А жалкие, в крови, с лицом белее снега,
И были у камней морщины все в слезах.

В холодный день, окутанный туманом,
С остатками дружин шли тихо корабли,
И вышли странники на прах чужой земли,
В долине хмурых гор раскинулися станом.

Тяжелый мрак окутал все кругом.
России нет, в ней царствуют бродяги,
И белые борцы повыронили стяги,
Святыни топчутся наемным сапогом!

В холодный день, окутанный туманом,
При пении молитв на стороне чужой
Явилась всем душа земли родной
И сладостным пахнула фимиамом.

И закалила всех неведомым огнем,
И напоила жертвенным страданьем,
Одним во всех сердцах явилася желаньем
На стражу родины встать пламенным мечом.

И в знак того, что первыми рядами
Мы с радостью пойдем на плаху и на бой,
Одели черный крест, железный и простой,
Рожденный в шуме волн, идущих к нам грядами.

Как был возрожден Галлиполийский памятник

М.И. Якушев, руководитель Российско-Турецкой Рабочей группы Программы по восстановлению памятника в Галлиполи, вице-президент Центра Национальной Славы и Фонда Святого всехвального апостола андрея первозванного, историк-востоковед, **Н.А. Черкашин,** член Российско-Турецкой Рабочей группы Программы по восстановлению памятника в Галлиполи

Десятого января 2008 года в расположенном на европейском берегу Дарданелльского пролива турецком городе Гелиболу (бывшем Галлиполи) стоял густой зимний туман. В этот студеный день на Галлиполийский полуостров, в провинцию Чанаккале, приехала российская общественная делегация, состоявшая из членов Рабочей группы Программы по восстановлению памятника русским людям в Галлиполи. Наш автобус после пяти часов езды, обогнув все Мраморное море с севера, въехал в Гелиболу.

Гавань в современном Гелиболу

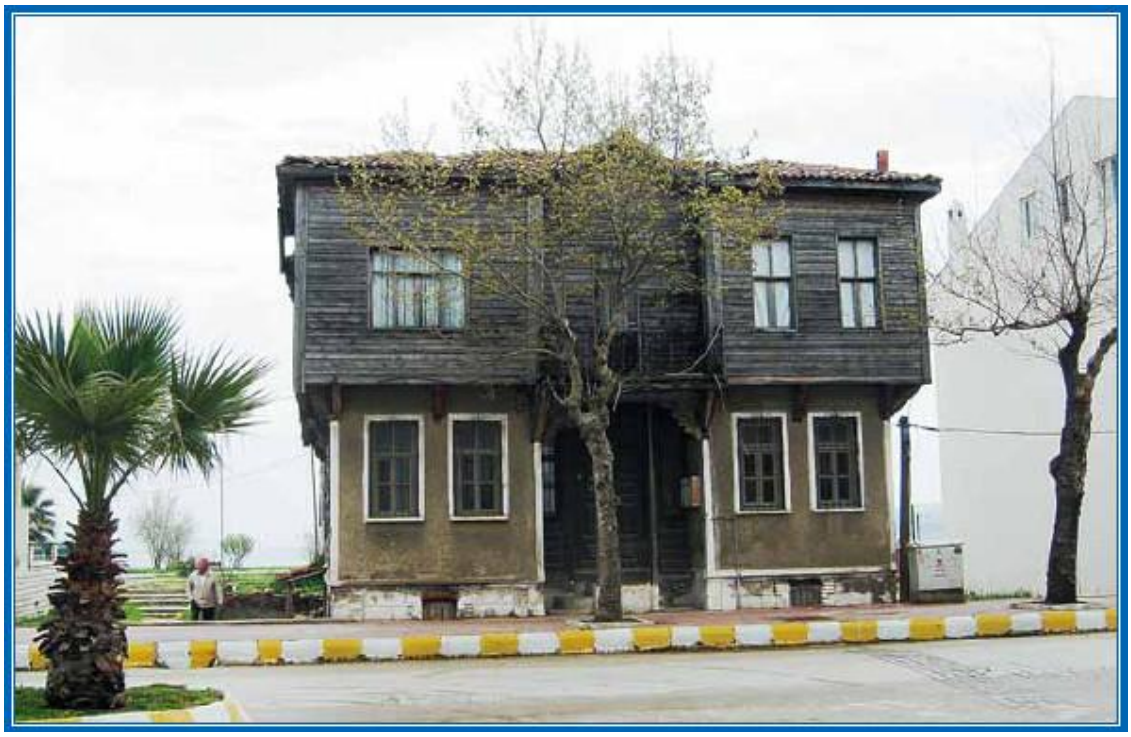
День выдался на редкость холодным. Под плотным инеем полегли травы, и все словно побелело – в цвет Белой Армии. Да, свой цвет есть и у памяти: казалось, в белом тумане, как из небытия, возникали фигуры людей в белых гимнастерках, в выжженных добела фуражках… Солдаты генерала Врангеля, легендарный 1-й Армейский Корпус…

Здесь, на обочине одного из великих путей человечества, на берегу Дарданелл, такой же не по-южному холодной зимой 1920–1921 года стояли лагерем последние русские полки. Их рассеяли через несколько месяцев по многим странам, но прежде они поставили памятник своим скончавшимся соратникам – курган, осененный крестом, из почти 20 тысяч камней, принесенных руками каждого русского галлиполийца. Именно этот разрушенный

землетрясением 1949 года памятник предстояло теперь возродить не из руин даже, – из забвения.

Гелиболу – «голое поле», как почти 90 лет назад назвали это место наши соотечественники, сегодня оказался плотно застроенным современным городком. От начала прежнего века остались лишь каменная рыбацкая гавань, на причалы которой высаживались русские в ноябре 1920 года, да старинная генуэзская башня, где размещалась когда-то гауптвахта, и здание комендатуры. Неподвластными времени остались холмистый пейзаж и море, в синеве которого, за минаретами, бесшумно проплывали корабли. Дымок из печных труб вился и попахивал так, как в 20-е годы. Казалось, можно было «услышать» то время – в завывании ветра, шуме прибоя, в горластом пении петухов, которые и сегодня, и тогда, и испокон веку возвещали Галлиполи о наступлении утра.

За несколько километров до города автобус встретила машина местной дорожной инспекции, и в сопровождении такого «почетного эскорта» мы подъехали к воротам строительной площадки, где наш запаздывавший транспорт уже долее часа терпеливо ожидали жители Гелиболу и официальные лица. Неожиданным для местных жителей стал не только приезд русской делегации, но и губернатора провинции, господина Орхана Кырлы, который здесь хоть и не частый гость, но в тот день прибыл в Гелиболу ради исключительного события – торжественной церемонии закладки в основание будущего памятника капсулы с обращением к потомкам.

Здание комендатуры – одно из немногих уцелевших в Гелиболу строений «галлиполийского» периода

Из нашего автобуса стали выходить члены Рабочей группы Программы: Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Турции В.Е. Ивановский, Генеральный консул РФ в Стамбуле А.И. Кривенко, член Попечительского совета Программы епископ Женевский и Западно-Европейский Михаил, остальные члены Рабочей группы, которые сразу же буквально растворились в среде официальных и неофициальных турецких пред-

ставителей. Вскоре было практически невозможно разобрать, где русские, а где турки – все слились в «единый фронт» участников торжества.

Торжественный момент закладки капсулы с обращением к потомкам в основание памятника.

Крайний слева: М.И. Якушев, *за ним:* епископ Михаил, А. И. Кривенко, В. Е. Ивановский, Орхан Кырлы, Джихат Бингель

Помимо губернатора провинции, местные власти были представлены каймакамом (вице губернатором) Аднаном Чакыроглы, мэром города Гелиболу Джихатом Бингёлем и другими официальными лицами. Стояло множество людей, ставших свидетелями невиданного события.

Капсула с текстом обращения

Меж тем, к воротам строительной площадки, где отвели место для памятника, продолжали подходить празднично одетые горожане, среди которых уже не осталось помнящих «русских галлиполийцев», хотя живет в Гелиболу внук смотрителя за прежним памятником, слышавший от деда о «рус аскерах» – русских солдатах. Однако все хорошо понимали, зачем здесь будет вновь воздвигнут курган памяти. Душевное тепло того давнего общения сохра-

нилось и поныне. Иначе чем другим можно было объяснить ту искреннюю взволнованность, с которой выступали на закладке первого камня официальные лица? Живая интонация передавала то, что легко улавливалось без перевода. Для местных жителей давно умершие здесь русские не были ни белыми, ни красными, а просто – русскими солдатами, занесенными на чужбину, в их городок, находившийся после окончания Первой Мировой войны под контролем французских оккупационных властей. Участь империи Османов во многом напоминала судьбу Российской империи: поражение в «Великой войне» 1914–1918 годов, иностранная интервенция Антанты, утрата части территорий, разруха, бедствия, жалкое существование местного населения.

…Холодной промозглой осенью 1920-го года турецкий берег приютил части Русской Армии генерала Врангеля – десятки тысяч людей, больше похожих на беженцев, чем на солдат. Зимой здесь – сырые холодные ветры. Летом – изнурительная жара. Море в скалах, земля в колючках и скорпионах. Скудный паек – на голодный измор. Резь в животе от кишечных болезней. И полынная тоска по оставленной Родине. Спасти бойцов в этом разбитом недавней войной крошечном захолустном городке от разложения и гибели могла только строжайшая дисциплина. Встали лагерем по всем правилам «Полевого Устава». Как и в других палаточных городках Русской армии – в Чилингире, Санжактепе, Кабакджи, на острове Лемнос, – в Галлиполи правили гарнизонную службу, строили, молились, учились и ждали приказа в бой. Верили, что смогут освободить Россию от тех, кто прятался за штыками и спинами красноармейских полков. Разбили палатки по ротным линейкам. Построили знаменные площадки и ружейные парки. Соорудили гимнастический городок. Открыли учебные классы для юнкеров. Наметили строевой плац и стрельбище. Не забыли про гауптвахту, театр и библиотеку. Но прежде – воздвигли шатры походных церквей.

А вскоре пришлось размечать и лагерное кладбище… Через несколько дней после высадки частей Корпуса на берег первой потерей – или жертвой во искупление? – стал 8-летний Саша, сын генерала Федорова. Шурик, как звали его родные. Его могилка, чудом сохранившаяся доныне, находится на Французском кладбище, и может считаться первой, или 343-й, в списке захороненных русских галлиполийцев. После смерти этого ребенка перед местными властями был поставлен вопрос о выделении земли под «русское кладбище». Климат, голод и болезни косили людей нещадно. Так на отведенном участке, где в годы Крымской войны, по преданию, были захоронены пленные русские воины, нашли упокоение и их соотечественники, заброшенные сюда лихой годиной почти через 70 лет.

Плита на могилке Шурика Федорова, сохранившаяся поныне

Летом 1921 года, в предчувствии скорого отъезда, оставшимся в Галлиполи навечно решили поставить памятник. Кто же знал тогда, что простоять ему будет суждено менее 30 лет?.. Но память человеческая имеет свои законы.

После страшного землетрясения 1949 года, разметавшего не только камни русского кургана, но и дома большинства местных жителей, прошло несколько лет. «В конце 50-х годов XX столетия, – пишет начальник Управления по сохранению культурных ценностей Виктор Васильевич Петраков, – отдел Общества галлиполийцев во Франции в инициативном порядке решил соорудить памятник на так называемом "галлиполийском участке" русского кладбища в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. По проекту художника Альберта Александровича Бенуа новый памятник как бы возрождал в уменьшенной копии, но с соблюдением всех пропорций, тот изначальный галлиполийский каменный курган. Этот монумент, ставший центром целого комплекса в честь героев Белой борьбы, и сегодня можно видеть на русском кладбище вблизи Парижа»[1].

Основным местом упокоения русских эмигрантов стало парижское предместье Сент-Женевьев-де-Буа, где на отведенном муниципальными властями участке с построенным там православным храмом первые могилы наших соотечественников появились в 1927 году. Даже после смерти они легли по-взводно и по-ротно – как шагали на парадах. Их погоны словно проступили поверх каменных плит, а воинские чины как будто приросли к их фамилиям и сомкнули эти священные ряды навечно…

К сожалению, добавляет В.В. Петраков, попытка нечто подобное сделать в середине 90-х годов в России, в частности в Санкт-Петербурге, на территории кладбища Александро-Невской Лавры, не увенчалась успехом.

Но ревнители российской истории не оставили своего начинания. В начале 90-х годов минувшего века известный военный историк, корреспондент популярного журнала «Вокруг света» и удивительный русский человек Владимир Викторович Лобыцын (1938–2005) приехал в Галлиполи в надежде отыскать место, где когда-то стоял курган, но на месте бывшего «русского кладбища» он нашел лишь несколько обломков. Возможно, тогда и возникла у него идея возродить памятник, о былом существовании которого в России вряд ли кто-то уже помнил. Зато воссоздать этот монумент было заветной мечтой оставшихся в живых «русских галлиполийцев» и их потомков. Появление статьи В.В. Лобыцына о трагической судьбе русских в Галлиполи в журнале «Вокруг света» вызвало интерес у многих россиян.

Однако в первых рядах тех, кто решил пролить свет на этот вопрос и привлечь к нему внимание турецких властей, стали российские дипломаты в Турецкой Республике: работавшие в Анкаре советник-посланник Посольства России Сергей Викторович Гармонин (1996–2000 гг.) и первый секретарь Дмитрий Сергеевич Песков (1995–1999 гг.) подготовили и направили вербальную ноту в Министерство иностранных дел Турции с просьбой разрешить российской стороне восстановление разрушенного землетрясением памятника. Особенность этой инициативы заключалась в том, что российские дипломаты не имели на руках никаких официальных указаний и инструкций из Москвы в отношении памятника, а действовали, получив лишь «добро» тогдашнего посла Александра Александровича Лебедева (1998–2003 гг.). Затем начались многократные походы вышеупомянутых российских дипломатов в турецкий МИД, чтобы «продавить» положительное решение. Однако решение вопроса затянулось на несколько лет, в течение которых российская и турецкая стороны

[1] См.: Петраков В.В Галлиполи. Фотоальбом. – М. 2008. с. 33

продолжали обмениваться нотами, но все было безрезультатно: Анкара не отвечала ни «да», ни «нет».

Тогда же, в 90-х годах, в Москве под эгидой Российского института культурного и природного наследия Министерства культуры РФ и Академии наук, Российского фонда культуры появился Инициативный комитет по восстановлению кургана в Галлиполи, который реально мог только напоминать российскому МИД о необходимости ставить этот вопрос перед турецким внешнеполитическим ведомством.

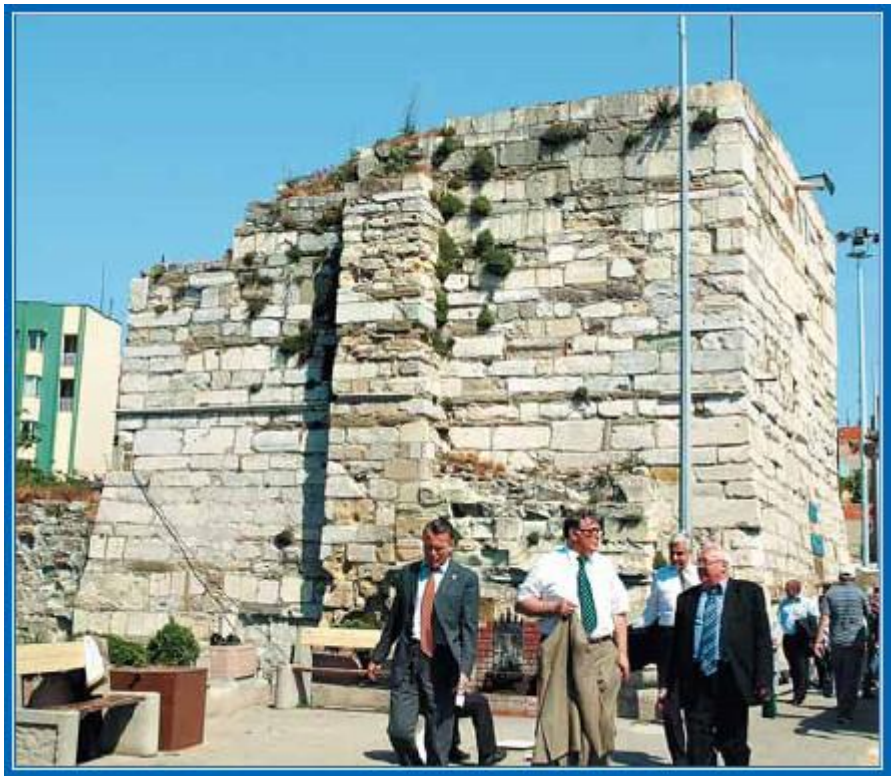

Наградной исторический Галлиполийский крест

Усилия российского Посольства в Турции не прошли даром. В результате в сентябре 2003 года наш посол в Анкаре Пётр Владимирович Стегний (2003–2007 гг.) получил от турецких властей разрешение на строительство памятника «в соответствии с оригинальным проектом» (нота МИД Турции № 355007 от 2 сентября 2003 г.). Согласно решению правительства Турции, памятник должен был быть восстановлен в строгом соответствии с его внешним видом до разрушения в 1949 году. За основу взяли переданный ранее турецкому правительству проект реконструкции, разработанный студией военных художников им. М.Б. Грекова (архитектор А.А. Христос, скульптор НА. Селиванов). Этот проект был признан соответствующим требованиям (разрешение МИД Турции № 424.31/2004/КОЕН/298016 от 14.03.2004 г.). Немаловажную роль в реализации проекта, помимо Посольства Российской Федерации в Турции, сыграли: Генеральное консульство в Стамбуле, в частности, генеральные консулы Станислав Вилиорович Осадчий (1999–2000 гг.) и Сергей Васильевич Величкин (2001–2005 гг.), атташе, а затем третий секретарь Генконсульства Михаил Анатольевич Алания (2001–2005 гг.), Управление по сохранению культурных ценностей Федеральной службы Россвязьохранкультура, представители российской общественности.

Но, как часто случается, дело тормозилось из-за «малого» – не было средств и организатора, способного объединить общественность, государственные структуры и реализовать проект. Настойчивые попытки некоторых российских организаций получить у нашего посла в Анкаре согласие на осуществление проекта по возрождению памятника, все более убеждали П.В. Стегния не торопиться с окончательным выбором. Однако теперь задержка российской стороны с началом строительных работ была непонятна в Турции, которая уже несколько лет была охвачена строительным бумом. Именно поэтому в марте 2006 года посол

П.В. Стегний решил направить письмо на имя В.И. Якунина, председателя Попечительского совета Центра Национальной Славы, – как авторитетной российской неправительственной организации, положительно зарекомендовавшей себя на историко-мемориальном поприще[2], с просьбой возглавить организационную и координационную работу по восстановлению памятника галлиполийцам. Его письмо было подкреплено письменным обращением заместителя Министра иностранных дел РФ А.В. Грушко.

Руины бывшей гауптвахты в генуэзской крепости – сохранились в Гелиболу со времен «галлиполийского стояния». *Крайний справа* Ю.Н. Емельянов, *за ним* – В.В. Петраков

Для реализации проекта по инициативе В.И. Якунина при Центре Национальной Славы был создан Попечительский совет и Российско-Турецкая Рабочая группа Программы. Главными целями Программы стали: увековечивание памяти россиян, скончавшихся в Галлиполи; объединение потенциала ряда общественных организаций и государственных структур для восстановления памятника; содействие процессу преодоления идеологического раскола русского общества в результате революции 1917 года и Гражданской войны.

Идею восстановления монумента горячо поддержали почившие Патриарх Алексий II и Первоиерарх Русской Православной Церкви За-рубежом митрополит Лавр, который благословил участвовать в работе Попечительского совета проекта епископа Михаила (Донскова). В своем указе от 5 марта (21 февраля) 2008 года владыка Михаил, в частности, писал:

«10 января 2008 года в Галлиполи (Турция), в менее трехстах километрах от Константинополя, состоялась закладка восстанавливаемого памятника чинам Русской Армии и всем русским людям, скончавшимся в галлиполийском лагере в 1920–1921 годах. Памятник в Галлиполи восстановлен в первозданном виде, точно таким, каким он был тогда, недалеко от места бывшего кладбища, где по сей день, по всей вероятности, покоятся останки воинов и

[2] В 2005 году при финансовой и организационной поддержке Центра Национальной Славы и Фонда Андрея Первозванного на фронтоне здания Генерального консульства в Стамбуле был торжественно водружен и открыт государственный герб Российской Федерации (подробнее об этом см. ниже. – *Авт.)*

членов их семей – всего около 500 человек. Восстановление памятника происходит по инициативе и при поддержке Фонда Андрея Первозванного, Министерства иностранных дел Российской Федерации, дипломатических и консульских учреждений России и Турции, а также турецких властей. В этом проекте принимает участие Западно-Европейская Епархия Русской Православной Церкви Заграницей. При закладке памятника мэр Галлиполи и местный губернатор радушно приветствовали российскую делегацию; на торжественной трапезе присутствовали представители местного турецкого населения – потомки тех, кто общался с русскими воинами.

С 16 по 18 мая 2008 года прибудет делегация для открытия и освящения памятника. В связи с тем, что я являюсь членом Попечительского совета Программы Центра Национальной Славы России по восстановлению памятника в Галлиполи, Совет, равно как мэр Галлиполи и представители русской дипломатии в Турции, выразили мне просьбу оповестить потомков галлиполийцев о готовящихся торжествах и о желательном их участии.

С этой целью мною было поручено Алексею Павловичу Григорьеву сделать предварительный опрос среди русской заграничной общественности. По его инициативе уже пишется образ Святителя Николая, Мирликийского Чудотворца, покровителя Белого движения. Икона размером 80х130 см, с надписью: *«Доблестньхм Галлиполийцам, героям Белого Движения и всем воинам, на поле брани за Родину живот свой положившим, в смуте умученньм и убиенньм и в мире скончавшимся, Вечная Память! Слава и честь Рыцарям Галлиполийцам! Навсегда Вы наша гордость! Дети, Внуки и Правнуки, Потомки Галлиполийцев».*

Многие откликнулись и уже известно около ста двадцати имен. Мы просим всех живущих на разных континентах потомков галлиполийцев дать в ближайшее время знать о себе и сообщить степень родства и, желательно, чин, в котором их старшие родственники пребывали в Галлиполи в 1920–1921 годах».

Эту инициативу епископа Михаила поддержали многие родственники галлиполийцев, которые затем нашли возможность и прибыли в Гелиболу.

Со стороны России, от Московского Патриархата, в Совет попечителей вошел епископ Егорьевский Марк (Головков), заместитель Председателя Отдела внешних церковных связей РПЦ.

Стремлению русских возродить памятник немало содействовал и нынешний мэр Гелиболу Джихат Бингёль, который стал членом Рабочей группы проекта. Благодаря его помощи муниципалитет выделил участок площадью 860 кв. метров в районе исторического «русского кладбища». Когда турецкие власти в Анкаре официально разрешили начать возведение кургана, мэр Гелиболу санкционировал проведение работ по выравниванию участка и приведению его в порядок, причем все работы проводились безвозмездно. Была даже установлена табличка с текстом на турецком и русском языках о предназначении этого землеотвода. Турецкая сторона инициативно провела и некоторые другие работы: подвели электричество, воду, взяли пробы грунта на геологическую экспертизу.

В ноябре 2007 года тендер на возведение памятника выиграла авторитетная турецкая фирма «Тес-Иш», возглавляемая президентом Зейнелем Ачыкгёзом. Компания представила лучший проект восстановительных работ. Над художественным оформлением мемориального комплекса работал народный художник России, член-корреспондент Академии художеств России Д.А. Белюкин, также включенный в состав Рабочей группы. Его кисти принадлежит написанная в 1992–1994 годах и получившая широкое признание в «русском мире» картина «Исход», на которой запечатлен эпизод отхода кораблей с русскими изгнанниками от крымских берегов в ноябре 1920 года[3]. Этому замечательному художнику посчастливи-

[3] В конце октября – начале ноября 1920 г. из Белого Крыма на 126 кораблях эвакуировались армейские подразделения и гражданское население – всего около 150 тыс. человек В своих «Воспоминаниях» барон П.Н. Врангель так писал об

лось осуществить то, о чем в течении многих лет думал наш талантливый скульптор Вячеслав Михайлович Клыков (1939–2006 гг.), безвременно ушедший из жизни почти за полтора года до начала восстановительных работ. Клыков, человек неробкого десятка, не раз воздвигавший свой голос в защиту православных святынь, мечтал о тех временах, когда Россия вспомнит о необходимости возрождения памятника своим сынам-галлиполийцам. И все-таки не верил, что когда-нибудь это может стать явью… Благодаря объединению двух ветвей Русской Православной Церкви эти, казалось бы, еще вчера несбыточные грезы стали реальностью.

Проект Д. А. Белюкина включал в себя не только воссоздание разрушенного в 1949 году кургана, но так же возведение ограды с крестами на решетках и музея «Галлиполийского стояния», которых исторически на галлиполийском кладбище попросту не существовало. Поскольку эти объекты формально выходили за рамки разрешения турецкого правительства восстановить памятник в строгом соответствии с его внешним видом до разрушения в 1949 году, идея сталкивалась с реальными проблемами, для решения которых двум внешнеполитическим ведомствам пришлось бы потратить не один год. Проблему блестяще и оперативно решил мэр Гелиболу, который прилагал и прилагает немало усилий, чтобы небольшой городок на Дарданелльском проливе стал местом паломничества для российских граждан.

Темпы возведения мемориала были впечатляющими. В декабре 2007 г. на строительной площадке в Гелиболу впервые появилась строительная техника, а в январе 2008 г. в основание памятника уже была заложена капсула с посланием потомкам.

Однако весной, перед самым открытием, возникла небольшая заминка с текстом на фронтоне памятника. Выбитая на нем в 1921 г. историческая надпись гласила: **«Упокой, Господи, души усопших. 1-й Корпус Русской Армии – своим братьям-воинам, в борьбе за честь Родины нашедшим вечный покой на чужбине в 192021 гг. и в 1854-55 гг. и памяти своих предков-запорожцев, умерших в турецком плену».**

Помимо русской надписи, на фронтоне имелся ее сокращенный перевод на трех языках: французском, греческом и старо-османском[4]. Правда, упоминание о «турецком плене» в переводах уже отсутствовало. Когда же перед самой установкой фронтона муниципальным властям вдруг стало известно, что в полном русском варианте есть упоминание о «турецком плене», они стали настоятельно просить нас видоизменить концовку полной надписи на русском, как говорится, «от греха подальше», – либо на «умерших на турецкой земле», либо «умерших в Турции», что сняло бы «голов ную боль» для турецкой стороны, опасавшейся, что фронтон могут повредить местные хулиганы. Однако предлагаемые варианты искажали текст исторической надписи. Напомним, что во время «галлиполийского стояния» сам город Галлиполи формально еще оставался *османским* субъектом гибнущей Османской империи, став *турецким* лишь после провозглашения Турецкой Республики в 1923 году, то есть больше года спустя после того, как русские галлиполийцы уже отплыли на военных кораблях из своего кратковременного пристанища на Дарданеллах. К тому же предстоятелю Константинопольского Патриархата Варфоломею I, благословившему восстановление русского памятника на своей канонической территории, вряд ли бы понравилось появление на

этом событии: «Тускнели и умирали одиночные огни родного берега. Вот потух последний… Прощай, Родина!». Корабли взяли курс на Константинополь. 30 судов русского военного флота, имея на борту почти 6 тысяч человек, в том числе и Морской кадетский корпус, по указанию Франции направились в тунисский порт Бизерту (Тунис тогда являлся французской колонией) Впоследствии, в соответствии с договоренностями Франции с правительством большевиков, этот флот был затоплен. *(Примеч.* авт.)

[4] Государственным языком в Османской империи был староосманский, использовавший арабскую вязь и включавший в себя не только турецкие, но также арабские и персидские слова. В 1923 г. Турецкая Республика перешла на новый турецкий язык, сменив арабскую письменность на латиницу. К слову, туркам пришлось почти четыре месяца искать специалиста по староосманскому языку *(Примеч. авт.)*

русском памятнике «апокрифических» нововведений с упоминанием «Турции» или «турецкой земли». Сотрудникам его патриархии в Фанаре, любезно предоставившим нам практическую помощь в сверке перевода надписи с русского на греческий язык, была хорошо известна первозданная надпись.

Благодаря личному обращению митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя Отдела внешних церковных связей РПЦ (ныне Патриарха Московского и всея Руси), к архиепископу Константинополя – Нового Рима и Вселенскому патриарху Варфоломею I было получено его письменное благословение на приезд архиереев РПЦ и совершение ими панихиды в день торжественного освящения памятника, находящегося на канонической территории Вселенского патриарха.

Возникший казус с подписью был разрешен членом Попечительского совета проекта, епископом Михаилом, отец которого – донской казак Василий Донсков – пережил «сидение», аналогичное «Галлиполийскому», на греческом острове Лемнос. Владыка предложил просто опустить спорную фразу, ставшую «камнем преткновения» в переговорах между членами Российско-Турецкой Рабочей группы Программы. Наши запорожские друзья также поддержали мудрое предложение владыки Михаила. Все мы с облегчением вздохнули, и мраморная массивная плита (а не каменная, как на прежнем памятнике) была надежно прикреплена к лицевой стороне воздвигнутого кургана, которому теперь были уже не страшны нередкие в Турции землетрясения.

Гимн Турецкой республики исполняет турецкий фольклорный ансамбль «Янычар»

И вот, по прошествии нескольких месяцев, жарким солнечным днем 17 мая 2008 года, в день первой годовщины воссоединения Русской Православной Церкви и Русской Православной Церкви Заграницей, что было весьма знаменательно, – состоялась волнующая церемония торжественного открытия памятника. Вновь, как и четыре месяца назад, на ставшую для нас гостеприимной турецкую землю приехала российская делегация. На этот раз еще более представительная, чем в январе. После речей российских и турецких официальных лиц перед общественностью сопредседатели Попечительского совета Программы Владимир

Якунин и Александр Соколов вместе с губернатором турецкой провинции Чанаккале Орханом Кырлы сняли с памятника покрывало. Исчезнувший на полвека с лица земли монумент предстал перед местными жителями, приехавшими в Гелиболу потомками галлиполийцев и россиянами во всем своем величии. Грянули государственные гимны России и Турции.

Сотни людей в Гелиболу с неподдельным интересом следили за происходящим. Хотя не все из них хорошо понимали его смысл, несомненно, что событие стало для них праздником. Общая атмосфера необычайного действа, выходившего за рамки формальных мероприятий, ощущалась всеми присутствующими. То, что совместными усилиями нынешних россиян и турок был возрожден памятник некогда умершим здесь русским людям, которых в Советской России называли в лучшем случае «беляками», но которые на этой земле оставили о себе добрую память, – было глубоко символично. Появление на далеком дарданелльском берегу «шапки Мономаха», увенчанной византийским крестом, было с пониманием воспринято турецким народом, несмотря на разницу в вероисповедании. Прибывшие в Галлиполи оркестр кадетов суворовцев и турецкий оркестр «Янычар» продолжали исполнять гимны обоих государств, и под торжественные звуки музыки вспоминался парад, происходивший на этом месте почти 80 лет назад.

Суворовцы – кадеты Московского Военно-музыкального училища – исполняют гимн России

…Вскинув винтовки «на руку», под марш «Прощание славянки» шли перед командиром 1-го Корпуса в солдатских рядах прапорщики и полковники, подпоручики, штабс-капитаны, сотники, ротмистры. За их спинами остались походы, рейды, прорывы, бои, окопы Германской войны, Орел и Воронеж, Кубань, Каховка, Перекоп, Крым. Они отдавали честь генералу Кутепову спасенному знамени, каменному памятнику с крестом, построенному их руками. Шли корниловцы, марковцы, дроздовцы, алексеевцы. Шла Армия. Русская Армия. Она уходила в историю…

Вот и сейчас ступени кургана ведут в небо, к древнему византийскому кресту. У подножия его ложатся венки, полковые знамена. Епископ Михаил вместе с епископом Мар-

ком освящают икону Святителя Николая, покровителя воинства, написанную на собранные потомками галлиполийцев средства. Это была их общая, «соборная» инициатива.

Десятки молодых и уже немолодых людей из Франции, Бельгии, США, Германии, Швейцарии… Они помнили, знали друг о друге от своих родителей, дедов, хотя не часто виделись, а некоторые впервые познакомились только здесь. Кто-то из них стоит, затаив дыхание, другие, глотая слезы, не могут сдержать своих чувств. Это сыновья, дочери, внуки и племянники галлиполийских поручиков и солдат, есаулов и ротмистров, капитанов и полковников, военных врачей и сестер милосердия. Они дожили до этого дня, и турецкая, такая суровая к их предкам земля, вновь породнила их – через память об усопших, через крест Христов, осеняющий курган, – друг с другом, со своими соотечественниками из России, с родиной их отцов и матерей, а, значит, и с их общей Родиной.

Родственники и близкие «русских галлиполийцев», участвовавшие в торжественном открытии памятника

Апраксина Мария Николаевна – дочь Николая Михайловича Котляревского, секретаря генерала барона П.Н. Врангеля

Апраксина Варвара Владимировна – внучка Н.М. Котляревского

Апраксина Елизавета Владимировна – внучка Н.М. Котляревского

Белявский Николай Сергеевич – сын подпоручика Лейб-Гвардии Санкт-Петербургского полка Сергея Михайловича Белявского

Григорьев Алексей Павлович – внук корнета Николая Наумовича Шелудковского

Малинин Андрей Константинович – правнук церковного певчего Константина Николаевича Кедрова

Машталер Георгий Владимирович – внук юнкера Сергиевского Артиллерийского училища Бориса Николаевича Машталера

Мусин-Пушкин Андрей Андреевич – внук полковника Бориса Николаевича Гонорского, правнук полковника Григория Андреевича Попова

Орехов Дмитрий Васильевич – сын капитана Василия Васильевича Орехова

Орехова Татьяна Кузьминична – супруга Орехова Д.В.

Орлов Петр Алексеевич – сын вольноопределяющегося, корнета сводного Кирасирского полка Алексея Сергеевича Орлова и племянник поручика Лейб-Гвардейского Измайловского полка Александра Сергеевича Орлова

Остелецкая Елизавета Николаевна – внучка конт-адмирала Павла Алексеевича Остелецкого, который затем ушел в Бизерту, внучатая племянница Бориса Алексеевича Остелецкого, штабс-капитана Лейб-Гвардейского Павловского полка

Пален Сергей Сергеевич – правнук историка Николая Николаевича Львова

Роснянский Петр Борисович – сын капитана Лейб-Гвардии Санкт-Петербургского полка Бориса Петровича Роснянского

Тарасов Сергей Сергеевич – внук поручика Алексея Прокофьевича Тарасова

Хендерсон-Стюарт-Пален Анна Сергеевна – правнучка историка Николая Николаевича Львова

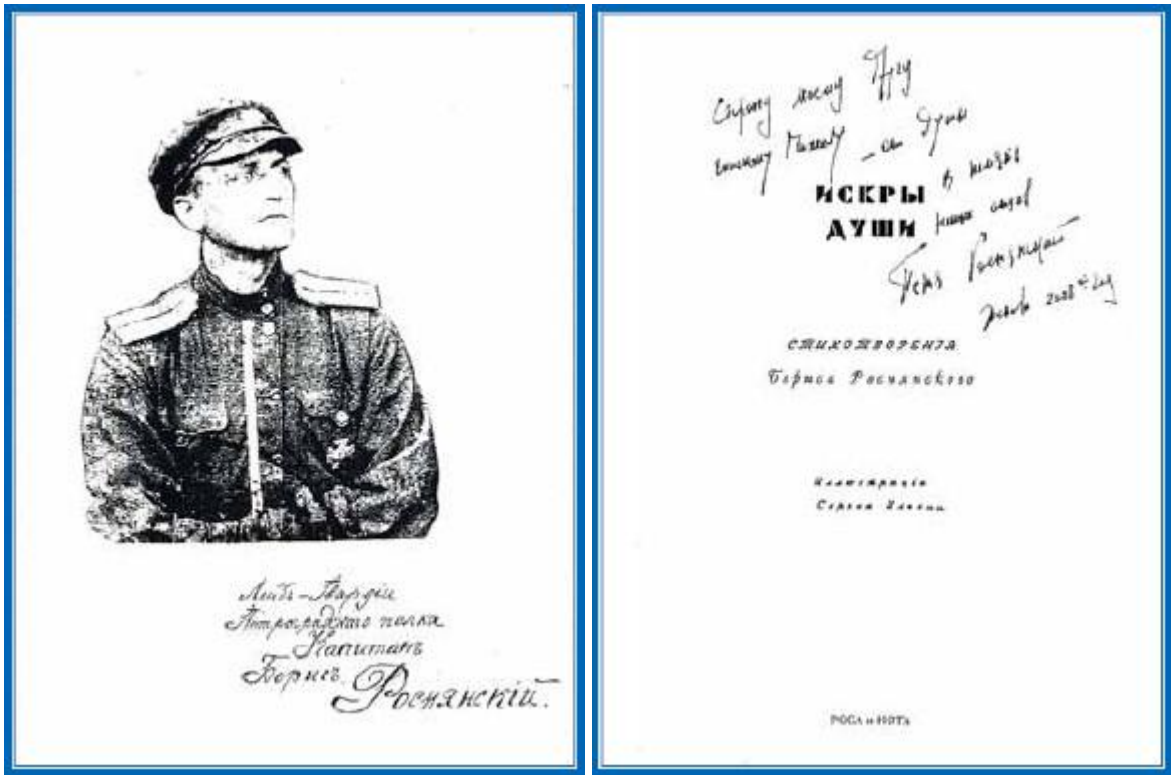
Худокормов Александр Александрович – сын полковника Александра Васильевича Худокормова

Худокормова Анна Васильевна (урожд Кочубей) – супруга Худокормова АА.

Чавчавадзе Зураб Михайлович – сын корнета Гвардейского Конно-гренадерского полка Михаила Николаевича Чавчавадзе.

Епископ Михаил и епископ Марк вместе освящают икону и памятник. Отслужив молебен, они кропят водой образ Святителя Николая, курган и положенные к нему венки.

Также торжественно был открыт и Музей «Галлиполийского стояния», в красном углу которого установили икону. Его небольшая пока экспозиция – это драгоценные реликвии, привезенные в Гелиболу потомками галлиполийцев: металлические галлиполийские кресты, удостоверения к ним; чудом оставшиеся предметы скудного обихода их родителей и дедов и, конечно, выставка копий старых фотографий, бережно хранимых эти долгие годы, – чтобы сегодня и мы смогли словно бы шагнуть в то время.

Обложка и титульный лист книги стихов капитана Б.П. Роснянского «Искры души»

А тем временем главные торжества переместились на центральную площадь Гелиболу имени Мустафы Кемаля Ататюрка, где уже демонстрировали свое искусство полюбившиеся местным жителям духовой оркестр кадетов-суворовцев и фольклорный ансамбль «Янычар». Непривычные для русских мощные и протяжные звуки турецких музыкальных инструментов перемежались виртуозными номерами суворовцев, вызывая искреннее восхищение всех присутствующих.

И эта такая разная музыка тоже объединила всех, независимо от национальной и государственной принадлежности. Люди, русские люди, делятся своей радостью и друг с другом, и с совершенно незнакомыми им местными жителями.

Дмитрий Орехов, сын офицера-галлиполийца, капитана В.В. Орехова, взял с собой несколько номеров старого эмигрантского журнала «Часовой», немало страниц посвятившего судьбам галлиполийцев, истории памятника-кургана.

Петр Роснянский, сын капитана Лейб-гвардии Петербургского полка Бориса Роснянского, дарит участникам торжества стихи отца о «галлиполийском стоянии», изданные им в Женеве на собственные средства. Он же привез и уникальные фотографии жизни и быта в галлиполийских лагерях.

А несколько лет назад, вспоминает один из авторов этой статьи, случилось другое. Вадим Крыжановский из Франции узнал на фотокарточке своего отца: молодой поручик, стоя у землянки, смотрит в объектив фотокамеры не без грусти, но с задором молодости; как и многие его сотоварищи по изгнанию, он верит, что Галлиполи для них – не навечно, а всего лишь этап жизни, который нужно достойно пережить.

Затем на набережной Гелиболу, прямо перед главной площадью рыбацкого городка, губернатор провинции Чанаккале дал званный обед в честь русской делегации. Вечером следующего дня праздник переместился в Стамбул, в здание Генерального консульства России, которое и сегодня остается одним из красивейших сооружений древнего города[5]. По случаю открытия Мемориала там состоялся торжественный прием от имени председателя Попечительского Совета ЦНС и ФАП В.И. Якунина в честь участников открытия мемориала. Во дворе величественного здания, находящегося в самом центре города, суворовцы вновь повторили свою замечательную концертную программу. Их блестящее выступление привлекло внимание местных жителей из соседних кварталов на улице Истикляль (в бывшем столичном дипломатическом квартале Стамбула Галате), что напротив здания даже остановился прогулочный трамвай, из которого вышли все пассажиры, и, окружив чугунные решетки ограды Генконсульства, слушали наших курсантов.

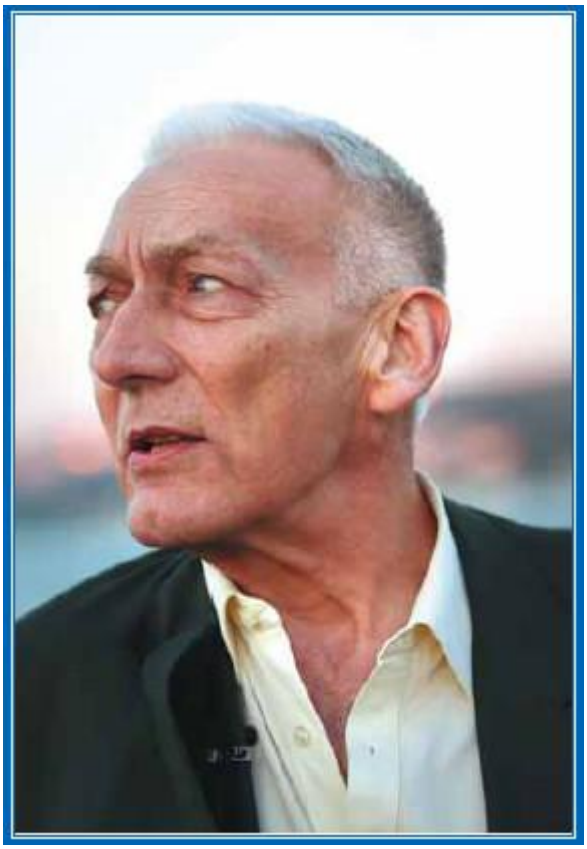

Здание Генерального консульства Российской Федерации в Стамбуле

[5] Это здание строилось с 1837 по 1845 гг. по указу Николая архитектором Гаспаре Фоссати в прямом смысле на русской почве. По преданию, еще во времена правления Екатерины Великой территория посольства была покрыта землей, привезенной из России. В 1914 г., после объявления Портой войны России, посол М.Н. Гирс перед отплытием со всем штатом посольства из Константинополя спустил с флагштока посольства императорский флаг. Во время пребывания Русской Армии под командованием генерала П.Н. Врангеля в Царьграде (1920–1922 гг.), после эвакуации из Крыма, его штаб размещался в здании бывшего российского посольства в оккупированном союзными войсками Антанты городе. Прошли годы. Советское посольство переехало в новую турецкую столицу Анкару, а в его бывшем здании в Стамбуле стало действовать Генеральное консульство. После сильного землетрясения в Стамбуле в 1999 г. тогдашний Генконсул С.В. Осадчий обратился с просьбой к находившемуся в Турции с визитом Президенту РФ Б.Н. Ельцину помочь с ремонтом исторического здания (примечательно, что с 1845 г. здание ни разу не подвергалось капитальному ремонту). После посещения здания консульства РФ председателем Попечительского совета ЦНС В.И. Якуниным было решено восстановить герб с византийским орлом на месте его исторического расположения. В июле 2005 г. состоялась торжественная церемония открытия герба на фронтоне здания, в которой, помимо делегации ЦНС и российских дипломатов, принимали участие турецкие официальные лица и представители местной общественности. *(Примеч. авт.)*

После выступления кадетов состоялся еще один концерт, где вместе с суворовцами-музыкантами пела народная исполнительца русских песен Татьяна Петрова.

Затем в императорском бальном зале был открыт торжественный банкет, на котором взял слово Петр Алексеевич Орлов – сын галлиполийца, корнета Алексея Сергеевича Орлова и племянник галлиполийца, поручика Александра Сергеевича Орлова. От имени всех потомков галлиполийцев, с огромным душевным подъемом и благодарностью Господу, он сказал, что все они, дети и родственники бывших офицеров Русской Армии, счастливы дожить до нынешнего дня, когда Россия смогла поклониться этой земле и восстановленному памятнику.

Петр Алексеевич Орлов

Из выступления Петра Алексеевича Орлова

«Галлиполи …Галлиполи …
Это слово звучит во мне семьдесят лет.
Это слово сверкает и плачет… Далеко, далеко…
У Деникина папа служил, у Врангеля всё потерял,
Лишь достоинство, веру, надежду и дух сохраняя.
Они были детьми, юнкера и студенты,
Отдали бы жизнь за Россию свою,
Но Россия велела им жить … на чужбине.
Это были трагедия, скитания и скорбь!
Но Кутепов в Галлиполи им строго сказал,
Что должны были они навсегда сохранить
Веру, верность и честь для потомков России.

Галлиполи ... Галлиполи ...
Это славное слово!
Там заложены миссия, память и дух,
Там стояли герои.

Мне 70 лет, и всю жизнь Галлиполи является для меня знаменательным местом, датой в истории, ставшей меркой достоинства и страдания российского народа.

Отец мне много рассказывал. Как они жили, как голодали, и изредка откуда-то, от кого-то получали кусочек халвы – вот какой праздник. Как они тайно хранили запрещенное оружие – дабы побыстрей быть готовыми к походу для освобождения Родины от порабощения. Как они при этом и впадали в отчаяние, всеми забытые и обманутые, – а чтобы поднять дух, построили памятник, ***куда каждый принес свой камень.***

Отец, пока жил, привил мне большую любовь к Отчизне и, главное, – готовность её освободить от злодейского ига, готовность ей служить верой и правдой, как все наши предки служили.

А после отца и мне удалось передать это великое предание своим сыновьям.

Мы всегда чтили память подвига в далеком Галлиполи. Но отец никогда не хотел бы туда возвратиться, и мне никогда не пригрезилось бы посетить те места. Но все-таки каждый раз, что летал, возвращаясь с Кавказа, из Стамбула на Запад, непременно прилипал лицом к окошку во время всего перелета над Дарданеллами.

И вот вдруг пришло приглашение на открытие восстановленного памятника. Мы все там были! Отовсюду съехались Орловы. С женами, детьми и внуками! Описать волнения и эмоции невозможно. Описать пролитые слезы – не к месту. Хочу только сказать – спасибо! Спасибо и туркам, и русским. И бывшим советским, и бывшим эмигрантам. И всем, кто молился согласно своему сердцу.

И пусть этот памятник напомнит нам всем, сквозь какие мучения прошла наша бедная Родина, – как в России, так и за её пределами. Мы все ее дети. Мы все грешны, мы все виноваты и просим у Бога прощения.

Да поможет нам Бог признать все грехи. И каяться, каяться, каяться.

Мы всегда верили в правоту дела наших отцов. Мы знали, что однажды их помянут добрым словом, и вот это произошло. Они вынуждены были уехать из России, но хранили Россию в себе и передали ее нам. Теперь наши дети хранят эту память, эту веру, хранят по-прежнему вдалеке от России, но теперь Родина стала намного ближе».

П. А. Орлов рассказывал о том, как сложились судьбы галлиполийцев в тех странах, куда их забросила судьба. Никто не пропал, не сгинул безвести. Да, они разошлись, разъехались, разлетелись по всему свету – от белых скал Босфора до черных болот Африки, рубили уголь в шахтах Шпицбергена и валили эвкалипты в лесах Австралии, крутили «баранки» парижских такси и пробивали тоннели в горах Америки… Но всех их, офицеров бывшей Императорской и Добровольческой армии, спасала полковая дружба, верность Богу и знамени.

Время шло, и множились в журнале «Часовой» столбцы «Незабытые могилы»:

«Поручик Марковской Артиллерийской бригады Владимир Иванович Тарасов скончался 1 августа 1967 года в Манхейме».

«… В Париже преставился протопресвитер отец Виктор, бывший офицер 6-го Бронепоездного дивизиона».

«… В Стокгольме – лейтенант Русского флота Павел Павлович Потоцкий».

«… В Италии – военный летчик капитан Михаил Александров».

«… В Нью-Йорке – есаул Гвардейского Кубанского дивизиона Александр Грамотин».

«… В Сиднее – подпрапорщик Федор Маслов»…

Тысячи людей ушло из жизни, не дожив до этого дня – 17 мая 2008 года…

Из выступления Марии Николаевны Апраксиной[6]

«Ваше Преосвященство! Ваше Превосходительство! Хочу, во-первых, поблагодарить Владимира Ивановича и членов Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного за приглашение приехать в Галлиполи на освящение восстановленного памятника-мемориала.

В1996 году, 12 лет тому назад, мы с братом Владимиром Николаевичем Котляревским издали книгу-альбом «Крестный Путь Русской Армии генерала Врангеля». Составил книгу Петр Георгиевич Паламарчук, напечатана она была в Рыбинске, и 40 ее страниц были посвященны Галлиполи. Все фотографии в книге взяты из архива моего отца, Николая Михайловича Котляревского. Та книга-альбом стала первой, изданной в России на эту тему. Мой отец был личным секретарем генерала П.Н. Врангеля, принимал участие в организации эвакуации Русской Армии и беженцев из Крыма и покинул Крым с генералом Врангелем, состоял при нем до его смерти в Брюсселе в апреле 1928 года. Целый год затем отец приводил в порядок личный архив генерала Врангеля и потом переслал его в «Hoover War Library», в университет Стенфорд, в Калифорнию.

Я очень переживала за поездку в Галлиполи и была рада решению моих обеих дочерей, Елизаветы Владимировны и Варвары Владимировны, меня сопровождать.

Родилась я в Бельгии, все детство и юность слышала рассказы о Галлиполи, о галлиполийцах, о труднейших условиях жизни на «голом поле» и о генерале Кутепове, который твердо верил, что для спасения России нужна Армия.

В эти незабываемые майские дни мы находимся на приеме в консульстве Российской Федерации, бывшем здании Посольства Российской Империи в Константинополе, а у меня есть фотографии моего отца в этом же зале при открытии генералом Врангелем Русского Совета 5 апреля 1921 года. В1922 году штаб переехал в Югославию по приглашению короля Александра, но еще прежде, осенью 1921 года, было основано «Общество Галлиполийцев». Члены «Общества» затем разъехались по всем странам мира, с достоинством сохраняя свои традиции и огромную любовь к России.

85 лет спустя потомки галлиполийцев основали новое общество в Париже. Алексей Павлович Григорьев просил меня стать его вице-председательницей, и я с радостью согласилась».

Из рассказа о своих родных Андрея Андреевича Мусина-Пушкина

«Дедушка мой по матери, полковник Борис Николаевич Гонорский, командовал тем взводом Артиллерийской Школы, который первым высадился в Галлиполи и встречал там генерала Кутепова. Вся его семья, жена Зинаида Григорьевна (урожд. Попова) и двое детей, родственники и однополчане также попали в Галлиполи и жили, кто как мог. Моя мать,

---

[6] Мария Николаевна – дочь секретаря генерала П.Н. Врангеля Николая Михайловича Котляревского (1890–1966) Родом из Николаева, он закончил юридический факультет Новороссийского университета и в годы Первой Мировой войны служил в 6-й и 7-й армиях по ведомству Российского Красного Креста, а также состоял статс-секретарем А.В. Кривошеина После отравления газами летом 1916 года находился на излечении в Крыму, где встретил 1917 год. После октябрьского переворота дважды чудом избежал расстрела. В Крыму состоялось его знакомство с П.Н. Врангелем, направившим Николая Михайловича в Константинополь, Белград и Париж. Вернувшись в Россию, он продолжал служить при генерале и покинул Крым вместе с Русской Армией 15 ноября 1920 года. С этого периода Н.М.Котляревский состоял при Главнокомандующем, переехав из Константинополя в Белград, а затем в Брюссель. После кончины генерала вместе с вдовой, О.М. Врангель, около года он разбирал личный архив покойного, который передал в Гуверовскую библиотеку Стенфордского университета. Исполняя желание покойного П.Н. Врангеля, Николай Михайлович вместе с родственниками генерала перевез его прах в Белград. Впоследствии он работал в зарубежных общественных организациях соотечественников, являлся инициатором увековечения памяти государя Николая II и его семьи, а также сооружения памятника в Брюсселе им и всем новомученникам, убиенным в годы богоборчества в России. Умер в Брюсселе.

Ирина Борисовна Гонорская, со своим младшим братом Андреем училась в трудных условиях при школе. Ей было тогда лет 9-10, а брату года 3–4, и она много мне потом рассказывала о той трудной, но интересной жизни.

Попали в Галлиполи и мой прадед, полковник-артилерист Григорий Андреевич Попов с супругой Юлией Степановной (урожд. Тропиной), а также другие родственники и друзья – Дубровские, Сенцовы…

Хотелось бы сказать и о штабс-капитане Лейб-Гвардии Конно-гренадерского полка Иване Дмитриевиче Мусине-Пушкине, которого генерал Кутепов в 20-е годы отправил обратно в Россию, где его расстреляли в 1937 году, а также о дедушке и бабушке моей жены, подполковнике Лубенского Гусарского полка Борисе Николаевиче Савойском и Надежде Романовне (урожд. Добровольской). После Галлиполи они попали в Болгарию, а в 1926 году по контракту выехали во Францию, где Борис Николаевич долго возглавлял Союз Галлиполийцев в городе Рив (Изер). В этом же городе, уже после похищения генерала Кутепова, он основал в 1931 году офицерские курсы. Отец мой, Андрей Владимирович Мусин-Пушкин, прошел эти курсы и там встретился с дочерью полковника, там же была их свадьба в церкви Святого Архистратига Михаила, созданной иждивением дедушки, где он был старостой и регентом…

Ведь эти люди трудились и страдали на той чужой земле за Россию, за Веру Православную и несли высоко имя и честь Русской Армии».

А затем, посовещавшись между собой, сыновья, внуки и правнуки офицеров 1-го Армейского Корпуса встали в ряд и проникновенно исполнили песни старых русских полков:

«Вперед, вперед! Мы победим! Да здравствует Россия!»

И как бы в ответ этому хору Татьяна Петрова исполнила реквием «На сопках Маньчжурии». Все удивительно точно перекликалось с холмами Галлиполи…

На яхте в Дарданелльском проливе о своих родных вспоминают *(слева-направо)* А.С. Хендерсон-Стюарт, М.Н. Апраксина, А.В. Худокормова

Осмысливая произошедшее событие, его глубокий исторический и духовный смысл, задаешься одним и тем же вопросом: может быть, землетрясение 1949 года вовсе не было слепой и безумной стихией? Может быть, оно разрушило тот монумент по воле Провидения Господня для того, чтобы мы, соотечественники россиян-изгнанников, смогли сегодня воздвигнуть его заново?

Вслед за библейской фразой: «Время разбрасывать камни и время собирать камни» – приходит на ум другая, из нашей современной жизни, но не менее актуальная для нас: «Время уврачевывать и залечивать раны», – раны, нанесенные России, чтобы больше уже никогда не делить ее сынов и дочерей на «белых» и «красных».

Обращение Владыки Михаила ко всем потомкам галлиполийцев, зарубежным участникам открытия и освящения галлиполийского памятника 20/7 мая 2008 г.

Христос Воскресе!

Это событие исключительной важности совершилось в самых благоприятных условиях и стало великим торжеством. Важность и исключительность восстановления совершенно исчезнувшего с лица земли Галлиполийского кладбища состоит в том, что в самое нужное для России и для Зарубежья время вновь заключается акт полного примирения – уже в плане историческом: современная Россия признает как свою Россию Зарубежную, принимая в свое сердце подвиг тех, кто, с достоинством выехав на чужбину, обеспечил существование Русского предания для будущих поколений, для своих потомков, а сегодня – и для самой России. Их духовно-нравственный подвиг принес свои плоды, и Россия сегодня его также принимает.

Я хочу поблагодарить всех вас за ваше участие в торжествах. Это был особо радостный для всех нас момент первой встречи и совместного участия в действии, связанном с памятью самого тяжелого события русской истории. Для приехавших из России представителей общественности ваше присутствие олицетворяло то живое наследие, которое 90 лет хранилось как целый пласт истории самой России.

Мы никогда не забудем, как накануне мы все вместе находились на корабле, который шел по Босфору именно по тем местам, где пролегал путь наших родителей. Было особенно трепетно испытать чувство, что идем по их стопам. На следующий день мы прибыли на место расположения военного Галлиполийского лагеря, где стояли в полном составе части Русской Армии под главным командованием генерала Врангеля и под непосредственным ведением генерала Кутепова. Здесь появились, кроме чисто военных учреждений, церкви, лазареты, училища, школы, детские сады, проводились всевозможные воспитательные мероприятия, прежде всего с детьми и молодежью, – что и заложило основы структуры, можно сказать целого института, которой стала «Эмиграция». Из этого места зародилось три четверти всей Зарубежной России, распространившейся по всем континентам земного шара, и мы все с вами – их потомки.

Мы прибыли в Галлиполи (по-турецки Гелиболу), к участку земли, выделенному Турецким государством. На нем попечением российского Фонда Андрея Первозванного выросло точно такое же шатровое каменное сооружение, какое оставили при своем отъезде в 1921 году Галлиполийцы. Это была Шапка Мономаха, увенчанная крестом, обозначавшая незыблемое присутствие на чужой земле духа России. Этот символ Державы передавал симфоническое назначение всякого русского присутствия, где бы то ни было, ставя перед каждым русским человеком выполнение его задачи как верноподданного России. Пока в самой России Державная Божия Матерь покрывала весь страдающий русский народ, за границей, на чужой земле, русские люди сохраняли свою верность в службе своей Родине – Православной России.

Вокруг этого Мемориала чувствовалось единодушие всех присутствовавших. В нашем порыве соучаствовали и турецкие государственные представители, и местное население – турецкий народ, который тоже не забыл об этих событиях, ибо в то время также определялось будущее и самой Турции, и взаимные судьбы людей повернули страницу истории, о которой не забыли дети турок-современников Галлиполийского лагеря.

Открытие памятника как церковно-общественное событие, несомненно, даст свои плоды во всех отношениях – и в религиозной, и в светской жизни.

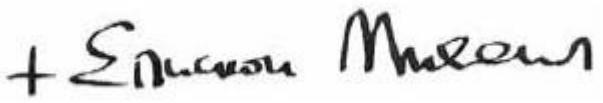
Хотел бы высказать просьбу всем тем, кто смог сфотографировать все события, прислать фотографии на наш электронный адрес. Мы сможем тогда поместить их на наш сайт.

Спасибо всем!

С любовью о Воскресшем Христе!

Воистину Христос Воскресе!

Михаил, епископ Женевский и Западно-Европейский Русской Православной Церкви Заграницей

Женева, обитель преподобного Нила Сорского

Галлиполи
Иван Савин

Огневыми цветами осыпали
Этот памятник горестный вы,
Не склонившие в пыль головы
На Кубани, в Крыму и в Галлиполи.

Чашу горьких лишений до дна
Вы, живые, вы, гордые, выпили
И не бросили чаши… В Галлиполи
Засияла бессмертием она.

Что для вечности временность гибели?
Пусть разбит ваш последний очаг —
Крестоносного ордена стяг реет в сердце,
Как реял в Галлиполи.

Вспыхнет солнечно черная даль
И вернетесь вы, где бы вы ни были,
Под знамена… И камни Галлиполи
Отнесете в Москву, как скрижаль.

Открытие Мемориала в Гелиболу (16–18 мая 2008 года)

С полным списком участников торжеств, которых читатель увидит в фотоальбоме, можно 1. ознакомиться на стр. 395-397

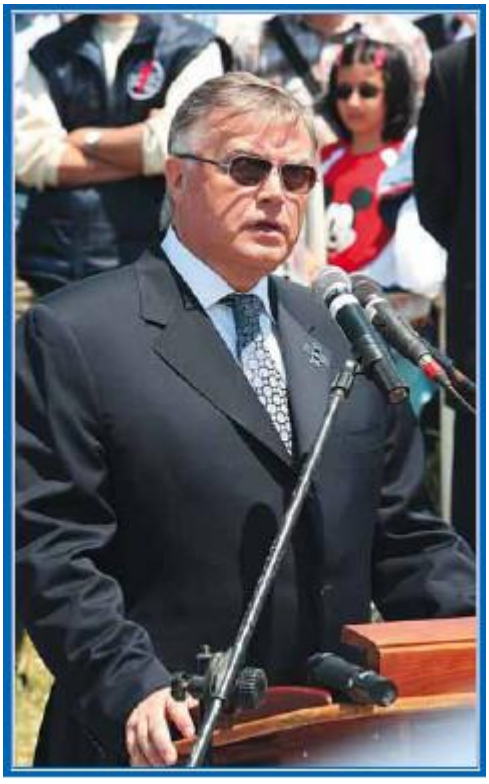
1. Реют флаги Российской федерации и Турецкой республики

2. Курган памяти еще закрыт пеленой. Через несколько минут начнется церемония открытия Мемориала скончавшимся в Галлиполи русским воинам

3. Российская, русская зарубежная и турецкая делегации на трибуне для почетных гостей слушают исполнение гимнов России и Турции

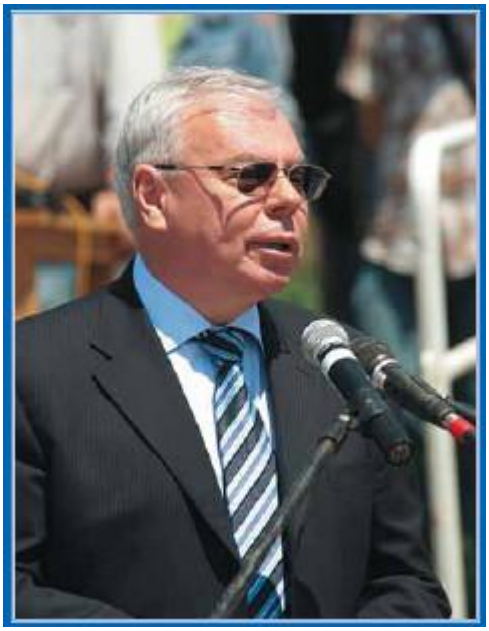
4. На торжествах при открытии памятника выступает председатель Попечительского совета ЦНС и ФАП, сопредседатель Попечительского совета Программы «Восстановление памятника в Галлиполи» В.И. Якунин

5. Турецкий фольклорный ансамбль «Янычар» играет гимн Турецкой республики

6. Суворовцы – курсанты Московского Военно-музыкального училища исполняют гимн России

7. Речь посла России в Турции В.Е. Ивановского

8. Говорит епископ Михаил

9. Выступают турецкие официальные лица: заместитель министра культуры и спорта Турции Исмет Йылмаз…

10.… и губернатор провинции Чанаккале Орхан Кырлы

11. Выступления членов делегаций слушают гости, участники и попечители Программы. В первом ряду *слева-направо:* П.В. Стегний, А.И. Кривенко, владыки Марк и Михаил; во втором ряду: В.В.Петраков, В.М.Окулов и другие

12. Среди членов делегаций и попечителей *(слева-направо)* – В.Н Зеленев, Г.В. Вилинбахов, А.М. Фокин, ВА. Богуслаев, отец Гусан, З.М. Чавчавадзе, вице-губернатор Аднан Чакыроглы; *крайний слева стоит* Д.А. Белюкин

13. На торжественной церемонии открытия Мемориала – попечители и член Рабочей группы Программы *слева-направо:* В.Ю. Платонов, О.Ю. Атьков, Ю.Г. Черепанов

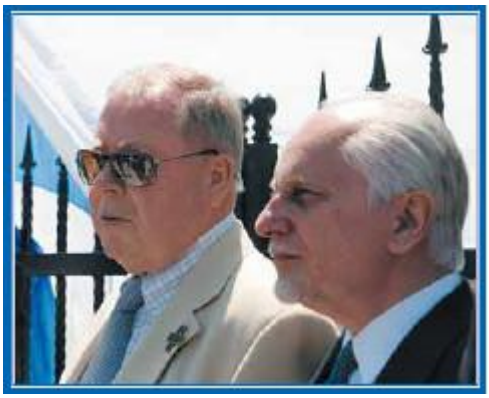
14. АА. Мусин-Пушкин *(слева)* и вице-президент ЦНС и ФАП М.И. Якушев

15. Турецкий флаг и стяг Андрея Первозванного

16. От ЦНС и ФАП к подножию кургана венок возлагает В.В.Бушуев

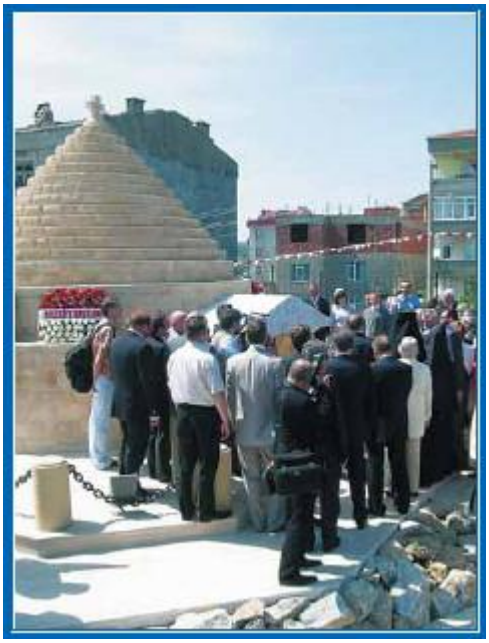
17. Потомки галлиполийцев Г.В. Машталер *(слева)* и П.Б. Роснянский

18. Епископ Михаил освящает икону, курган и возложенные венки

19. От «Союза потомков Галлиполийцев» в дар Мемориалу передается икона Святителя Николая Чудотворца; *слева* от образа стоит С.С. Тарасов, А.П. Григорьев *(справа),* Е.В. Апраксина, А.А. Худокормов

20. Молебен при освящении памятника

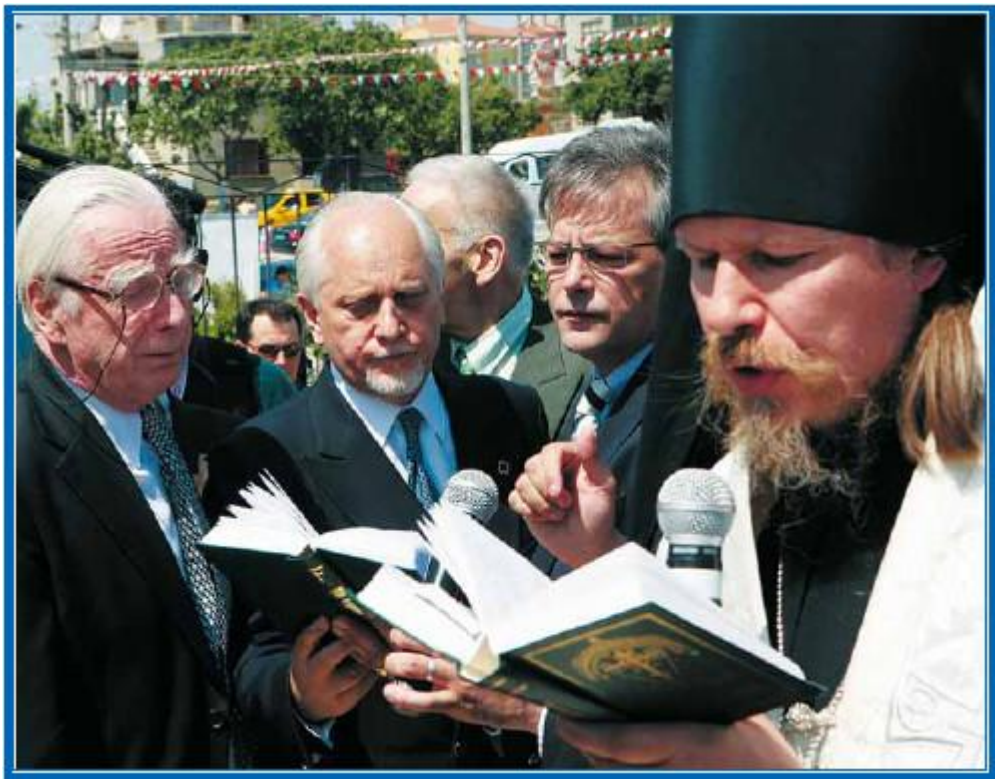
21. Епископ Марк окропляет памятник святой водой

22. На освящении памятника. За владыкой Михаилом стоят Т.Ю. Петрова. М.Ю. Байдаков, Ю.Г Черепанов, А.П. Григорьев, Д.А. Белюкин, Л.И. Матюхин, А.К. Орлов и другие

23. Икону Святителя Николая в Музейный павильон «Галлиполийского стояния» вносят А.П. Григорьев и С.С. Тарасов

24. Панихиду об упокоении усопших галлиполийцев служит епископ Марк; песнопения исполняет хор «Союза потомков галлиполийцев» *слева-направо:* Д.В. Орехов, П.Б. Роснянский, П.А. Орлов, С.С. Тарасов

25. Музей «Галлиполийского стояния», по обеим сторонам прохода к которому установлены мраморные плиты с именами умерших здесь наших соотечественников

26. Члены российской делегации и попечители в Музее *слева-направо:* В.И. Якунин, Н.В. Якунина, П.И. Кононенко, В.А. Богуслаев

27. У образа Святителя Николая Чудотворца стоят *слева-направо:* В.В. Апраксина, Е.Н. Остелецкая, А.Н.Малинин, А.В. Худокормова, А.П.Григорьев, П.Б. Роснянский, Д.В. Орехов, С.С. Пален, А.С. Хендерсон-Стюарт-Пален, ее племянник П.С. Пален, С.С. Тарасов, А.М. Фокин, Е.В. Апраксина

28. 29–30. 31.

33. У стендов экспозиции участницы программ ЦНС и ФАП Л.П.Соколова и И.В. Щеблыгина

34. О своих отцах и их соратниках рассказывают П.Б. Роснянский и Д.В. Орехов; *за ними:* Н.В. Якунина, З.М. Чавчавадзе, М.И. Якушев

35. Среди посетителей Музея – С.ВЛукша, О.Ю. Атьков и С.И. Маркелова

36. У памятной доски с именами благотворителей Мемориала в Музее стоит АА. Шадрин

37. Член Рабочей группы Программы В.В. Петраков

38. Один из попечителей Мемориала академик М.Б. Пиотровский

39. У Музейного павильона «Галлиполийского стояния» – попечители Программы В.М. Окулов и ВА. Богуслаев

40–42. После открытия Мемориала на центральной площади в Гелиболу состоялся концерт московских курсантов-суворовцев и турецкого фольклорного ансамбля «Янычар»

43. Российские и турецкие зрители на плац-концерте *слева-направо:* Е.В. Хронопуло, И.В. Щеблыгина, Е.Б. Салтанова, Н.В. Якунина, Н.А. Черкашин, С.В. Лукша

44. Среди зрителей – О.Ю. Атьков, В.И. Якунин, Т.Ю. Петрова, А.К. Орлов, В.В. Петраков

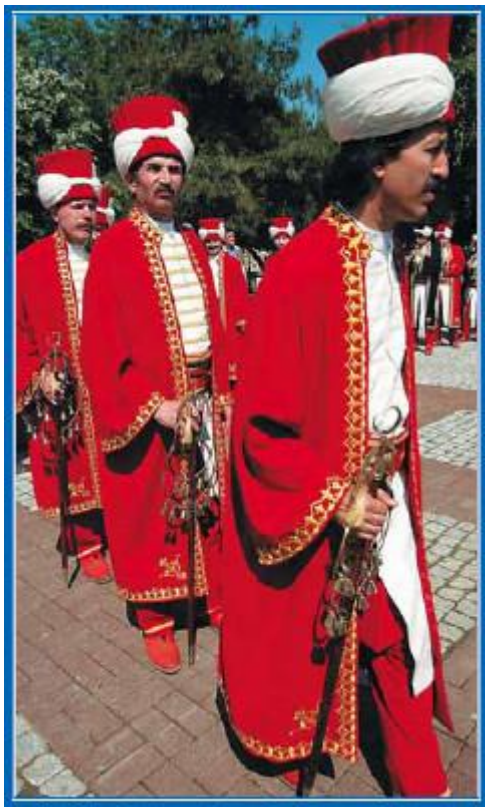

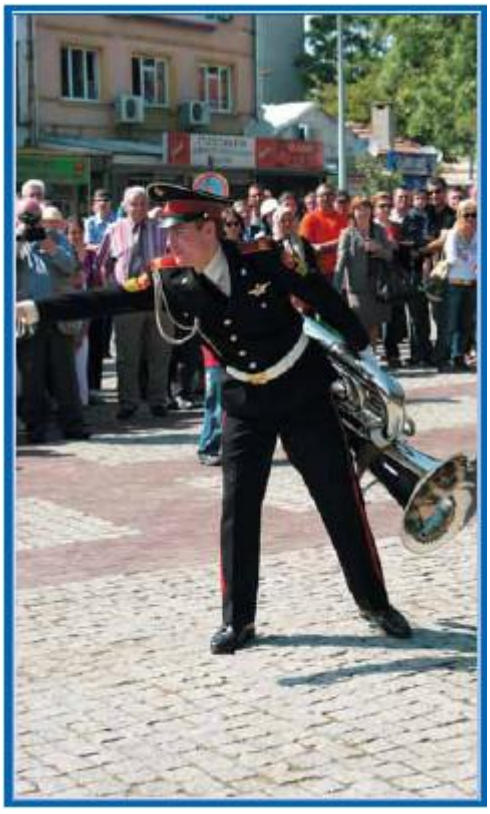
45. Местные жители Гелиболу слились воедино с российской делегацией и нашими соотечественниками

46. Андреевский флаг стал символом единения. У Мемориала стоят *справа-налево:* ГВ. Машталер, Н.А.Черкашин, С.И. Нелюбов, В.В. Стефановский

47–49. Плац-концерт продолжается

50. Памятное фото гостей и участников торжества у кургана. *В первом ряду слева-направо:* Н.В. Якунина, владыка Михаил, В.И. Якунин, владыка Марк, А.П. Торшин, Л.И. Матюхин, А.В. Громова; *за ними:* АА. Мусин-Пушкин, П.А. Орлов, М.Б. Пиотровский, Т.Ю. Петрова, А.А. Худокормов, В. М. Окулов, С.М. Хронопуло, В.В. Петраков, ВА. Богуслаев, В.В. Стефановский, П.В. Стегний, С.В. Лукша, С. М. Хронопуло, отец Гусан, Т.Н. Шихзаманова, Л.П. Соколова, О.Ю. Атьков, П.И. Кононенко, Ю.Г Черепанов

51. Перед отъездом в Стамбул. *В первом ряду слева-направо:* А.П. Торшин, отец Гусан, Ю.Н. Емельянов, Н.С. Белявский, М.Н. Апраксина, П.Б. Роснянский, А.А. Худокормов, А.В. Худокормова, С.В. Лукша (в форме офицера-дроздовца), В.В. Петраков; *за ними:* В.В. Апраксина, Е.В. Апраксина, В.Ю. Платонов, Т.Н. Шихзаманова, М.И. Якушев, М.Ю. Блинов и другие

52. Хор «Союза потомков Галлиполийцев» у кургана вместе с епископом Михаилом; *слева-направо:* С.С. Тарасов, А.П. Григорьев, А.Н. Малинин, А.А. Худокормов, Н.С. Белявский

53. Мраморная плита на памятнике с восстановленной

54. Реет гордо Андреевский стяг… В. И. Якунин держит флаг вместе с В.В. Стефановским; *слева стоят:* А.М.Вовченко, О.Ю. Атьков, ДА. Белюкин; *справа от* В.В. Стефановского – Н.А. Черкашин, Л.И. Матюхин, С.В. Лукша, С. Е. Щеблыгин, А.П. Торшин, М.И. Якушев

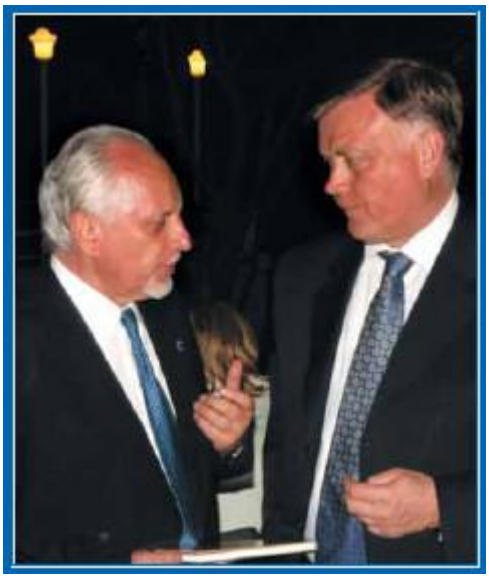
55. Плац-концерт суворовцев на территории Генерального консульства России

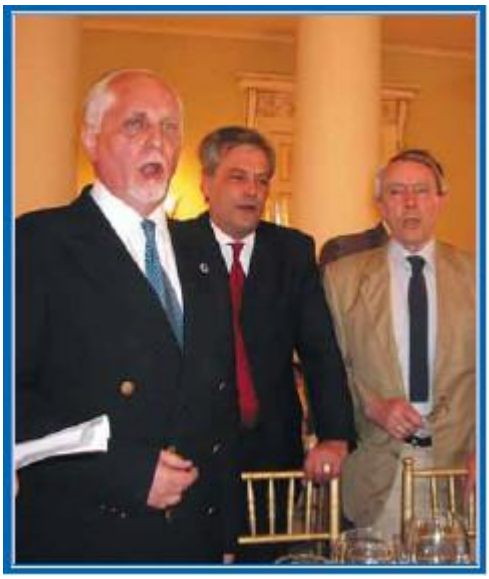
56. Блестящей программе курсантов аплодируют участники и гости

57. Певицу Татьяну Петрову благодарит дирижер ансамбля суворовцев А.П. Герасимов

58. П.Б. Роснянский дарит В. И. Якунину книгу стихов своего отца

59. В театральном зале российского консульства поет хор «Союза потомков Галлиполийцев»: П.Б. Роснянский, С. С. Тарасов, А.А. Худокормов и другие

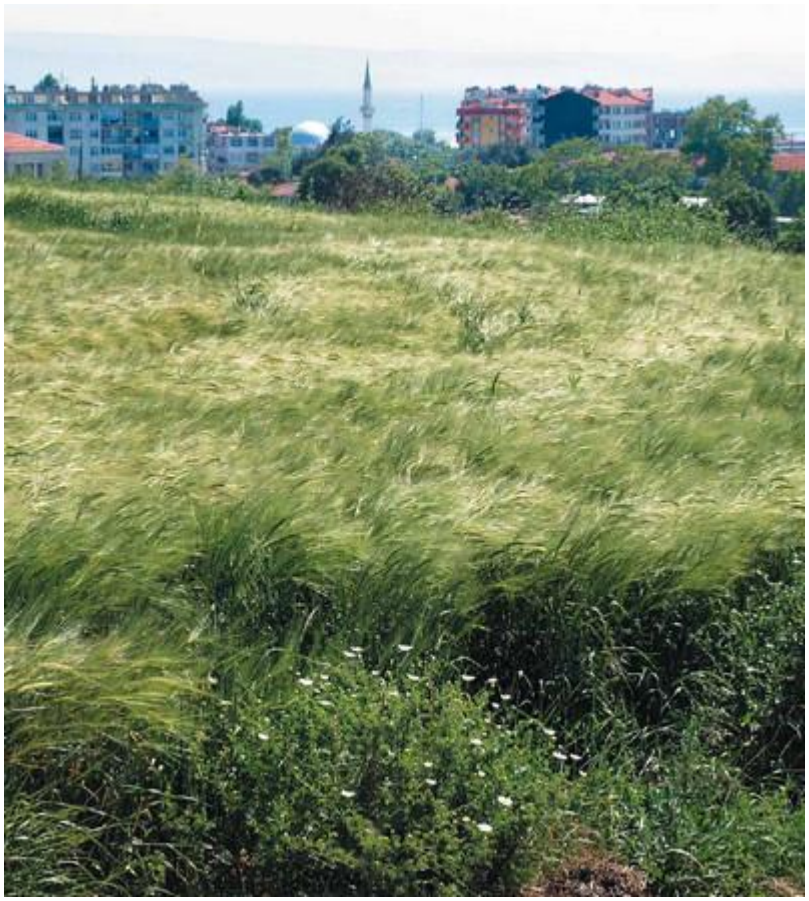

60. Замечательному пению хора и исполнительнице Татьяне Петровой аплодируют А.П. Торшин, С.Е. Щеблыгин, епископ Михаил, В.В. Петраков, Л.П. Соколова

Русские в Галлиполи

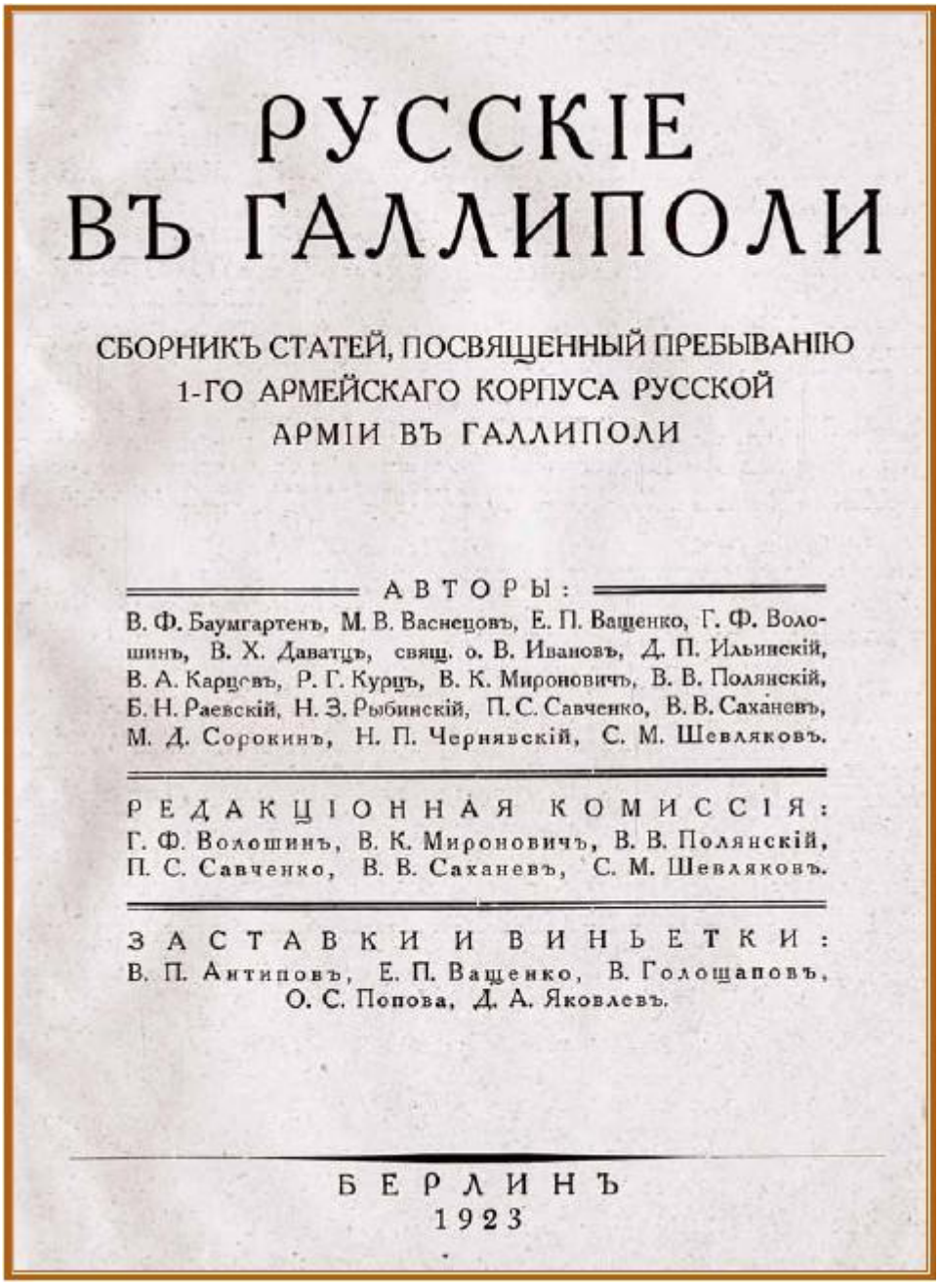
Сборник статей, посвященный пребыванию 1-го Армейского Корпуса Русской Армии в Галлиполи

Сборник «Русские в Галлиполи» впервые вышел в свет более 80 лет назад в Берлине и сегодня является библиографической редкостью, доступной лишь специалистам в читальных залах некоторых библиотек. Простыми и безыскусными словами повествуется здесь о годе жизни Русской Армии на полуострове Галлиполи после изгнания из России. Знаменательно, что там, на берегу Дарданелл, в день окончания авторами своего труда и накануне отправки первой партии галлиполийцев в Европу – 22 ноября 1921 года – все сохранившие верность присяге создали Общество галлиполийцев. Оно, словно предугадывая начавшееся распыление Армии, продублировало структуру 1-го Армейского Корпуса, а впоследствии вошло в Русский Общевоинский Союз, созданный генералом П.Н. Врангелем в 1924

году. Так появление сборника предвозвестило создание общественной организации, первой, объединившей русскую эмиграцию. Председателем Общества галлиполийцев (ныне существует как его «продолжение» – «Союз потомков галлиполийцев») стал генерал-лейтенант В.К. Витковский, почетным председателем – А.П. Кутепов, а секретарем – капитан В.В. Орехов.

Публикуя книгу полностью, без купюр и изъятий, мы стремились сделать ее не только доступной более широкому кругу читателей, но и показать ежедневный, будничный подвиг воинов генерала П.Н. Врангеля. Эти люди сумели посреди тягчайших моральных и физических страданий, не имея в прямом смысле ничего, сохранить и свою душу, и свой воинский дух для той святыни, ради которой они жили и имя которой – Родина. Это их пример проложил путь, который помог выстоять и стал образцом для последующих поколений русских эмигрантов.

РУССКІЕ
ВЪ ГАЛЛИПОЛИ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПРЕБЫВАНІЮ
1-ГО АРМЕЙСКАГО КОРПУСА РУССКОЙ
АРМІИ ВЪ ГАЛЛИПОЛИ

АВТОРЫ:
В. Ф. Баумгартенъ, М. В. Васнецовъ, Е. П. Ващенко, Г. Ф. Волошинъ, В. Х. Даватцъ, свящ. о. В. Ивановъ, Д. П. Ильинскій, В. А. Карцевъ, Р. Г. Курцъ, В. К. Мироновичъ, В. В. Полянскій, Б. Н. Раевскій, Н. З. Рыбинскій, П. С. Савченко, В. В. Саханевъ, М. Д. Сорокинъ, Н. П. Чернявскій, С. М. Шевляковъ.

РЕДАКЦІОННАЯ КОМИССІЯ:
Г. Ф. Волошинъ, В. К. Мироновичъ, В. В. Полянскій, П. С. Савченко, В. В. Саханевъ, С. М. Шевляковъ.

ЗАСТАВКИ И ВИНЬЕТКИ:
В. П. Антиповъ, Е. П. Ващенко, В. Голощаповъ, О. С. Попова, Д. А. Яковлевъ.

БЕРЛИНЪ
1923

Титульный лист первого издания книги

Авторы книги – люди военные и, безусловно, талантливые, а потому стиль подлинника и язык повествования отмечены своеобразием: строгие формулировки, напоминающие рапорты, соседствуют здесь с редкими по драматизму, эмоциональному напряжению и проникновенности фразами. Бережно, как к великой ценности, составители отнеслись к сохраненным ими после года «галлиполийского стояния» материалам. Они уже не рассчитывали, что когда-либо смогут сказать большее о том времени, а потому поместили в книгу едва ли не все вывезенные с собой документы. Обилие таблиц, составленных с военной пунктуальностью, различные статистические выкладки, детальность описаний быта, – все это говорит не столько об особенностях «мемуарной памяти», сколько о том, что любой штрих, деталь жизни в лагере воспринимались самими галлиполийцами с ясностью последнего «судного дня». А потому главное в книге – ее дух, та нравственная сила и воля к жизни, которые пронизывают и объединяют все статьи. Публикуя сборник «Русские в Галлиполи», мы сочли необходимым снабдить издание примечаниями, раскрывающими предысторию некоторых событий, обстоятельства появления ряда общественных организаций, значение некоторых вышедших из употребления слов. В качестве приложения, помимо ряда официальных документов периода 1920–1921 годов, даются биографические сведения о генералах П.Н. Врангеле и А.П. Кутепове, которые помогают пролить свет на сложность взаимоотношений этих незаурядных личностей. Издание содержит именной указатель, где читатель найдет сведения о большинстве лиц, упоминаемых на страницах книги.

Публикация книги подготовлена кандидатом исторических наук О.А. Шашковой.

Крым– Константинополь– Галлиполи

* * *

(Из телеграммы генерала Врангеля)

* * *

* * *

В I Книге Царств есть чудесная повесть о единоборстве Давида с Голиафом. Известно, что последний, увидев Давида, а он был молод, белокур и красив лицом, с презрением посмотрел на него и сказал Давиду: «Что ты идешь на меня с палкой. Разве я собака?» А Давид отвечал ему: «Ты идешь против меня с мечом и копьем, и щитом, я иду против тебя во имя Господа Саваофа»[7]. И вышел слабый и почти безоружный. И победил.

Такое же по силам и настроениям единоборство маленьких сил Русской Армии, пережившей всю горечь, потери и ужас новороссийской эвакуации и апертой в Крыму красными армиями всей России, началось 7 июня 1920 года[8] по почину генерала Врангеля.

Он шел открыто на неравный и по силам, и по средствам бой, но шел с твердой верой в победу правого дела – раскрепощения Родины.

Проявляя подвиги изумительного героизма, стойкости и непоколебимой твердости, пошли вперед испытанные боевые полки. Борьба велась хладнокровно и смело, с большим умением; враг нес тяжелые потери и втягивал в борьбу все новые силы, черпая их из необъятного людского океана России. А за нашей Армией был слабый, истощенный двухлетней борьбой тыл, запоздалая и колеблющаяся материальная помощь старой союзницы и измена новых возможных боевых друзей. В то же время затянувшаяся Гражданская война стала все более походить на борьбу регулярных армий и требовала, кроме умелого маневра, притока живых сил и мощных технических средств.

Отступать нельзя было, ибо Крым стал последним плацдармом борьбы за Россию. Истекая кровью, без подкреплений, Армия дралась, выполняя свой национальный долг. Однако неравенство сил становилось все ярче.

В стужу морозных октябрьских дней, в обстановке непрерывных лишений, в подавляюще неравных боях в Северной Таврии единоборство превращалось в жертвоприношение.

Но Армия не теряла своей боеспособности, которая, как и раньше, была очень высока[9]: окруженная со всех сторон в десятки раз превосходившими численно силами врага, главным

---

[7] См. 1 Цар. 17, 42-44

[8] Все даты приводятся по старому стилю

[9] Несмотря на целый ряд недостатков в комплектовании, обмундировании и снабжении Армии, летом 1920 г. она располагала, по оценке английской газеты «Таймс», почти 80 тысячами штыков, вполне сносно обмундированных и подготовленных, некоторым количеством полученных из Англии танков, а также военными запасами, достаточными для ведения боевых действий почти в течение года. Однако правительство советской России, спешно заключив 12 октября 1920 г. перемирие с Польшей, смогло сконцентрировать свои силы. Молниеносным маневром красные армии оттеснили Белые войска в Крым, причем при отступлении они потеряли огромную часть своего вооружения и запасов, а оставшихся верными «Белому знамени» генерал Шатилов насчитывал не более 25 тысяч человек К осени 1920 г. Красная армия, по сведениям руководителя французской военной миссии на юге России генерала А. Бруссо, располагала силами впятеро большими, чем Армия Врангеля, хотя и недостаточно вооруженными. Предвидя возможность отступления, П.Н. Врангель начал действен-

образом, его конными полками, прорвавшимися уже на пути ее отступления, целиком пробилась к Перекопу и Сивашу, нанося врагу громадные потери.

Позиции Перекопа и подход частей генерала Фостикова, не успевших оправиться после эвакуации с Кубани, были слишком слабыми силами, чтобы изменить боевое счастье и позволить в создавшейся обстановке удержать за собой хотя бы Крым.

Участь борьбы уже была решена.

Как говорило впоследствии официальное сообщение Штаба Главнокомандующего, «неизбежность оставления нами Крыма не явилась для командования неожиданной, и подготовка к эвакуации велась заблаговременно, еще в период нахождения русских войск в Северной Таврии».

Недаром Русская Армия не отдавала красным ни пяди родной земли. Перекопские позиции, укрепления Сивашского полуострова, Карпова балка стали местом (6–9 ноября) самых ожесточенных боев и достались красным очень дорогой ценой. Доблесть полков 1-го Армейского корпуса соперничала по-прежнему и здесь с самоотверженной лихой работой нашей конницы. Почти без пищи, среди продолжавшихся холодов Армия отходила, но отходила как Русская Армия – в руках начальников и в огне борьбы.

А что же было в эти дни в тылу?

Там спокойно спекулировали, брюзжали на голод, ужасались ежедневному падению бумажного рубля; как и всегда во время борьбы, там жили и были десятки тысяч военнообязанных, так или иначе уклонившихся от прямого участия в борьбе; там слишком верили в Армию, чтобы даже при тревожных вестях с фронта особенно беспокоиться за завтрашний день. Там слепо верили в неприступность перекопских позиций и с сожалением готовились к новой зимовке в Крыму, а не в просторе России. Но в общем об эвакуации или близкой возможности ее, при всей теоретической допустимости, в те дни одинокого единоборства нашей маленькой Армии с красными полчищами всей России никто и не помышлял.

Поэтому, когда войска с боями прошли Юшунь и эвакуация была объявлена тылу, там этому просто не поверили. Сразу стали говорить, что это чья-то крупная провокация; текст правительственного сообщения об эвакуации был взят под сомнение, пошли слухи об иных сообщениях, о том, что, по примеру 1919 года, будто бы «Слащев на Перекопе», и поэтому красные опять зазимуют у ворот последней пяди русской земли. Сердце сжималось от боли при мысли, что через несколько дней поля и берега прекрасной Тавриды будут отданы «разбойнику и вору».

Однако правительственное сообщение об эвакуации, объявленное 11 ноября 1920 года, прямолинейно говорило следующее:

«Ввиду объявления эвакуации для желающих офицеров, других служащих и их семейств, Правительство Юга России[10] считает своим долгом предупредить всех о тех тяжких испытаниях, какие ожидают приезжающих из пределов России. Недостаток топлива приведет к большой скученности на пароходах, причем неизбежно длительное пребывание на рейде и в море. Кроме того, совершенно неизвестна дальнейшая судьба отъезжающих, так

ную подготовку к возможной эвакуации из Крыма еще весной-летом 1920 г При этом основным промежуточным пунктом для временного базирования Армии он считал Дунай.

[10] Правительство Юга России было создано в Севастополе в апреле 1920 г. как Совет начальников управлений и преемник деникинского Южно-Русского правительства. Военные силы Правительства Юга России были преобразованы во В.С.Ю.Р. – Вооруженный Совет Юга России при Главкоме П.Н. Врангеле. Собственно название «Правительство Юга России» появилось в августе 1920 г., после того как оно заключило соглашение с верхушкой казачества Дона, Кубани, Терека и Астрахани. Председателем Правительства был назначен А.В. Кривошеин, добившийся международного признания от США (с выдачей кредита в 50 млн. долларов под будущие концессии на территории России), Франции, Польши, которая хотела самостоятельности Крыма. Всего за несколько месяцев Правительство смогло провести ряд реформ, однако эти преобразования в условиях военного времени уже мало привлекали население. Постоянные реквизиции сорвали не только аграрную, но и реформу местного самоуправления. В ноябре 1920 г. Правительство эвакуировалось из Крыма вместе с Армией.

как ни одна из иностранных держав не дала своего согласия на принятие эвакуированных. Правительство Юга России не имеет никаких средств для оказания какой-либо помощи как в пути, так и в дальнейшем. Все это заставляет Правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственная опасность от насилий врага, остаться в Крыму».

Тыл закипел сборами, укладкой, ликвидацией, раздачей, слухами и тревогой. Никто толком ничего не знал, но не было в то же время никакой паники, никакой измены, никакой открытой вражды. Только в Симферополе в связи с восстанием на заводе «Анатра» и с выходом из тюрем уголовного элемента была временно тыловая паника, сдержанная терцами генерала Агоева. Можно честно оказать, что наиболее общим чувством была какая-то томящая боль и грусть за такой неожиданно печальный исход героической борьбы, за безысходность на долгое время активной борьбы с большевиками, за то, что в правом деле победа осталась на стороне грубой, кровавой разбойничьей силы.

К полудню 10 ноября борьба на фронте закончилась. Прикрываемая конницей, Армия в полном порядке отходила к местам, предназначенным для погрузки. В идеальном порядке Кавалерийский корпус прошел Симферополь, направляясь на Алушту – Ялту. В ночь на 13 ноября (с 7-ми часов вечера до 6-ти часов утра) непрерывной лентой частей и обозов прошла через Сарабуз вся 1-я армия, направляясь на Севастополь. 2-я армия отходила на Феодосию – Керчь.

Отступление шло неспеша, по шоссейным дорогам, при самом благожелательном отношении со стороны жителей; грабежей населения по пути не было, ибо шли не банды развалившейся Армии, а воинские части.

Приказ Главнокомандующего об отъезде из Крыма застал части на походе и был понят весьма различно: где-то думали, что ограниченность средств эвакуации заставляет брать возможно меньше людей, и всем, кому прямо не угрожало наступавшее владычество «чрезвычаек», предлагали остаться в Крыму; отходившие от частей солдаты плакали, расставаясь с боевыми друзьями; их и пленных красноармейцев снабжали трехдневным запасом провизии; другие же части, наоборот, принимали по пути в свои ряды всех желающих эвакуироваться, и, например, численность конницы при отходе возросла вдвое; все стойкие части отходили полностью.

В городах Крыма шли в это время спешные сборы. Паники не было, так как коренное население относилось к Армии с полным расположением; отъезжавшие же были уверены, что всех погрузят на пароходы.

Были ли грабежи, погромы, восстания в тылу в эти дни?

Грабежи были, да и странно было бы, если бы их не было, так как на фоне крымского бестоварья и голода обнажался перед наступавшими большевиками сравнительно богатый тыл Армии и ее база, появлялись возможности подойти к складам всякого добра. В Симферополе грабили выпущенные из тюрьмы арестанты. В Алуште и Ялте растаскивали винные погреба; в Севастополе в ночь на 13 ноября, когда загорелись мельница и склады у вокзала, начались грабежи складов вещей и медикаментов Американского Красного Креста[11], желез-

[11] Американский Красный Крест – национальная организация Международного Красного Креста; официально был создан в мае 1881 года американкой Кларой Бартон. Однако в России после 1916 г. под прикрытием этой гуманитарной организации действовала целая сеть агентов, активно помогавших большевикам готовить переворот, имея в виду использовать политический процесс в России в финансовых целях, то есть рассматривая страну как рынок сбыта и сферу влияния (см. Э. Саттон. Уолл-стрит и большевицкая революция. – М. Русская идея. 1998). Американский Красный Крест являлся не только одной из наиболее многочисленных национальных организаций Красного Креста в Европе, но и самой активной В 1919 г. по инициативе председателя Военной комиссии Американского Красного Креста Г. Дэвидсона, активно действовавшего в России в 1917 г., была образована Лига Красного Креста, объединившая ряд национальных организаций для помощи пострадавшим от стихийных бедствий и катастроф С 1 октября 1921 г. помощь русским беженцам в Европе Американский Красный Крест фактически прекратил.

нодорожных пакгаузов и груженых поездных составов; в Феодосии и Керчи в ночь на 15 ноября были ночные грабежи магазинов, в которых участвовала грязная накипь Армии.

Но все это не наложило характерных черт на облик последних дней тыловой жизни Крыма. Их скорее можно обрисовать суетливыми сборами в дорогу, молчаливым сочувствием жителей и общим порядком. Никто не отметил ни одного эксцесса против армейских чинов. И друзья, и враги ее в те тяжелые дни преклонялись перед совершенным ею подвигом и перед величием предстоящих ей испытаний.

Когда 12 ноября днем рота Алексеевского училища вошла на Екатерининский проспект с бодрым родным напевом старой студенческой песни «Вскормили нас и вспоили отчизны родные поля», в запрудившей улицу толпе плакали, юнкеров угощали папиросами и шоколадом.

Заблаговременными распоряжениями Штаба Главнокомандующего все морские и транспортные средства были разведены и распределены по портам, заготовлен уголь, медикаменты и продовольствие. Военным училищам была поручена охрана порядка в местах посадки: Алексеевскому, Сергиевскому Артиллерийскому и Донскому Атаманскому – в Севастополе, Константиновскому – в Феодосии и Корниловскому – в Керчи.

В городах было необычайное оживление и движение. Толпы народа с узлами, чемоданами, свертками и вещами шли и ехали на извозчиках, подводах, автомобилях; на пристанях шла погрузка учреждений, штабов и отдельных лиц.

Но в то время, как утром 12 ноября тыловой Севастополь уже грузился, Керчь впервые услышала, что предстоит внезапная эвакуация и еще не верила катастрофе.

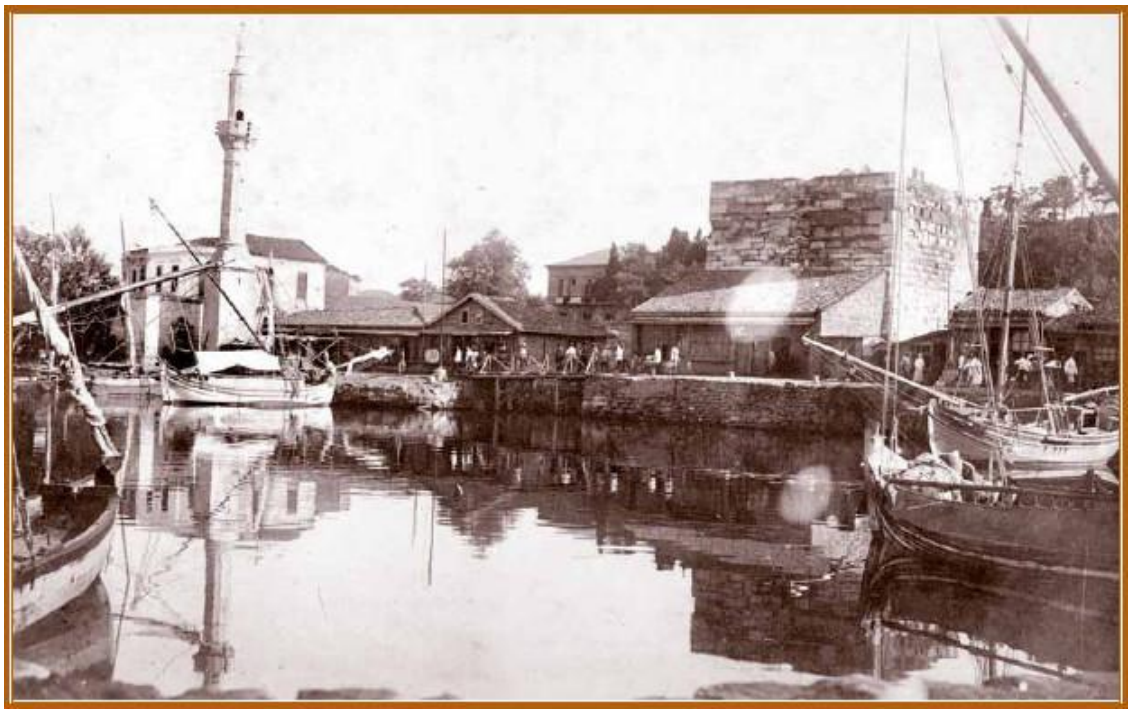
Днем 12-го прибыли в Севастополь последние перегруженные людьми поезда, в том числе поезд командовавшего 1-й армией генерал-лейтенанта Кутепова. В это же время к генералу Врангелю в гостиницу «Кист» явилась депутация от славных полков 1-го корпуса во главе с генералом Манштейном для принятия знамен этих полков, стоявших в помещении Главнокомандующего. В комнате уже стояли чемоданы.

Генерал Врангель вышел бледный, в черной черкеске и сказал собравшимся: «Я жалею, что не могу сейчас этого сказать всем; прошу вас передать всем то, что я скажу. Сейчас я убедился, что Европа и Америка нас предали: результаты налицо. В моем распоряжении кораблей настолько мало, что я не могу на них посадить даже все остатки славной армии, которая, истекая кровью, подходит к Севастополю. Куда мы едем, я не знаю, так как на мои запросы, которые я рассылал в течение двух дней со дня юшуньской катастрофы, ответов нет. У нас есть уголь, и мы уходим в море. Я продолжаю по радио вести переговоры и думаю, что они увенчаются успехом. Где мы пристанем, я не знаю, но где бы это ни было, я прошу вас передать эту просьбу частям: сохранить безусловный порядок, дисциплину и, самое главное, уважение друг и лично убедился, что ничего враждебного войскам ожидать было нельзя.

К утру 13 ноября стали подходить к городу части 1-й армии, и началась их погрузка. В порту было большое оживление: гудки, свистки, крики тысяч голосов, шипение пара; подходили, накренялись и уходили громады транспортов, усеянных людьми; к другу. Потому что я в состоянии говорить за вас только тогда, когда буду уверен, что мы и там останемся такими же, как и здесь, твердо веря в нашу идею и в то, что вина нашей катастрофы – не в нас самих».

В тот же день к вечеру командующий 1-й Армией принял ряд энергичных мер, чтобы обезопасить и обеспечить посадку на суда подходящих к Севастополю частей Армии… До глубокой ночи он на автомобиле с адъютантом объезжал окраины и предместья города, был на вокзале, пешком прошел длинный путь по железнодорожному полотну сновали лодки, буксиры; говор, гам. Небо было обложено тучами, дул холодный осенний ветер. На рейде уже стояли нагруженные трехтрубный «Рион», шведский «Модик», французский крейсер «Вальдек Руссо». Город пустел. Охрана города переходила к городскому самоуправлению и

рабочим, которым было роздано оружие и патроны; много броневых машин и танков стояло по Екатерининскому проспекту. Уже темнело, когда на Нахимовском проспекте показалась большая толпа народа, во главе которой шел генерал Врангель: население Севастополя провожало популярного вождя. Он подошел к сменившимся караулам Атаманского училища и сказал: «Рад, что вижу вас такими же стойкими и бодрыми, как это было в Новороссийске и всегда на родной земле. Спасибо за порядок, за сильный дух. Мы отправляемся в неизвестность; что ждет нас, ничего не знаю. Будьте готовы ко всяким испытаниям и лишениям. Знайте, что спасение России и нас в наших руках».

Внутренняя гавань в Галлиполи. 1921 г.[12]

Ночь на 14 ноября и утро этого дня прошли в Севастополе совершенно спокойно, по городу ходили патрули юнкеров. Пароходы почти все ушли; на рейде стоял крейсер «Корнилов». Днем заставы и караулы стали стягиваться к Графской пристани. Около 2-х часов дня туда подошел генерал Врангель, обошел караул и стянувшиеся заставы сергиевцев, поблагодарил их за службу. Затем снял корниловскую фуражку, перекрестился, низко поклонился родной земле и на катере отбыл на крейсер «Корнилов». За ним погрузились на «Херсонес» юнкера; последним с берега сошел начальник обороны Севастопольского района генерал Стогов. Он остановился, перекрестился и заплакал. На берегу была масса народа. Благословляли, плакали.

Это было около 3-х часов дня, а в 4 час. 45 мин. английский миноносец по радио передал, что в город вошли большевики. Ночь пароходы простояли на внешнем рейде. Вечером доносился из города благовест церквей.

Так начался исход Русской Армии.

В благоговейной тишине отходили перегруженные суда в море, в неизвестность, отрываясь от далей Севастополя, от берегов Отчизны милой.

Боль обиды, тоска и тревога охватывали сердце.

[12] Здесь и далее исторические фотографии предоставлены издательству М.Ю. Блиновым, В.В. Петраковым, Н.С. Селивановым

Главнокомандующий направился в Ялту. Там грузилась конница. В идеальном порядке переполнялись вместительные «Крым», «Цесаревич Георгий», «Русь». Садились только люди; с тяжелым сердцем расставались с лошадьми, как со старыми боевыми товарищами.

15 ноября посадка закончилась. По набережной ходит генерал Врангель; уже был второй гудок последнего парохода, но еще нет трех высланных за город застав. Наконец заставы прибыли. Третий гудок. Генерал Врангель на «Корнилове» проехал мимо судов, пожелал счастливого пути, снял фуражку и сделал земной поклон родной земле. Толпы на пароходах стояли с обнаженными головами, со слезами на глазах. Им, тысячам людей, боровшимся за Родину, нет места на ней. Уходят в неизвестность, от своих, от родной опозоренной земли.

В Феодосии до полудня 13 ноября при мертвой зыби шла посадка войск местного гарнизона и кубанских частей генерала Фостикова; однако когда переполненные «Владимир» и «Дон» уже отошли на рейд, пришло донесение, что к городу подходит еще Кубанская дивизия; ее взять было некуда, и ей приказали идти для погрузки в Керчь. В дни посадки в Феодосии горели склады, шли грабежи переполненных поездных составов. Главнокомандующий побывал здесь после отъезда всех судов.

Керчь пережила эвакуацию позже других городов Крыма. 14 и 15 ноября там еще в совершенно спокойной обстановке шла посадка у широкого мола на «Мечту», «Поти», «Самару»; грузился местный гарнизон и тыловые учреждения; подходили для погрузки конные части 2-й армии (донцы и кубанцы); в городе в эти дни был полный порядок; патрули юнкеров отошли и погрузились лишь ярким солнечным осенним днем 16 ноября, после чего большевики заняли последний клочок Крыма.

Пароходы отходили перегруженные людьми, ибо надо было взять всех оставшихся; надеялись в проливе пересадить значительную часть людей на линейный корабль «Ростислав», бывший в Азовском море. Но оказалось, что вывести его не удалось, он прочно засел на мели, и скученность на пароходах не разрядилась.

* * *

Кто же и с чем выехал из Крыма?

По данным Штаба Главнокомандующего, из Крыма ушли все морские транспортные средства и боевые корабли, которые могли двигаться самостоятельно и на буксире, – всего 126 судов. На них было погружено около 135 тысяч человек, в числе которых до 70 тысяч бойцов, погрузившихся с ружьями и пулеметами (в Севастополе разоружили лишь садившихся на французские суда «Сегот» и «Сиам»).

Это были десятки тысяч людей, прежде всего училища и наиболее стойкие части тыла, погрузившиеся почти в полном составе; затем строевые части 1-го Корпуса и конница, казачьи части и штабы; потом в большом количестве – тыловые учреждения, военные и административные; в небольшом числе – семьи военнослужащих, и уже после – гражданские беженцы. Главными причинами, заставлявшими покидать родину, безусловно явились боевое братство частей и присущие военнослужащим чувства долга и чести, принципиальная непримиримость с большевиками и желание продолжать с ними борьбу во что бы то ни стало, угроза власти «чрезвычаек», невыносимость рабства советского строя.

Решиться ехать в полную неизвестность, для многих – с семьей и детьми, у порога зимы, буквально нищими, – для этого нужны были убедительные мотивы, а потому это нельзя было назвать стадным чувством, которое якобы загоняло тысячи русских людей на пароходы.

Большинство грузилось без вещей, прямо с похода, лишь с тем, что было в укладке; многие семейные не могли зайти и заехать домой, чтобы попрощаться, взять семью, часть вещей. Тылы грузились несколько богаче, появлялись чемоданы, корзины, перины, но и тут брали случайное, какой-то универсальный жизненный минимум; да и что брать с собой, когда едешь в море, в полную неизвестность?

Интендантство грузило, главным образом, продовольствие, белье, кожу и зерно. Остальное имущество, как достояние русского народа, по приказу Главнокомандующего, не уничтожалось и не портилось, а было передано охране рабочих. Орудия, бронепоезда, бронеавтомобили, танки и аэропланы были приведены в негодность и брошены по дороге к портам и в городах Крыма; лошадей угоняли в горы.

Все военные суда Черноморского флота в количестве 21 вымпела вышли в море. Шел переполненный громадный транспорт «Кронштадт», представлявший единственную по своей величине механическую мастерскую в Севастополе, шли маленькие катера, ехали на фелюгах. Под стройный напев «Спаси, Господи, люди Твоя…» отошел от Севастополя пароход «Ялта», наскоро обращенный в госпитальное судно. Раненых взял английский миноносец.

Пароходы вышли в море переполненными до крайности, все трюмы, палубы, проходы, мостики, решетки у трубы были буквально забиты и завалены людьми. Слава Богу, что море встретило бедных изгнанников хотя и непогодой, но было совершенно спокойно. Качка была малозаметна.

Большой перегруженный «Рион» вышел почти без угля, и в море его стало относить к берегу по направлению к Одессе. Жуткие часы пережили бывшие на нем тысячи людей. К великому счастью их, к «Риону» пришел на помощь буксир.

Переезд по морю до Константинополя длился от одного до пяти дней. Это была мука, которую трудно пересказать. Прежде всего, это было суровое начало физических лишений, которые выпадали потом на долю ничего не имевших, голодных, испуганных будущим людей. «Люди, попавшие на железную палубу, – пишет один из участников этого переезда, – лишенные всякого прикрытия от дождя и леденящего норд-оста, сбитые в кучу возле вонючих ретирад, у которых круглые сутки нескончаемая очередь, не проявляли протеста; они не мечтали о каком-либо благополучии в будущем, ибо для них "довлела дневи злоба его", стремление получить какую-либо пищу и возможность вытянуть и уложить свое уставшее от бессонницы и иззябшее тело. Продвинуться за чем-либо со своего места по пароходу почти было немыслимо; для нескольких саженей[13] пути приходилось иногда затрачивать часы, ибо везде стояли бесконечные очереди; за кружкой воды (единственной на день) – очередь, в уборную – очередь, вскипятить воду – очередь, да и то для избранных; перейти направо, пройти в трюм – везде непрерывные очереди; при этом всюду нервные, до крайности раздраженные люди, грубые окрики, обиженная придирчивость не то начальников, не то равных безличных и бесправных беженцев. Офицер, солдат, генерал, юнкер, дама – все сразу уравнялись в правах на кружку воды, на проход в уборную; дисциплина и простая житейская вежливость, воспитанность, выдержка падали катастрофически».

Происходили сцены, совершенно недопустимые с точки зрения воинской дисциплины, как со стороны старших, так и со стороны младших. Сказалось это и на юнкерской среде.

Одним словом, пароходная обстановка сразу разлагающе повлияла на моральный облик людей, резко перешедших из режима безусловного повиновения и дисциплины в расплывчатое в правовом отношении положение бесприютных изгнанников. Скученность породила вскоре грязь и насекомых; вымыться хотя бы и морской водой было невозможно; нельзя было, да и не во что переодеться; нельзя было просто раздеться. Спали вповалку

[13] Сажень – старинная русская цометрическая мера длины, приравненная к 2 метрам

на мокрых палубах, в грязных трюмах, у копоти труб. Особенно тяжело было женщинам. Добавим, что в этой кошмарной обстановке скученности, грязи и голода родилось несколько младенцев и умерло несколько больных и стариков.

Редко у кого были с собой запасы продовольствия; вся надежда была на паек или на скорую высадку. А паек экономили. Выдавали немного хлеба или из муки пекли по ночам в пароходной кухне лепешки; выдавали минимальные дозы консервов, селедки; бывали дни полной голодовки. Тяжело было но только без горячей пищи, но просто без горячей воды, без чая. Правда, были, конечно, отдельные исключения. Большинство же, не ропща, терпеливо несло взятый крест, с тревогой заглядывая в завтрашний день. И душа отдыхала лишь минутами, по вечерам, когда хор юнкеров или частей запевал заунывную или развеселую родную песнь.

На что надеялись тогда?

Говорили и думали, что приютит Франция или Америка, что повезут в Алжир, на Мадагаскар, в Аргентину или в Марсель, одни мечтали о службе в каком-то международном корпусе, другие о плантациях и мирном земледельческом труде. А пока что неуклюжие переполненные транспорты покачивались на волнах родного моря.

Но вот показались огни маяков у входа в Босфор. Проходит несколько часов, и все новые русские суда входят под только что поднявшимся над ними французским флагом в заветный пролив. Все высыпали на переполненные палубы. После нескольких дней созерцания бескрайних, холодных и непривычных просторов моря появились зеленеющие берега, зачернела земля, запестрело жилье людей, узкий коридор пролива разукрасился развалинами башен, причудливой архитектурой вилл, дач, заводов, местечек. У каждого при этом копошились самые простые мысли: «живут же люди», «вот бы высадились здесь, поработали бы, пожили бы, а там и в Россию». Из большого здания под американским флагом кричат «ура», машут платками; кричат и с пароходов, и уже думается, что Америка готова приютить беглецов.

Берега пролива становятся все ярче; замелькал уже трамвай; впереди пестрят мачты судов.

Пароходы подходят к Царьграду.

Развертывается широкая прекрасная панорама Константинополя, видна Святая София.

Прошли по рейду мимо прибывших ранее судов: вот величественный «Генерал Алексеев», а вот и «Корнилов». У трапа появляется знакомая бодрящая своим видом фигура генерала Врангеля. Пароход сразу оживает какой-то радостной энергией. Главнокомандующий здоровается с войсками. Несется единодушное: «Ура!»

То же громкое, долго не смолкавшие «ура» сопровождало Главнокомандующего во время объезда им на катере прибывших судов, многие из которых он посетил. Следует отметить, что пароходы с русскими изгнанниками стали приходить на Константинопольский рейд, начиная с 15 и кончая 22–23 ноября, причем, когда первые суда уже отошли оттуда в Галлиполи («Саратов» и «Херсон» – 21 ноября), суда из Керчи только что начали прибывать. Всего же одновременно более ста русских судов – военных и торговых, крупных и мелких – встали угрюмой, облупленной людьми, голодной армадой на внешнем рейде Константинополя и выкинули флаги: «Хлеба!» и «Воды!»

Это были не только условные знаки и обычные морские сигналы. Это был крик о помощи десятков тысяч людей, запертых в плавучие тюрьмы и воистину не имевших на сегодня ни хлеба, ни воды. Они так катастрофически свалились на голову Константинополю, что, конечно, трудно было ожидать при всем сочувствии к русским изгнанникам с чьей-либо стороны скорой и налаженной помощи. Поэтому первые дни подходили к пароходам какие-то случайные катера и больше наводили справки, чем подвозили продовольствие. Да

и то было чисто случайным: то американцы привезут молоко и шоколад детям, то французы сгрузят консервы, то наши русские земцы подвезут в мешках долгожданный хлеб.

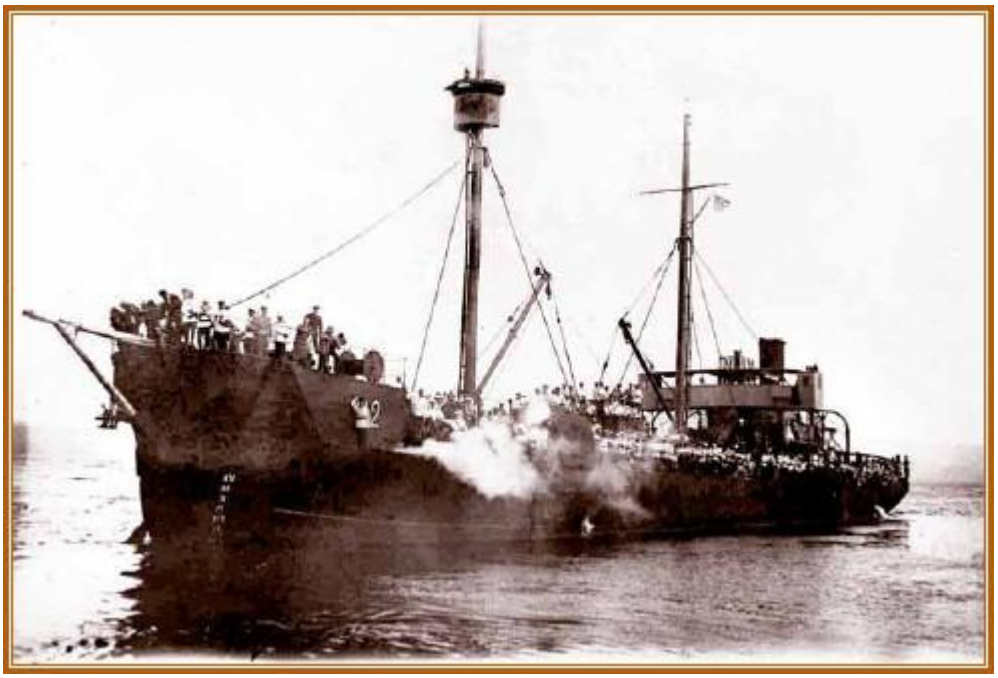
А на пароходах продолжалась та же давка, грязь, моральное разложение и общий голод. Международная полиция следила за тем, чтобы русские не съезжали с пароходов.

Вдали причудливой панорамой светился громадный город, вокруг пароходов сновали лодки торговцев – «кардашей», переполненные хлебом и сластями; мимо судов свободно и легко бороздили волны дачные пароходы, переполненные чужой, оживленной толпой. Всюду была жизнь, а русские изгнанники все сидели в своих невольных тюрьмах и терпеливо ждали решения своей участи.

«Я был вчера, – писал в те дни один из молодых наших писателей, – 19 ноября 1920 года, среди 66 кораблей, стоявших в Мраморном море, в устье Босфора; я разыскивал на них остатки замученных русских писателей, а нашел 130 000 распятых русских людей! Они поставлены на глаза всего мира, на самом видном месте между Европой и Азией, но их видят далеко не все обитатели Европы. Это, слава Богу, не вся еще Россия, но это одна тысячная часть распятой России, и этого достаточно, чтобы ослепнуть от потрясающего зрелища».

А Комитет политического объединения русских граждан в Константинополе в обращении к союзникам и друзьям писал: «Разве это только толпа, обезумевшая от горя и страдания? Нет, это люди, отдавшие все в защиту принципов, одинаково дорогих и для вас, и для нас, и для всего человечества. Сделайте все, чтобы остатки всемирного арьергарда не исчезли с мирового поля битвы, чтобы те, в ком остались воля и энергия, вновь собравшись с силами, опять могли выступить на спасение родины своей. Если нашлась территория для временного пребывания сербских героев, для бельгийских мучеников, неужели не найдется в мире угла для русских, отстаивающих грудью вас, Европу, от нового нашествия варваров?»

В первые же дни с пароходов стали сгружать раненых, тяжелобольных, гражданских беженцев, а затем и строевые казачьи части. Многие пользовались любым из подошедших катеров, чтобы объехать суда и разузнать о том, погрузились ли куда-нибудь жена, мать, дети, брошенные в других городах Крыма.

Переполненные транспорты в гавани г. Галлиполи

Вместе с частичной разгрузкой пароходов постепенно улучшалось и питание. Подвоз продуктов становился более регулярным; привезли много пресной воды, появился кипяток, а там заклубились и походные кухни; правда, иногда это была пшенная каша на морской воде, но все же это была уже горячая пища.

Правовое положение офицеров и солдат все еще не выяснилось. Жили по-прежнему только слухами; приказы не доходили. Константинопольские газеты, редко попадавшие, были полны фантастическими описаниями «крымской катастрофы», «эвакуации», «хождения по мукам», но ничего не проясняли в личной судьбе изгнанников: были ли они беженцами или военнообязанными, могли ли высаживаться или должны были ждать, когда их кто-то и куда-то повезет, – этого никто точно не знал. Говорили по-прежнему о Франции, заговорили о Сербии, стали все чаще называть Галлиполи. Но о последнем говорили, что там только палаточный лагерь, малярия, «долина смерти» и там до весны не выживет никто.

Тыловая накипь Армии, загруженная каким-то неведомым добром, довольно свободно съезжала с пароходов и терялась в константинопольской беженской пыли, но воинские части держались сплоченно, открыто издеваясь над разбегавшимися «мучными королями» и возмущаясь людьми, агитировавшими за переход в беженцы.

Они знали, что пока оружие с ними, пока у них в трюмах часть продовольственных и интендантских грузов, пока с ними русские боевые суда, они не пропадут.

Понятно поэтому то отношение, какое встретило со стороны воинских частей выполнение французами международных правил о разоружении. Все знали, что на чужой земле отошедшую армию должны были разоружить, но оружие сдавали французам с большим душевным смятением, чувствуя какую-то незаслуженную национальную обиду, чуя, что это именно может обратить Армию в беженцев, лишить последних средств защиты, национального лица. Оружие прятали, бросали с огорчением в воду, расставались с ним с большой печалью[14].

Это прежде всего понял такой русский и истинно военный человек, каким всегда был генерал Кутепов. Через три дня после прибытия на рейд он уже издал следующий приказ, весь дышащий призывом к боевой готовности:

«Константинополь. "Алмаз"
Приказ № 1
по войскам 1-й Армии
5/18 ноября 1920 г.
§ 1

Приказываю в каждой дивизии распоряжением командиров корпусов всем чинам за исключением офицеров собрать в определенное место оружие, которое хранить под караулом.

§ 2

В каждой дивизии сформировать вооруженный винтовками батальон в составе 600 штыков с офицерами, которому придать одну пулеметную команду в составе 60 пулеметов.

§ 3

К исполнению приступить немедленно и об исполнении донести.

Генерал-лейтенант Кутепов».

[14] Антанта согласилась предоставить Русской Армии транспорт для эвакуации под условием почти полного разоружения воинских частей и временной конфискации (в залог) вывезенных из России интендентских запасов. Основными транспортными средствами для исходившей Армии и гражданского населения стали 66 судов русской черноморской эскадры (18 боевых кораблей, 26 транспортов, 22 мелких судна), 9 торгово-пассажирских пароходов, все мелкие суда торгового флота и почти все частновладельческие – из общего числа 126 судов, на которых из Крыма эвакуировалось почти 150 тысяч человек.

По соглашению с французами, воинским частям оставляли одну двадцатую часть оружия. У офицеров оружия не отбирали. Несмотря на это французы сгрузили с прибывших из Крыма судов:

45 000 винтовок,
350 пулеметов,
12 000 000 ружейных патронов,
330 000 снарядов,
60 000 ручных гранат.

Одновременно с этим французские власти стали разгружать принятое ими в свое распоряжение прибывшее на пароходах русское казенное имущество[15].

Все это, происходившее на глазах нищих голодных людей, при самом начале изгнания, произвело на всех очень тяжелое впечатление. Всего было выгружено тогда:

а) продовольствия:
зерна …….. 300 000 пудов,
сахара…….20 000 пудов,
чая…….. 17 000 пудов,
табака …… 1500 пудов,
разных продуктов …….. 50 000 пудов;
б) обмундирования и белья:
шинели, френчи и шаровары … 42 000 пудов,
рубахи и кальсоны …….. 340 000 пар,
носки …… 640 000 шт.,
полотенца…… 285 000 шт.,
обуви……..58 000 пар,
кожи…… 592 000 кг,
перчаток …….. 53 000 пар,
одеял……..140 000 шт.,
сукна и мануфактуры …….. 810 000 метров.
и другое имущество,
всего на сумму 69 075 888 франков.

Непрерывно работали лебедки, пустели трюмы, а вместе с этим Русская Армия все более обездоливалась, переходила в материальную зависимость к чужому, хотя и другу. И право было наше командование, которое в эти тяжелые дни организовало отступивших русских бойцов в стройную вооруженную силу, которая в данных условиях одна только могла сохранить лицо Армии, спасти ее от распыления.

Приказ по войскам 1-й армии, данный 19 ноября за № 3, говорил, что приказом Главнокомандующего 1-я армия сводится в 1-й Армейский Корпус, во главе которого становится генерал от инфантерии Кутепов; в состав Корпуса должны были войти: 1-я Пехотная дивизия, 1-я Кавалерийская дивизия и Технический полк.

Через день после этого первые пароходы с частями Корпуса («Саратов» и «Херсон») отошли в Галлиполи.

А остальные угрюмо покачивались на рейде, продолжая держать своих невольных пассажиров в обстановке невероятной грязи, в самом угнетенном настроении. Общая неизвест-

[15] Казенного имущества и интендентских грузов было вывезено на сумму более 60 млн. франков, артиллерийских грузов – почти на 35 млн. франков, угля – на 6,5 млн. франков, а все вывезенное Русской Армией имущество оценивалось на сумму более 110 млн. франков. По предварительно заключенному соглашению Главкома Русской армии и Верховного комиссара Франции на юге России все воинские чины и гражданское население поступали под покровительство Французской республики, которая в обмен на это брала себе в залог русский тоннаж, за исключением самого необходимого имущества на сумму около 15 млн. франков

ность и неосведомленность продолжались. То пароходы подымали якоря и направлялись к живописным островам Проти и Халки – якобы для общей дезинфекции; то продвигались неожиданно вперед, то грузили уголь, но дальше этого дело не шло. Постепенно стало выясняться правовое положение чинов Армии. В приказах по 1-му Армейскому Корпусу от 19–20 ноября, поздно дошедших до всех пароходов, так разъяснялись приказы Главнокомандующего о правах эвакуированных: все генералы и штаб-офицеры, не получившие должностей, а также все категористы (штаб– и обер-офицеры, солдаты) отплытию в Галлиполи не подлежали, а эвакуировались как беженцы в Константинополь и славянские страны; таково же было положение всех больных и раненых. Кроме того, могли воспользоваться этим правом беженства все офицеры, окончившие военные академии и не получившие должностей по своим специальностям. Генералы и штаб-офицеры, не получившие назначения, могли оставаться в частях на положении рядовых офицеров; вместе с офицерами временно, как говорил приказ, могли оставаться семьи военнослужащих в составе отца, матери, жены и детей.

Время шло. Свежим ясным вечером 3 декабря вдали от обагренных лучами заходящего солнца силуэтов Святой Софии на многих пароходах в благоговейной тишине помянули русскую жизнь совершением вечерни под двунадесятый праздник Введения во храм Богородицы.

А потом неожиданно началось стремительное отплытие оставшихся пароходов: шли по Мраморному морю к входу в Дарданеллы. Теперь уже было ясно, где ждал Армию первый тернистый приют.

Еще в Константинополе 20 ноября на пароходе «Саратов» генерал Кутепов отдал приказ, которым организация высадки Корпуса в Галлиполи возлагалась на начальника 1-й Пехотной дивизии генерал-лейтенанта Витковского. Говорили, что город разрушен, что придется жить в палатках, что мало воды, что дуют норд-осты. Вообще, ожидания были самые печальные.

Но когда пароходы, минуя водный простор Мраморного моря, входили в коричневый, кое-где желтевший, а местами зеленевший коридор берегов и уже виднелись довольно широкие просветы Дарданелл, взорам представилась совсем удручающая картина.

С правого борта парохода показались сначала унылые постройки казарменного типа. Сергиевское Артиллерийское училище не знало еще тогда, что там оно проведет девять месяцев – в унылом соседстве с сенегальцами. Затем – маяк, а дальше потянулись серые каменные развалины небольшого городка с редкой зеленью пинии, с красневшими черепицами крыш, с унылыми домиками набережной.

Не верилось, что пароход завернет именно в эту безнадежную бухту. А там уже оживление: «Аскольд» кого-то разгружает, вдали видны вереницы людей, идущих с грузом куда-то в поле по холмистой дороге, а вон и неуклюжие зеленые палатки.

Да, это Галлиполи.

Но неужели надолго? Неужели здесь зимовать? Неужели на нашей планете за все понесенные изгнанниками страдания, за всю пролитую русскими кровь за общесоюзное дело не могли найти им иного приюта, прикоснуть к иной земле?

Вот показались сенегальцы; слышны окрики французских лейтенантов, работают лебедки. Выгрузка начинается.

Так прошел первый этап крестного пути.

Географический очерк Галлиполийского полуострова и города Галлиполи

Город Галлиполи находится под 40°, 30' северной широты и под 26°, 40' восточной долготы от Гринвича и расположен на северо-восточной части Галлиполийского полуострова. Полуостров тянется узкой полосой с северо-востока на юго-запад верст на 75-80 вдоль Дарданелльского пролива. Наибольшая ширина полуострова, несколько юго-западнее г. Галлиполи, – около 25 верст, наиболее узкое место по перешейку, соединяющему его с материком у с. Булаир, – около 4 верст.

Полуостров является результатом тектонического действия подземных сил, происхождения геологически сравнительно недавнего, и до сих пор находится в зоне действия тектонических сил внутри мирового вулканического кольца; сейсмическая линия проходит через Дарданелльский пролив.

Общий рельеф местности делит полуостров на две части: северо-восточную – более низменную, переходящую почти в равнину у Булаирского перешейка, и юго-западную – гористую; последняя вся изрезана хребтами и отдельными горными вершинами. Расположение хребтов, тянущихся, главным образом, с северо-востока на юго-запад, на всем протяжении полуострова почти нигде не создает долин, защищенных от действия постоянных и сильных северо-восточных ветров. Отчасти в силу этого на вершинах нет развитой растительности. Другой причиной слабой растительности в горах является недостаток влаги. Стекающие с гор воды сносят органические остатки в долины, и здесь образуются почвы, достаточно богатые для растительной жизни. Почвенный слой в долинах действительно мощный.

Эти условия создают общий колорит полуострова, растительностью своей мало отличающегося от южных частей России, главным образом, Крыма и северной части Черноморского побережья Кавказа. Значительная разница средней температуры и более южное расположение как будто должны были бы дать совершенно иную картину, однако непостоянство уровня и количества подпочвенных вод, относительный минимум атмосферных осадков и холодные северо-восточные ветры не дают здесь развиться богатой южной растительности. Представители тропической флоры встречаются только лишь в виде отдельных исключений.

При более детальном ознакомлении с флорой полуострова здесь можно выделить лишь небольшое количество семейств, но, правда, с большим разнообразием видов. Преобладающими являются семейства мотыльковых, сложноцветных и злаковых. Характерна и та особенность, что климатические условия накладывают на растения свой особый отпечаток. Растения как бы не доверяют тем благоприятным условиям, которые дали возможность им развиться и на всякий случай сохраняют особые аппараты для защиты от чрезвычайного испарения и приспособляемость к восприятию минимума питательных веществ; так, даже дуб, развившийся достаточно мощно, сохраняет иногда листья с игловидными окончаниями, густо усаженные покровными волосками.

Горные хребты и плато в большинстве своем покрыты кустарниками шиповника, каменного дуба, терновника; значительно реже– бобовника и низкорослой груши; встречаются целые долины, заросшие можжевельником. Зато чрезвычайно редко встречаются кустарники низкорослой сосны и исключением надо считать нормально развитую сосну. В долинах картина значительно изменяется. Здесь уже встречаются платаны, дубы, березы, иногда ясень, тополь, осина. Встречаются и фруктовые деревья; из них можно назвать маслину, инжир, миндаль, орех, черешню, персик, абрикос, айву. Редкими деревьями надо считать яблоню, гранатовое дерево, грушу; кипарис тоже составляет редкое исключение: в естественном состоянии он почти никогда не встречается, но является обычным гостем мусульманских кладбищ, заботливо посаженный там руками человека.

Долины, мало обрабатываемые под пашню, сплошь заросли различными травами, могущими давать богатый сенокос. Весной сочная густая трава покрывает землю великолепным бархатным ковром. Довершают картину ромашка и маки, заливающие красными и белыми пятнами все поля и луга. Особенно буйно расцветают маки по склонам прибрежных холмов и оврагов.

Климатические и почвенные особенности полуострова создают благоприятные условия для занятия земледелием. Несмотря на относительно малое количество атмосферных осадков и недостаток подпочвенной влаги земля дает вполне хорошие урожаи, даже при той системе обработки ее, которая здесь существует. Однако местное население земледелием занимается мало и крайне неумело; использована далеко не вся площадь земли, годной для обработки, всего 20–25 процентов. Земледелием занимаются лишь в долинах, и даже склоны гор, вполне удобные для земледелия, не обрабатываются. Обработка земли производится совершенно примитивными средствами. Никаких сельскохозяйственных машин местное население не знает и не хочет знать. Обычные орудия – это деревянный плуг и двузубая мотыга. Сельскохозяйственные машины, как редкость, встречаются лишь в немногих крупнейших экономиях. Система хозяйства – обычная– здесь представляет так называемое «пестрополье». Никакой очистки полей не производится, и редкий колос густо перемежается с сорными травами. Бороньба производится самым примитивным способом при помощи орудия в виде железного листа с пробитыми в нем дырами, развернутые острые края которых, обращенные к земле, производят требуемую работу. Такая бороньба, конечно, цели не достигает. Уборка урожая производится ручным способом. Сорта хлеба, культивируемые здесь, самого низкого качества. Главная культура – пшеница плохого качества и ячмень. Овса нет совсем. Корнеплоды и клубнеплоды отсутствуют. Из пропашных растений встречаются кукуруза и бахчевые – дыня, арбуз, тыква. Значительна обработка земли под бобы, фасоль, горох.

Огородничество тоже развито очень слабо. Встречаются огороды лишь вблизи города. На огородах разводятся самые простые сорта лука, чеснока, перца, помидоров, салата, огурцов. В остальной части полуострова огороды встречаются лишь небольшие, для собственного потребления, да и то крайне редко.

Садоводство не развито, несмотря на благоприятные для него условия. Из культивируемых фруктов можно назвать, прежде всего, инжир, которому отводилось раньше здесь большое место, но война уничтожила плантации инжира. Виноградники встречаются чаще, но без достаточной культурной обработки. Виноделия в полном смысле слова нет. Сорта винограда разводятся европейские, но лозы сильно устарели и огрубели. Такое печальное состояние культуры земли никакими условиями почвенными и климатическими не объясняется. Единственное объяснение можно найти в инертности населения, но, может быть, близость Константинополя, положение на большой морской дороге, отсутствие непосредственного культурного воздействия Европы сыграли здесь еще большую роль.

Вид города Галлиполи. 1921 г.

Большое значение на полуострове могли бы иметь роскошные сенокосы. Главные сорта трав: костры разных видов, ежа, райгрос, лисохвост, мятлики; из бобовых: клевер, вики, эспарцет, люцерна. Между тем население пользуется ими для прокорма скота выпасом круглый год, совершенно не заготовляя сена. Но и в этом виде богатство края мало использовано, так как и скотоводство мало развито. Разводят местные жители, главным образом, коз и значительно меньше баранов. Этим и ограничивается их занятие скотоводством.

Количество населения на полуострове определить трудно, так как сбор всяких статистических сведений и здесь, как на всем Балканском полуострове, считается делом политическим. Состав населения – турки и греки, причем каждая народность считает себя многочисленнее другой.

На полуострове довольно много сел и деревушек. Единственный город – Галлиполи. Излучина берега, закрывая его рейд от восточной зыби из Мраморного моря, образует удобную якорную стоянку для пароходов, а старинная маленькая гавань дает безопасное убежище каботажным парусникам и рыбачьим лодкам. До печальных событий последнего десятилетия[16] Галлиполи пользовался относительным благосостоянием, так как через него шла вся торговля прилегающего к Галлиполи на севере Кешанского округа, в котором свыше 130 богатых селений. Но теперь и Кешан жестоко пострадал от войны, а греческие власти по каким-то соображениям запрещают оттуда всякий вывоз в Галлиполи. Вся торговля в городе замерла. Самый город лежит на две трети в развалинах. Целые кварталы можно проследить только по фундаментам да по мостовым, полузасыпанным обломками зданий. На уцелевших участках дома редко ремонтируются, и их верхние этажи, построенные буквально из щепочек, кривятся в разные стороны и расседаются.

Когда русские прибыли в Галлиполи, они не застали в нем никакой торговли, кроме мелочных лавочек и кабачков для матросов. Пребывание наших войск внесло в город заметное оживление. Жителей в Галлиполи, по данным греческой префектуры, теперь стало 7994.

Из них:

греков …….. 3941,

[16] Подробнее об этом см. на стр 387-388

армян……608,
турок …… 2537,
евреев ……908.

По словам жителей, да и по размерам развалин можно думать, что число жителей города до 1920 года было вдвое больше теперешнего.

Самое название города объясняется различно. Одни производят его от **«καλος πολις»** – «красивый город»; другие – от названия племени галлов, которые пробыли некоторое время здесь около 278 года до Рождества Христова и отсюда переправились в Азию; третьи связывают название с мифом о Фриксе и Гелле[17] и, наконец, с героем Троянской войны Калласом.

Что касается занятий жителей, то, как было указано, огородничество развито слабо, садов совсем нет; торговля же вся сосредоточена в руках евреев-испаньолов и греков. Испаньолы – потомки евреев, выселившихся сюда от ужасов испанской инквизиции. Пользуясь полной свободой исповедания и никем не стесняемые, они здесь сохранили и свой тип, сильно разнящийся от типа русского еврея. В них нет ни той приниженности, ни той забитости, которые были присущи евреям в России. Они ведут свободно торговлю, и еврейский квартал – не из самых бедных в городе. Говорят они на испорченном испанском языке. Турки занимаются немного рыболовством и ремеслами. Каждая национальность имеет в городе свои школы и храмы.

Вот, собственно, и все, что можно сказать о Галлиполи. В давно прошедшие времена это был богатый город с большими населением и охватывал, кроме нынешней территории, еще большое пространство к северо-востоку, включая сады и бухту к северу от мыса, на котором теперь стоит маяк. А ныне его развалины и старина лишь свидетельствуют о былом величии и богатстве, да почва, насыщенная древностями, ревниво хранит фактические свидетельства былого расцвета.

[17] Древнегреческий миф повествует о детях царя Афаманта Фриксе и Гелле от его первой супруги – богини облаков Нефелы. Когда Афамант женился на Ино, то мачеха решила извести пасынков и убедила отца принести в жертву богам сына Но Нефела послала своим детям златорунного овна, который подхватил их и понес по воздуху далеко на север. Испугалась Гелла, не удержалась от страха на спине овна и ниспала в море. Фрикс не смог ее найти. С тех пор море, где погибла Гелла, стало называться Геллепспонтом (современный пролив Дарданеллы). Этот миф – начало легенды об аргонавтах.

Исторический очерк Галлиполийского полуострова

Жизнь на Галлиполийском полуострове должна была возникнуть очень рано. Местоположение его на границе Европы и Азии, то есть там, где появилась та великая культура, которая стала родоначальницей европейских культур, уже само по себе обеспечивало необходимость раннего зарождения жизни. В глубокой древности гораздо большее значение имели водные пути сообщения, чем сухопутные, караванные, и пути эти, определившись на заре человечества, продолжают оставаться важными и в наше время. Уже в эпоху медного века наметился ведущий путь «балтийского янтаря», тот самый путь, который впоследствии вызвал к жизни первые русские государственные образования (великий водный путь «из варяг в греки»), путь, куда входил и Дарданелльский пролив. Другой путь, караванный, проходивший через Галлиполийский полуостров, вел из Передней Азии в Европу.

Таким образом полуостров лежал как раз на пересечении наиболее крупных торговых путей Древнего мира. Надо полагать, что уже в ту отдаленную эпоху жизнь на Галлиполийском полуострове была довольно интенсивна. Тесные культурные связи Юга России с островными культурами подтверждают это предположение (трипольская культура – культура нижних городов Гиссарлыка микенская культура). В эпоху героической Греции связи Черного моря с Эгейским (точнее со средиземноморским культурным очагом) несомненны, подтверждением чего является ряд мифов, «ведущих» нас через проливы: о похищении Европы, об аргонавтах и др. Сюда же следует причислить и свидетельства гомеровских поэм о Трое. Открытия Шлимана и позднейшие раскопки европейских ученых установили существование в Гиссарлыке ряда городов, древнейшие из которых имеют тесную культурную связь с югом России (диоритовые топоры из с. Петрен, Бессарабской губернии, и др.). Все эти данные указывают на один естественный путь поддержания единства островных культур с Югом России через проливы, в стороне от которого никак не мог находиться и Галлиполийский полуостров.

Самая легенда о Троянской войне является отражением действительности – борьбе между европейским и азиатским населением берегов Эгейского моря за обладание ключом к проливам.

Стратегическое значение Трои, замыкавшей проход через эту важнейшую артерию, несомненно. По окончании войны греки-победители начинают прочно обосновываться на проливах, обеспечивая себе безопасные торговые сношения с богатым Югом России, поставлявшим в Грецию столь необходимый ей хлеб и не менее нужную рыбу. С течением времени греки заселяют берега проливов и пробираются в Черное море, покрывая берега его сетью своих колоний. Ольвия [близ нынешней Одессы], Пантикапея [нынешняя Керчь], Тирас, Херсонес [рядом с современным Севастополем], Фанагория [неподалеку от Тамани], далекий Танаис [Дон] и др. начинают развиваться и приобретают важное значение как пункты экспорта для Греции хлеба и рыбы. Основание колоний относится к VII веку до Р. Х. Развитие и процветание их возможно было лишь при условии обладания проливами. Греческие колонии и городки на их берегах процветают и поддерживаются как важнейшие стратегические пункты и промежуточные тор говые порты.

Мирное развитие городов на берегах Геллеспонта было прервано военной грозой и самом начале V века, когда великая персидская империя царя Кира[18] стремилась достичь своих естественных границ на западе, заняв всю Малую Азию. В этом стремлении она столк-

[18] Кир II Великий (ок. 590-53С т. до Р.Х.) – персидский царь (с 558 г.), основатель династии Ахеменидов. В историю Кир вошел также как освободитель иудеев из Вавилонского плена, ибо когда он завоевал Вавилон, убив Валтасара, то приказал не только вернуть иудеев на родину, но и дать им деньги на восстановление Иерусалимского храма, так как считал, что каждому народу следует «возвращать их богов»

нулась с сопротивлением греческих ионийских городов в Малой Азии (главнейший из них Милет), опиравшихся на свою метрополию. Неудача Дария I Гистаспа[19] на Марафонском поле не устрашила его преемника и сына Ксеркса, который двинул огромные войска на Грецию, причем избрал старый караванный путь – через Галлиполийский полуостров. Переправа через Геллеспонт происходила близ нынешнего Чанака и Килид-Бара, где был наведен плавучий мост, составленный из крупных купеческих кораблей. С этой переправой связано предание о телесном наказании строптивых волн пролива, разметавших мост.

Окончательная победа греков в персидских войнах подняла могущество Афин, стоявших тогда в центре греческого союза против персов, получивших в виде трофея гегемонию на море и обладание проливами. Все преимущества торговых связей с черноморскими колониями были в руках афинян, что и вызвало столкновение со Спартой; вполне естественно, что финал этой борьбы происходил именно в проливах. Спартанский флот под начальством Лизандра в 405 году до Р.Х. прорвался через Геллеспонт и овладел небольшим поселением Византий. Афинский флот, не имевший после изгнания Алкивиада и других талантливых полководцев способных руководителей, вошел в Геллеспонт и отрезал спартанцев от родины. Решающее сражение произошло при устье р. Эгос-Потамос (ныне Буюкдере, на берегах которой был разбит русский лагерь). Спартанцы занимали нынешнюю Лампсакию, афиняне – «долину роз и смерти». Уничтожение афинского флота и переход гегемонии на море к Спарте были результатами этого сражения.

После этого на берегах Геллеспонта водворяется полное спокойствие, которое было возмущено лишь в 278 г. до Р. Х., когда полуостров заняла случайно забредшая сюда большая орда галлов. На этот раз обошлось без кровопролития, причем галлы перебрались в Малую Азию, где впоследствии возникла римская провинция Галатия.

К этому времени постепенно путь через проливы теряет свое значение в силу событий, разыгравшихся на юге России. Падение могущественного скифского государства и смена его слабым сарматским не могли не отразиться на греческих колониях. Сарматы, менее культурные, чем скифские племена, не удержали натиска народов Востока, и богатый Юг России оскудевает хлебом. Одновременно завоевание Египта открывает для Греции новую житницу, и центр торговых интересов переходит с Севера на Юг. Однако это мало нарушило внутреннее домашнее развитие городов при проливах. Впоследствии распространение власти могущественной Римской империи на проливы и пришедший с нею долгий мир (рах Romana) лишь способствовали их мирному процветанию.

Перенесение в начале IV века после Р. Х. столицы мировой империи на берега Босфора подняло значение и благосостояние этих городов. Галлиполийский полуостров вошел в сферу интересов и влияния Константинополя, и маленький до того городок стал расцветать. Галлиполийский водопровод относится именно к этому периоду наибольшего расцвета. Город насчитывал тогда десятки тысяч жителей. Памятников этой эпохи, кроме грандиозного водопровода, до настоящего времени не дошло: их ревниво хранит насыщенная древностями земля Галлиполи. Только намеком на древнейшую эпоху города могут служить растущие по склону холма акрополя сосны, обычно посвящавшиеся Аполлону; возможно, здесь некогда стоял его храм.

Появление в VII века нового врага с Востока опять выдвинуло проливы на арену исторической жизни. Воинствующий ислам подошел к проливам, но напряжение всех сил, сде-

[19] Дарий I (550–486 гг. до Р.Х.) – персидский царь с 522 года из династии Ахеменидов. На годы его правления пришлось восстание Навуходоносора и провозглашение им независимости Вавилонии, которое закончилось поражением мятежного царя, а также целый ряд других выступлений в подвластных Персии землях, в частности, в Мидии и Армении. Дарий, помимо покорения северо-западных районов Индии, продолжал завоевания и в Эгейском море. При его жизни персидскими владениями стали острова Самос, Лемнос, Хиос. Дальнейшее продвижение на греческие земли персов было связано с именами преемников Дария.

ланное Византией, на первый раз спасло ее. Однако она утеряла большинство своих азиатских провинций, в том числе и Святую землю.

После разделения Церквей стремление освободить Гроб Господень из рук мусульман и религиозное движение, возникшее в Европе, разразились рядом Крестовых походов, которые принесли больше тревог, чем обезопасили христианский мир от агрессивных соседей. В 1206 году Византия почти вся была занята французскими крестоносцами, которые основали Латинское королевство и дали своим союзникам венецианцам право и возможность основывать по всем берегам укрепленные торговые фактории. В 1261 году византийцы прогнали западных рыцарей, но не могли совсем прогнать венецианцев и, чтобы создать их влиянию противовес, дали одинаковые права их соперникам – генуэзцам. Большая квадратная башня у галлиполийского порта имеет древнегреческие фундаменты, но вся ее надстройка сделана, вероятно, генуэзцами.

Им же принадлежит сооружение обеих маленьких гаваней и возвышавшейся на соседнем холме цитадели, остатки которой покрывают его до сих пор. Об этом говорят кладка стен и характерный план ограды с зачатками бастионов, обычных у генуэзцев в XIV–XV вв.

Дальнейшая борьба Византии с турками привела к постепенному падению обессиленной империи: в 1353 году отважный сын султана Орхана, Гази Сулейман-паша, произвел внезапную высадку в Галлиполи и занял замок. Высадка происходила близ нынешнего маяка. Памятниками этой высадки являются столб, стоящий на камне у берега – на месте, где был убит первый высадившийся турок, и стоящая наверху лагерная мечеть – на месте первого турецкого лагеря. Последняя интересна тем, что имеет лишь одну стену с двумя кафедрами и кибле, то есть местом молитвы, обращенным к Мекке. Недостающие стены заменились огромным шатром. Камни для постройки мечети использовались с греческих домов в Галлиполи, о чем свидетельствуют сохранившиеся осколки с орнаментами.

После занятая Галлиполи турки неудержимой волной разлились по Балканскому полуострову, и в 1453 году, наконец, пал Константинополь. Проливы обратились во внутренние турецкие воды. Однако материальное благосостояние местного населения от этого скорее выиграло, – внутри Турции долго царила тишина, и торговля и земледелие достигли цветущего состояния. Памятником той эпохи в Галлиполи является караван-сарай, построенный около середины XV века. Во время минувшей войны он был обращен в казармы и теперь постепенно разрушается. К этому же времени относится мечеть в Теке – монастырь «вертящихся дервишей»[20], орден которых здесь зародился; здесь же было их главное святилище. Грубый и некрасивый куб по внешности, внутри эта мечеть поражает своими легкими арками и стройными колоннами. Своеобразный план ее в виде двух соединенных кругов происходит от ее назначения – для обрядов дервишей. К этому же периоду мирного процветания и спокойствия следует отнести и немалое количество сооружений турецкой архитектуры, которые теперь заполняют весь город своими развалинами. Множество остатков мечетей, мраморных плит, фонтанов с изукрашенными орнаментами и надписью плитами, водоемов и прочего говорит о благосостоянии и процветании города как крупного торгового

[20] Орден «вертящихся дервишей» (мавлавийя, или мевлеви) – суфистский орден мистического направления в исламе, основанный суфиями (мусульманами-аскетами, проповедовавшими крайнюю простоту жизни и отказ от богатства ради единения с Богом) около XIII века. Родоначальником ордена считается персидский богослов и поэт-мистик Джалал ад-дин аль-Руми (гробница его – в г. Конья в Турции). По представлению последователей аль-Руми – дервишей, танец символизирует вращение сфер Вселенной, а помещение, где кружатся в танце дервиши, – космос. При этом барабанная музыка и громкие призывания Аллаха во время танцев пробуждают дух молящихся, заставляя «вспоминать» свое отечество – утраченный рай. Во время своих «радений» дервиши разделяются на два полукружья, одно из которых представляет арку нисхождения души в материю, а другое – восхождения к Аллаху. Вращение, по их представлениям, есть ни что иное, как общение между духом и Богом, а прыжки во время танцев – возможность перейти из состояния обычного человека в единение с Высшим. Многие, видевшие танцы дервишей, свидетельствовали, что они производят сильное впечатление, вводя в некое состояние гипнотического транса. В Турции, где братство «вертящихся дервишей» было наиболее почитаемо, этот некогда влиятельный орден был упразднен в 1925 году Кемалем Ататюрком, а его имущество национализировано.

пункта. Особенно интересна облицовка фонтанов, сделанная уже в эпоху турецкого владычества, причем строители часто пользовались подручным материалом греческих построек. В этот период спокойствия пришли в упадок и военные укрепления, а замок был, возможно, обращен в невольничью тюрьму. Можно думать, что в этом замке сидели невольники и русского происхождения. Среди русских ходили рассказы, со слов местных жителей, что здесь находили надгробные плиты со славянскими надписями. До сих пор этих плит не найдено, но возможность обнаружения их не отрицается.

После долгого периода спокойствия и мирного процветания в 1854–1855 годах вновь до Галлиполи докатился отдаленный шум Крымской войны. Здесь французами была устроена промежуточная база, для охраны которой возведены сильные укрепления на Булаирском перешейке. Тогда же в Галлиполи оказалась крупная партия русских пленных, часть которых, окончив жизнь на чужбине, была погребена на участке, который ныне отведен под русское кладбище и где теперь стоит памятник, построенный 1-м Армейским Корпусом. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов военная гроза опять готова была разразиться над полуостровом. Русские войска уже подходили к булаирским укреплениям, но были остановлены заключением перемирия.

Последние события довершили разрушение города, приходившего уже в упадок и много пострадавшего от жестокого землетрясения в ночь с 23 на 24 июня 1912 года, когда в округе погибло много тысяч жителей, а на фортах Килид-бара и Седиль-бара несколько береговых орудий слетело с платформ. Во время Балканской войны 1912 года здесь скопилось до 200 тысяч мусульман, бежавших от сербов и болгар, угрожавших Константинополю. Эти беженцы грабили местных христиан и уничтожали цветущие фруктовые сады на топливо. В войну 1914–1918 гг. часть христиан была выселена с полуострова, и их дома тоже подверглись ограблению и разрушению. От бомбардировки судов в эту войну Галлиполи мало пострадал, но налеты и бомбардировки воздушного флота уничтожили много лучших домов в городе.

Теперь город замер, а политическая ситуация и ряд нерешенных политических вопросов создают обстановку, с которой город справиться не может.

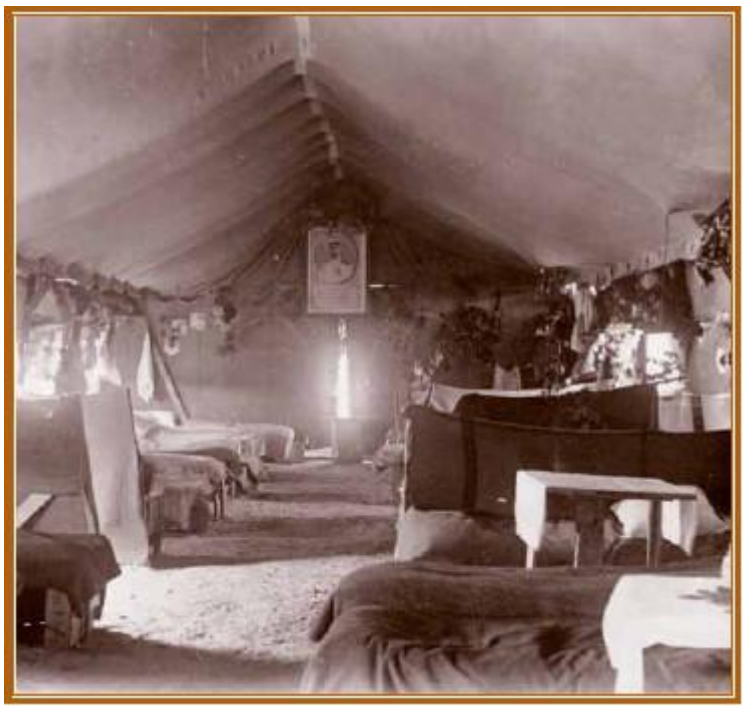
Оглядываясь на длинный ряд исторических событий, мы видим, что все они обусловливаются, главным образом, географическим положением Галлиполийского полуострова в узле торговых путей с Севера на Юг и с Востока на Запад. Это же положение обусловливает его большое значение и для России: никакой народ, живущей в низовьях Днепра и Дона, не может быть равнодушен к судьбе проливов.

Вид на галлиполийский лагерь

Размещение (Лагерь и город)

22 ноября на Галлиполийском рейде отдали якорь пароходы «Херсон» и «Саратов», прибывшие с первыми эшелонами 1-го Артиллерийского Корпуса. Когда суда стояли еще под желтым карантинным флагом, командир Корпуса генерал Кутепов первым сошел на берег; вслед за ним сошли квартирьеры и чины корпусного интендантства, чтобы сразу же решить вопросы о квартирном довольствии Корпуса и о снабжении его всем необходимым.

В палатке Корниловского Ударного полка

Беглый осмотр города и беседа с начальником французского отряда майором Вейлером сразу же выяснили, что в маленьком, разрушенном землетрясением, а также и бомбардировкой в минувшую войну, Галлиполи едва ли удастся разместить даже треть Корпуса и что остальная часть его должна быть размещена где-то за городом, в 6–8 верстах, у подножия какой-то горы. При этом начальник французского отряда мог сообщить только одно: лагерь в достаточной степени будет обеспечен водой, так как в месте предполагаемого размещения протекает большой горный ручей.

На предоставленной французами верховой лошади генерал Кутепов проехал в указанное место, которое было отведено для разбивки лагеря. Ехать ему пришлось по сильно пересеченной местности, покрытой липкой грязью, под осенним дождем и пронизывающим северным ветром. На месте, отведенном для лагеря, он нашел буквально голое поле, покрытое жидкой грязью. Где то вдали виднелась гора, покрытая низкорослым кустарником, да сбоку серела полоска грязного Геллеспонта. Дул норд-ост и пригибал к земле колючие травы. Картина была настолько мрачна и пустынна, что генерал Кутепов невольно спросил: «И что, все?», – а вернувшись на пароход, даже ни с кем не поделился вынесенным впечатлением.

Утром последовал приказ немедленно начать разгрузку пароходов. Мелководная Галлиполийская бухта не давала возможности подойти пароходам вплотную к пристани, и

потому разгрузка велась небольшими партиями на фелюгах, которые подплывали к пароходам, забирали людей и груз, и доставляли на берег.

Толпы измученных от долгого пребывания в донельзя переполненных трюмах (на некоторых пароходах число пассажиров превышало 5 тысяч человек), голодных и вшивых людей провели всю ночь на открытом воздухе под холодным осенним дождем. Только очень немногим счастливцам удалось найти приют под кровлей турка или грека, пожалевших «русса». Видя неприветливость серых развалин и пустынные окрестности, солдаты Корпуса вывели название города от двух русских слов: «голое поле».

Население города с каждым прибывающим пароходом быстро возрастало, и квартирный вопрос по остроте положения становился близким к полной катастрофе. Поэтому сразу же приступили к разрешению его, и вот во что это вылилось.

Пристань в г. Галлиполи с проложенной по ней дековилькой (узкоколейкой)

На второй день по прибытии первых эшелонов Корпуса французским интендантством вместе с первой выдачей пайка были выданы и палатки двух типов: большие двойные, «госпитальные», с целлулоидными окнами – палатки-бараки, и упрощенные маленькие – типа «марабу». Немедленно же началась переноска палаток на место, отведенное для разбивки лагеря. Перевозочных средств никаких не было предоставлено. Офицеры и солдаты на собственных плечах тащили по липкой грязи через горы крайне неудобные тюки тяжелых полотнищ. Кирки, мотыги и лопаты были выданы в очень ограниченном количестве, а топоров и пил почти не было отпущено. Все это крайне затрудняло разбивку палаток, вызывая непомерную затрату энергии и отнимая массу времени на поиски подходящих кусков дерева для кольев и проч. Отсутствие достаточного количества инструментов и короткий осенний день заставляли напряженно работать, чтобы возможно скорее укрыться от непогоды под навесом. Разбивка палаток и приведение их в более или менее жилой вид в среднем заняли около трех суток, и это время люди проводили на воздухе, ночуя здесь же, в поле.

Долина, где разбивался лагерь, разделена небольшой речкой, пересыхающей летом; вдоль нее по обоим берегам ровными рядами ставились палатки, и так как каждый полк располагался отдельно, на значительном расстоянии один от другого, вся долина покрылась

рядом отдельных полотняных городков. Ближе к городу расположилась пехота с артиллерийскими частями, по ту сторону реки, у подножия горы – конные части, а у устья речки, поближе к морю, сформировавшейся позже Беженский батальон.

С установкой палаток начались самые деятельные работы по устройству и оборудованию остальных сторон лагерной жизни. Очень многого не хватало, и создавать недостающее приходилось из подручного материала, притом исключительно собственными руками. В полках и ротах разбивались передние линейки, для украшения которых приходилось ходить за камнями и черепицей в город или за много верст в сторону от лагеря. Полки словно конкурировали друг с другом в том, кому удастся лучше сделать клумбу для солнечных часов, выложить из цветных камней и черепицы огромного двуглавого орла, соорудить позатейливее навес для знамен, вычурней выплести из соломы «грибы» укрытия от солнца для дневальных, нарисовать эмблему своей части, национальный флаг и т. д. На работу по устройству лагеря наряжались, за исключением лиц командного состава, все солдаты и офицеры.

Нельзя не коснуться, хотя бы вскользь, двух больных вопросов первых дней пребывания Корпуса в Галлиполи, которые затем нашли разрешение в приказах.

Пережитые моральные потрясения, скудость французского пайка и огромное физическое напряжение на работах вызывали в людях настолько сильную апатию к личной участи, к желанию удобно разместиться, что приказом по Корпусу пришлось понудить сделать во всех палатках койки. В крайнем случае, разрешалось сделать одну койку на два человека. Не будь этого, значительная часть лагеря продолжала бы долгое время располагаться на голой земле.

Одновременно с украшением лагеря спешно шло оборудование палаток внутри. Ветки кустарника приносились с горы за семь верст от лагеря, густо сплетались и шли на подстилку, а тростник и морская трава заменяли собою циновки и матрасы. В некоторых частях сразу же стали делать плетеные койки, у которых вместо ножек ставили принесенные большие камни либо сучья из того же кустарника. Домашнюю утварь заменяли консервные банки, служившие в одно и то же время кухонной и столовой посудой. Укупорочные ящики из-под консервов стали материалом для столов, но достать такой ящик было нелегко, и потому сравнительно только очень немногие комфортабельно размещались в своем углу. Для большинства же, при чрезмерном уплотнении палаток, вся площадь, занимаемая одним человеком, строго ограничивалась лишь размером его ложа. В больших палатках первоначально помещалось в среднем около 100 человек; впоследствии численность населения такой палатки была понижена до 60 человек. Кое-где в палатках устраивались очаги, сложенные из кирпичей вперемежку с камнем, но чаще печь просто вырывали непосредственно в земле, под землей прокладывали от нее трубу, которую и выводили за палатку. Трубы делались из консервных банок.

Керосин французское интендантство или не отпускало вовсе, или отпускало в незначительном количестве; карбидовых фонарей, выданных Американским Красным Крестом, едва хватало, чтобы осветить канцелярии, околодки и офицерские собрания. Тогда для освещения палаток начали применять кокосовое масло, удерживая всякий раз некоторое количество от пайка; лампы заменялись капищами, сделанными из простых банок с фитилем из куска тряпки.

Теснота в палатках ставила в особенно тяжелое положение людей семейных. Отгородить какой-нибудь угол в палатке не представлялось возможным, и семьи оставались или в общежитиях в городе, или тут же в лагере вырывали для себя землянку; в большинстве случаев такая землянка представляла собою просто квадратную яму, заложенную сверху хворостом и засыпанную землей, с одним только отверстием для входа и света. Во время дождей землянки протекали, а топились они обычно мангалом. В лагере были, однако, землянки и

крытые черепицей, с дверью и застекленными окнами, но такое устройство влекло за собой расходы и потому не всякому было доступно.

На «хуторах Барбовича», как называли место расположения кавалерийских полков, шире других расположившихся друг от друга, один полковник вместе с женой прожил все время до отъезда в Сербию просто в большой вырытой яме, затянутой сверху куском старого брезента.

По мере того как лагерь приспосабливался к тяжелым условиям жизни, назревала острая потребность в создании полковых офицерских собраний, где усталый от физической работы по устройству лагеря офицер мог бы посидеть в освещенном и теплом помещении, почитать или послушать газету, провести досуг в дружеской беседе или просто отдохнуть. Собрания были устроены в каждом полку. Лучшим из них, наиболее комфортабельно, если такое слово применимо, обставленным и занимавшим огромную палатку с бесчисленными земляными пристройками, было собрание Дроздовского полка. К этому собранию впоследствии была пристроена сцена, и в дни спектаклей помещение являлось и зрительным залом.

В каждом собрании имелся буфет, где за 10 лепт можно было выпить сладкого чая, а за 25 лепт съесть сделанную хотя и из консервов, но довольно большую котлету с куском хлеба. Несмотря на дешевизну буфета, широко пользовались им только в первые дни получения ежемесячных двух лир[21].

Офицерские собрания в значительной степени скрашивали тяжелые условия лагерной жизни. В них же появлялись и осуществлялись идеи организации полковых театров, журналов и т. д.

Таково было в общих чертах размещение воинских частей в лагере.

Что же касается города, то здесь для жилья использовалось все, где можно было приютиться, занимались места, казалось бы, совершенно непригодные для жилья, например, дома, лишенные крыши, с двумя уцелевшими стенами.

Только немногим в первые же дни удалось найти частные квартиры. Платить 5-10 лир за комнату не всякому было доступно, а кроме того, турки, встретившие в общем довольно приветливо первые эшелоны русских, имея патриархальный уклад жизни, очень неохотно пускали к себе на постой холостых. Обычно первый вопрос, который они предлагали при найме комнаты, был: есть ли у нанимателя «мадам»; при отрицательном ответе даже не впускали в дом. Все это создавало положение, при котором прибывавшие все время русские в течение нескольких дней оставались под открытым небом. За счастье считалось найти какой-нибудь навес и укрыться от дождя. При этом с каждым прибывавшим пароходом цены на квартиры все возрастали, доходя до 15 лир в месяц за чулан, лишенный всякой мебели и каких-либо удобств. Чтобы хоть несколько ослабить остроту квартирного кризиса, греческое самоуправление города бесплатно отвело небольшое количество комнат в частных домах, а, кроме того, выпустило воззвание к греческим гражданам с просьбой войти в бедственное положение русских и оказывать им всяческое содействие при найме помещения.

Но и турецкое население тоже проявляло самое трогательное внимание к беженцам. Турецкие женщины заходили к особо нуждавшимся русским женщинам и детям и, видя, что в их скудном привезенном скарбе многого не хватает в хозяйстве, приносили иногда недостающее. Но меры, принятые греческой мэрией, оказались очень слабыми и существенной помощи для разрешения квартирного вопроса не внесли. Благородный же порыв турецкого населения скоро сменился равнодушием.

Выбора среди развалин, конечно, не могло быть, и при размещении воинских частей принимались во внимание только их численный состав и объем помещения.

---

[21] Лепта – греческая мелкая денежная единица, 100 лепт составляли 1 драхму Лира – турецкая денежная единица, равная 100 пиастрам (Подробнее о соотношении турецких и греческих денежных единиц см. на стр. 275.)

Корниловское Военное училище заняло огромную полуразрушенную мечеть Теке, принадлежавшую ранее ордену «вертящихся дервишей». Сергиевское Артиллерийское училище разместилось за городом в сараях при сенегальских казармах. Остальные военные училища: Кавалерийское Николаевское и пехотные – Александровское им. генерала Алексеева и Константиновское, а также Николаевское Алексеевское Инженерное училище нашли приют в сараях, пакгаузах и в развалинах брошенных домов в городе. Технический полк занял на базарной площади огромный «караван-сарай» – здание, существовавшее, вероятно, уже не одну сотню лет и изъеденное угрожающими трещинами. Госпитали и лазареты занимали наиболее оборудованные и уцелевшие здания в городе или размещались в госпитальных палатках.

Мелкие воинские части ютились в случайно захваченных брошенных домах. Очень часто в одном доме помещалось несколько отдельных частей, ничем не связанных друг с другом и размещенных в порядке поселения в доме. При этом уплотнение жилищ достигало крайних пределов. Прибывавшие ранее занимали лучшее углы, а последующие теснились в проходных коридорах, на лестничных площадках и даже на ступеньках. Например, в небольшом двухэтажном доме в первые дни прибытия в Галлиполи разместились: конвой генерала Кутепова, радиотелеграфное отделение, штаб какой-то артиллерийской бригады и командный состав Технического полка. Люди спали вповалку на грязном, заплеванном полу. Не было ни коек, ни столов, ни стульев, а посудой служили те же неизменные консервные банки.

Грязь, холод, обилие вшей и растущая заболеваемость возвратными тифом и воспалением легких… В таких условиях люди жили недели и месяцы.

Для размещения семей военнослужащих было решено приступить к устройству общежитий. Это оказалось делом очень нелегким, так как занятые для этого старые дома и мечети, чтобы привести их хотя бы в относительно годный для жилья вид, требовали колоссального ремонта. Всех общежитий было устроено 13, и организованы они были по одному типу. Для иллюстрации условий жизни в них приведем краткое описание считавшегося наиболее оборудованным общежития Кавалерийского полка.

Общежитие это устроили в брошенном большом доме, который, очевидно, был когда-то роскошным зданием, о чем говорили уцелевшие обломки мраморной террасы в саду, прекрасные потолки, большие амбразуры окон, размеры комнат и даже следы бывших уборных. При вселении туда семей большинство оконных отверстий пришлось заложить камнями, законопатить щели морской травой, вместо дверей повесить одеяла и т. д. Печей в доме не было, и в каждой семье полное «право гражданства» приобретал мангал, служивший в одно и то же время очагом и печью для отопления. Ни общей кухни, ни общей прачечной, как и всюду в общежитиях, не было. Обед и ужин готовились, если позволяла погода, на кострах, на воздухе, а в дурную погоду на мангалах в комнате.

В каждой отдельной комнате помещалось две-четыре семьи, то есть не менее 6-10 человек; в некоторых комнатах отдельные семьи старались хоть как-нибудь отделиться друг от друга, устроить свой угол и завешивались одеялами, простынями, пледами. Комната, таким образом, принимала вид целого ряда отдельных кабинок. В большинстве же случаев, за невозможностью поделить право на пользование окном все семьи жили, не разделяясь, и спали вповалку на полу. Однако кроме этих полных физических лишений условий, жизнь в общежитиях отягощалась еще одним, самым тяжелым в моральном отношении – вынужденным сожительством бок о бок с совершенно чужими и часто чуждыми по воззрениям, воспитанию и привычкам людьми.

Квартиры семейных офицеров в Галлиполи. 1921 г.

У Достоевского в «Записках из мертвого дома» есть пронизывающая ужасом сознание фраза впервые попавшего в общую тюремную камеру: «Теперь я никогда не буду один». То же самое должны были испытывать обитатели общежитий: усталые нервы требовали покоя и отдыха, а вместо этого ни днем, ни ночью не представлялось возможности побывать наедине или только в своей семье, постоянно приходилось являться невольным свидетелем всех интимных сторон чужой жизни. Это не всякому было по силам, и при первой к тому возможности из общежитий старались уйти, устроиться, может быть, и хуже, но все-таки в своем собственном уголке.

Во всех тринадцати общежитиях размещалось в среднем 325 женщин и 80 детей.

Описание уклада жизни в общежитиях – это бесконечный синодик мелких дрязг и недоразумений, оканчивавшихся иногда дуэлью.

Поиски своего угла заставляли продавать последний скарб на оплату комнаты или вызывали к жизни новый вид жилища в городе – сложенную из камней лачугу или вырытую землянку.

Обычно для постройки такого жилища подыскивались среди развалин одна-две уцелевших стены и к ним пристраивались недостающие. Строевым материалом служили огромные серые камни, обильно разбросанные среди развалин. Складывались они без всякой скрепы, и щели между ними засыпались землей. Для крыш использовали колючую проволку, которой очень много можно было найти в Галлиполи; вместо балок применялись рельсы, взятые с конной железной дороги, находили место куски жести, да и все, что попадалось под руку. Из проволоки сплеталась густая сетка, поверх которой наваливались ветви, валежник, тростник, морская трава; все это засыпалось слоем земли и обмазывалось жидкой глиной. Иногда прослойка из веток прокладывалась два и даже три раза. Однако крыша такой «циклопической» постройки не отличалась прочностью; во время сильных дождей она промокала и иногда, не выдержав собственной тяжести, проваливалась. Несмотря на это первые «люди серого камня» нашли много подражателей; такие жилища, как грибы после дождя, вырастали в разных местах города, а кое-где образовали даже целые улицы.

Неизвестно почему эти жилища стали называться «дачами», но некоторые из них даже украшались дощечками с названием: «Тоска по родине», «Одинокая», «Надежда» и т. д.

Невозможность почему-либо обзавестись собственной «дачей» не останавливала, однако, поисков собственного угла. Группа офицеров-авиаторов с семьями занимала на берегу пещеры, в которых рыбаки в непогоду прятали сети. Какой-то офицер с женой долгое время находил приют в выброшенной на берег полуистлевшей фелюге. На старом турецком кладбище для жилища был использован каменный резервуар испорченного водоема. Над ним долгое время развевался русский флажок и красовалась надпись «Дача Мечта». Укладываться спать в этой «даче» можно было только по диагонали, упираясь головой в один угол и ногами в другой.

Название «дачи», к сожалению, не было иронией, и такой изолированный угол на общем фоне квартирной нужды являлся завидной долей.

Такова, в общих чертах, картина первых дней размещения в городе. Обостренный донельзя жилищный вопрос, а главное – отсутствие возможности просто отдохнуть на кровати, поесть у стола, очень угнетали настроение усталых и голодных людей, либо вызывая у них болезненную апатию, либо повышая нервозность.

Однако с течением времени то колоссальное количество работы, которое было затрачено на оборудование занятых помещений, сделало их совершенно неузнаваемыми.

Мертвые разрушенные дома оживали. Они не только наполнялись русским говором, песней, но и преображались внешне. Голые грязные стены белились известью, украшались орнаментом, пейзажами и видами далекой родины, устраивались очаги и печи, появлялась мебель (столы, стулья, кровати), сделанная из консервных ящиков.

Ситуация утрясалась, а с наступлением первых теплых дней жилищный вопрос сразу утратил свою остроту. Сухое лето и отсутствие дождей давали полную возможность спать на воздухе.

Организация Корпуса

При эвакуации из Крыма части Русской Армии в силу условий боевой обстановки и отчасти в зависимости от распределения тоннажа значительно перемешались; по прибытии в Константинополь, а затем в Галлиполи, части эти не представляли строго организованных единиц, почему предстояла большая организационная работа.

Прежде всего, надо было учесть происшедшее уменьшение численности Армии и свести войска в организационные единицы соответственно их численному составу. Во-вторых, в виду решения французского командования поселить казаков на Чаталдже и на острове Лемнос, необходимо было выделить все казачьи части.

Юнкера и офицеры в Галлиполи. Лето 1921 г.

Исключая казачьи части, все прочие части Русской Армии были сведены в 1-й Армейский Корпус, который возглавил командовавший до этого 1-й армией генерал от инфантерии Кутепов.

Организация строевых частей 1-го Армейского Корпуса

19 ноября Главнокомандующий издал приказ за № 4721, согласно которому 1-му Армейскому Корпусу придана была следующая организация:

1. Управление Корпуса.

2. 1-я Пехотная дивизия – генерал-лейтенант Витковский:

а) Корниловский ударный полк – из Корниловской дивизии;

б) Марковский пехотный полк – из Марковской дивизии;

в) Сводно-стрелковый генерала Дроздовского полк – из Дроздовской дивизии;

г) Алексеевский Пехотный полк – из Алексеевского полка, Сводно-гвардейского полка, частей 6-й, 13-й и 34-й пехотных дивизий.

Примечание: при каждом пехотном полку состояли одноименные конный и артиллерийский дивизионы и инженерные роты.

д) Артиллерийский батальон – из частей тяжелой, крепостной и бронепоездной артиллерии.

3. Конная дивизия – генерал-лейтенант Барбович:

а) 1-й, 2-й, 3-й и 4-й конные полки – из всех частей регулярной конницы;

б) Конно-артиллерийский дивизион – из всех конно-артиллерийских частей.

4. Технический полк – из всех саперных, телеграфных, авиационных, железнодорожных, броне-автомобильных и прочих технических частей.

Управление Корпуса

Управление Корпуса в составе Штаба Корпуса, управлений инспектора артиллерии, корпусного инженера, корпусного интенданта, корпусного врача, корпусного ветеринара, корпусного контролера, корпусного суда и главного священника Корпуса сразу было сформировано в составе и по штатам, близким к нормальному составу корпусного управления, полагавшегося во время войны. Впоследствии в его организацию серьезных изменений внесено не было.

Следует лишь отметить, что в состав управления Корпуса вошли в соответствии с потребностями обстановки управление коменданта города Галлиполи (часть военно-полицейская) и управление коменданта порта (вопросы морского транспорта). Последнее было, впрочем, в конце июля включено в состав управления коменданта города.

Штаб и управления Корпуса функционировали, в общем, вполне нормально.

Пехота

До переезда в славянские страны в организации пехотных частей никаких изменений по сравнению с первоначальной не произошло, если не считать перемещения сводной Самурской роты из Алексеевского полка в Дроздовский.

Артиллерия

Организация артиллерии подверглась некоторым изменениям. Первоначально состоявшие в дивизиях артиллерийские бригады были сведены в дивизионы и включены в состав одноименных пехотных полков. Артиллерия, не входившая в состав дивизии, сведена была в Отдельный Артиллерийский полк, входивший в состав 1-й Пехотной дивизии и разделявшийся на два дивизиона по три батареи в каждом.

Когда с течением времени выяснилась возможность организовать в войсках занятия по их боевой подготовке, решено было перейти к более нормальной организации. Уже 22 декабря 1920 г. вся артиллерия 1-й Пехотной дивизии сведена была в 1-ю Артиллерийскую бригаду.

Бригада состояла из шести дивизионов: Корниловского, Марковского, Дроздовского, Алексеевского, 5-го, в который вошли части тяжелой артиллерии, и 6-го дивизиона, состоявшего из частей бронепоездной артиллерии.

Конная артиллерия, первоначально сведенная в один четырехбатарейный дивизион, была в середине апреля разделена для удобства управления на два двухбатарейных дивизиона; одновременно для подготовки младшего офицерского состава сформировали учебную Офицерскую Конно-артиллерийскую батарею.

Такая организация оставалась до переезда в славянские страны.

Конница

В составе 1-й Конной дивизии произошли также некоторые перемены: сформированы были Ремонтный и Запасный эскадроны, выделены чины бывших гвардейских частей и сведены в отдельный Гвардейский дивизион, наконец, в связи с переездом большей части дивизии в Сербию, сформирован был офицерский учебный Кавалерийский полк.

Инженерные войска

Все технические части, как то: саперные, телеграфные, радиотелеграфные, бронеавтомобильные, танковые, железнодорожные, – были, как сказано выше, сведены в Технический полк. В его состав вошли части, обычно не соединяемые, например, авиационные и железнодорожные, но этого требовало удобство управления, для чего и необходимо было соединение мелких единиц в более крупные части.

Не считая состоявшегося в марте по распоряжению Ставки выделения из Технического полка радиотелеграфных станций в особое отделение, перемен в организации инженерных частей не произошло.

Военно-учебные заведения

Находившиеся в Крыму военные училища и Артиллерийская школа постепенно также сосредоточились в Галлиполи. Сюда прибыли Константиновское, Алексеевское и Корниловское Военные училища, Сергиевское Артиллерийское училище и Офицерская Артиллерийская школа. Из этих училищ Алексеевское было 3 марта переименовано в Александровское им. генерала Алексеева Военное училище.

С течением времени в Галлиполи были открыты Инженерное и Кавалерийское училища.

Николаевское Алексеевское Инженерное училище возникло сначала в виде курсов; в середине февраля курсы эти были переименованы в Николаевско-Алексеевское Инженерное училище, а 11 июля рота юнкеров училища, в связи с новым приемом, развернута в батальон двух-ротного состава.

Николаевское Кавалерийское училище, в лице которого было восстановлено старое училище того же наименования, первоначально именовалось «Учебным дивизионом кавалерийских юнкеров»; в середине февраля оно было переименовано в Кавалерийское училище, которому 2 августа присвоено наименование «Николаевское».

Прибывшая из Севастополя Офицерская Артиллерийская школа начала функционировать в середине января.

Для пополнения знаний офицеров инженерных частей была организована 20 апреля Офицерская Инженерная школа, при которой 2 июля открыто железнодорожное отделение.

Наконец, для подготовки инструкторов по физическому развитию сформировали Офицерскую Гимнастическо-фехтовальную школу, открывшую свои занятия в конце января.

Заканчивая краткий обзор организации в Галлиполи военно-учебных заведений, упомянем еще о функционировавших с февраля при Марковском полку Штабс-офицерских стрелковых курсах с программой, близкой к программе бывшей Офицерской Стрелковой школы, и об открытых в начале июля Военно-административных курсах, имевших целью подготовку не способных к строю офицеров к занятию административных должностей.

Вспомогательные части и учреждения

В связи с потребностями в Корпусе были сформированы некоторые вспомогательные части и учреждения.

Для перевозки продовольствия в лагерь французское командование предоставило Корпусу 50 повозок и 100 мулов, которые и образовали корпусной обоз, обслуживавшийся исключительно русскими.

При Управлении корпусного интенданта были организованы починочные мастерские, а также хлебопекарни, выпекавшие хлеб на весь Корпус. Была также и своя рыболовная команда, однако в силу различных неблагоприятных условий, рыболовство широко поставить не удалось.

Для солдат, отбывавших наказания, сформировали дисциплинарную роту.

Наконец для офицеров и солдат, которые пожелали оставить Армию, а также для удаленных из Армии властью начальства в январе образовали Сводно-беженский батальон, который имел правильную строевую организацию, а командные должности в нем замещались кадровыми офицерами. Режим в батальоне был общим с обычным режимом строевых частей.

Для ремонта оружия вскоре по прибытии в Галлиполи открыли Артиллерийский склад с артиллерийской мастерской при нем. Большую мастерскую организовал Технический полк. Следует отметить, что эта мастерская создавалась буквально из ничего. Впоследствии мастерская стала выполнять весьма сложные и тонкие слесарные и кузнечные работы.

Генерал Александр Павлович Кутепов

Имя командира 1-го Армейского Корпуса генерала от инфантерии Александра Павловича Кутепова всегда будет неразрывно связано с тем, что пережили «русские в Галлиполи» в период с ноября 1920 по декабрь 1921 года.

Все, что было достигнуто в Галлиполи, самый характер и строй жизни – все это носило отпечаток воли и энергии генерала Кутепова.

Назначение генерала Кутепова командиром 1-го Армейского Корпуса произошло на Константинопольском рейде, когда из остатков 1-й армии формировался и самый Корпус.

Перед командиром вновь сформированного Корпуса стояла очень ответственная и тяжелая задача. Условия, в которые был поставлен Корпус, мало способствовали поддержанию дисциплины и организации, а общее состояние духа скорей должно было вызвать полную дезорганизацию и окончательно разрушить последние остатки Армии. Однако Армию необходимо было сохранить. И если оставившие Крым войска после невиданной до сих пор в истории эвакуации Армии с континента вместе с гражданским населением не растворились в последнем, если русские в Галлиполи не попали за проволоку и не оказались в концентрационном лагере под командой французских сержантов, – это заслуга, главным образом, генерала Кутепова.

Сама природа, казалось, предназначила его к выполнению трудных, почти не разрешимых задач, снабдив редким трудолюбием, выносливостью и упорством в достижении раз принятых решений.

Он, прежде всего, – до глубины души русский человек. Действуя уверенно, иногда до резкости прямолинейно, он в то же время никогда не упорствовал в защите того, в чем не был уверен. Терпимость к чужим мнениям и способность считаться с другими доводами свободно сочетались у него с громадным упорством в достижении намеченных целей. Поэтому не было и нет более доступного начальника и человека, чем А.П. Кутепов.

Русский по происхождению, с русской наружностью, крутой, плотно сбитый, он точно вышел из здоровой, крепко срубленной избяной Руси, веками упорно боровшейся за свое существование. И когда Русская Армия оказалась в неслыханных дотоле условиях, он, стоявший всегда в первых боевых ее рядах и пронесший на своих плечах всю ее боевую страду, большими рабочими руками стал укреплять войска на новом месте. Сам похожий на солдата, знаток его будней, той повседневной армейской жизни, которая, незримо для современников, порой слагается в героическую эпопею, генерал Кутепов стал делать для Армии именно то, что в данный момент было для нее самым необходимым.

Он вырос из Армии и крепко врос в нее всем своим существом. С первых же дней высадки в Галлиполи он сам вошел во все детали армейской жизни, которую надо было както налаживать и строить.

В это первое время генерал Кутепов бывал всюду: встречал прибывавшие эшелоны, наблюдал за разгрузкой судов, осматривал предназначенные для приходивших частей помещения, заходил в баню посмотреть, как моются солдаты, посещал лазареты и т. д. и т. д.

Генерал Кутепов продолжал твердо верить, что для спасения России нужна Армия, и готовился приложить все свои силы на восстановление этой Армии из остатков войск, привезенных на Галлиполи.

Вряд ли можно предполагать какой-либо заранее обдуманный план восстановления Армии. Скорее, все действия, направленные к восстановлению ее, проистекали от существа натуры А.П. Кутепова. Военный до мозга костей, он не мог видеть распущенных, расхлябанных офицеров и солдат, опустившихся и растерянных. И вот, он прежде всего начинает доказывать не словами, а делом, что Армия существует, что все прибывшие в Галлиполи не только по имени офицеры и солдаты, но и в действительности продолжают состоять в рядах Армии. В первое время только один он продолжал проявлять свою власть как командир Корпуса. Да, кажется, только за ним одним и признавали право на осуществление дисциплинарной власти. К своей цели восстановления Армии генерал Кутепов шел подчас прямолинейно. Он не считался с тем, что его действия могут вызвать ропот.

А ропот был. Каждый знал, что неотдание чести, распущенный вид, неаккуратная одежда при встрече с командиром Корпуса повлекут за собой неминуемый арест. И характерно, что до конца пребывания в Галлиполи не было, кажется, человека, с обидой вспоминавшего наказание, наложенное командиром Корпуса. Вот этими как будто мелочами люди постепенно проникались сознанием, что Армия существует, и состояние в рядах ее накладывает определенные обязательства.

Но наряду с неуклонным требованием точнейшего несения службы и соблюдения до мелочей воинской дисциплины, генерал Кутепов проявлял глубочайшее внимание к нуждам людей.

Сам пройдя суровую военную школу, командир 1-го Армейского Корпуса хорошо знал нужды офицеров и солдат, а потому заботы его направлялись всегда к тому, что действительно было необходимо и нужно. Властная и заботливая рука его чувствовалась всеми.

Стоя во главе столь большого дела, входя во все мелочи жизни, генерал Кутепов считал нужным ко всему присматриваться и у всех чему-нибудь учиться. «Я прошел три школы, – любил говорить он полушутя-полусерьезно. – Строевая служба в Лейб-Гвардии Преображенском полку, где пришлось командовать учебной командой, черноморское губернаторство и … Галлиполи. В последнем, – добавлял он, – я учился больше всего».

Сознавая, что Корпус является как бы школой кадров будущей Русской Армии и понимая, что сила Армии – в командном составе, генерал Кутепов особенно обращал внимание на создание хорошего кадра офицеров. Вообще, отношение его к офицерскому званию было исключительно и отличалось особой бережливостью.

– Я высоко ставлю офицерский мундир, – говорил он, – и беспощаден с теми, кто роняет его достоинство.

И действительно, сам не пьющий, не курящий и умеренный во всех отношениях, он был нетерпим к пьянству, дебоширству и распущенности офицеров. В таком свете становятся понятны постоянные взыскания, налагавшиеся на офицеров, и его требования образцового несения службы, которые проводились в жизнь с неуклонной последовательностью.

– Офицер во всех случаях жизни должен быть офицером, – постоянно говорил он.

В одном из приказов Кутепова есть характерное заявление, где выразилось истинное отношение генерала к офицерскому званию: «Никакой труд не может быть унизителен, если работает русский офицер». И он действительно сумел заставить уважать офицерский мундир.

Но главное значение деятельности генерала Кутепова состояло не в том, что он возродил на Галлиполийском берегу Русскую Армию, не в его заботах о солдатах и требованиям к офицерскому званию. Главное заключается в том, что он сумел свою любовь к Родине и свою веру в конечный успех дела передать возрождающейся Армии. Именно это так тесно связало его, слило воедино с Корпусом. Без преувеличения можно сказать, что все приказы Кутепова говорят только об одном:

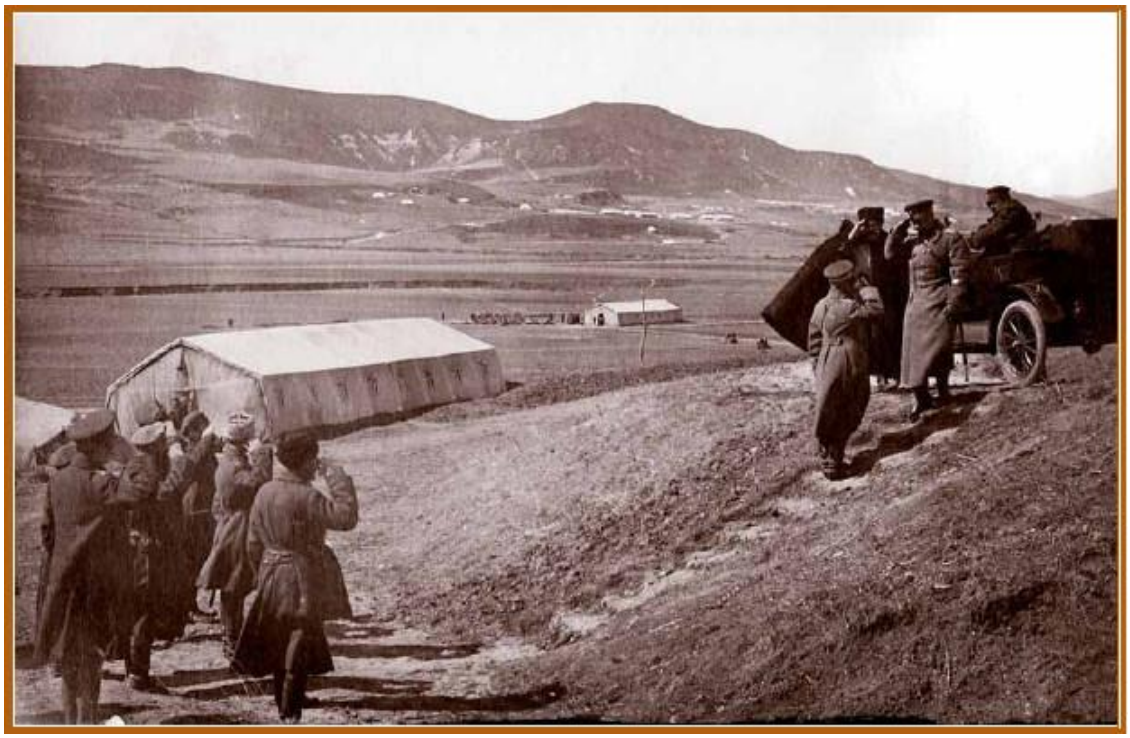
«Всем надлежит помнить, что мы являемся единственным кадром будущей Русской Армии…»

«Вновь напоминаю, что мы являемся последним и единственным кадром Русской Армии и мы должны напряженно и неустанно готовиться с честью выполнить свое назначение…»

«Каждая войсковая часть будет крепка лишь тогда, когда она дисциплинирована, воински воспитана и обучена. Только такая часть может противостоять внешним испытаниям и, явившись в Россию, действительно послужить надежным и примерным кадром при будущем развертывании Русской Армии…»

«Наш долг перед Родиной обязывает нас быть сплоченными, дисциплинированными и обученными…». И все это для того, чтобы «донести наши честные знамена в Россию».

Это же руководило генералом Кутеповым и во всех его сношениях с французами. Когда на запросы французского командования генерал давал уклончивые ответы, а на категорические требования отвечал не менее категорическими отказами, все понимали, что он, действуя так, защищает достоинство Русской Армии, а вместе с ней и России. В то же время, считая Армию «слугой государства», он не допускал и мысли о возможности, что бы она служила каким-либо частным партийным интересам. Перед Армией всегда должны стоять только национальные интересы. Оттого и развалилась в годы безвременья Русская Армия, что ее захотели сделать партийной и заставить служить не государству, а частным группам лиц.

Посещение генералом А.П. Кутеповым галлиполийского лагеря. 1921 г.

Поэтому, говоря о восстановлении России, он никогда не позволял себе даже намеком предрешать будущий ее государственный строй. На борьбу с красными он смотрел как на тяжелую необходимость вооруженной рукой освободить Россию от захватчиков власти. Весьма характерной фразой один раз обмолвился генерал Кутепов. В разговоре о будущем России, в случае освобождения ее Армией, он сказал:

– Армия должна занять Москву… – и, помолчав, добавил:

– А затем взять под козырек.

Если вначале генерал Кутепов входил решительно во все мелочи жизни Корпуса, то, когда жизнь вошла в определенное русло, он как-то невольно стал центром ее во всех отношениях. Не говоря уже о чисто военных и административных сторонах, не было, кажется, ни одного общественного или культурного начинания, где бы генерал Кутепов не был своим. В гимназии он – не только почетный председатель Попечительного совета, но и частый близкий гость, хорошо знающий все заботы и огорчения. С живым интересом следит он за деятельностью Общеобразовательных курсов и живо откликается на все их нужды. Частый гость он и на выпусках «Устной газеты». Наконец, работает в тесном содружестве с русской общественностью в лице представителя В.З.С. и В.С.Г.[22]

[22] В.З.С. и В.С.Г. – Всероссийский Земский Союз и Всероссийский Союз Городов были созданы в 1914 г. либеральными промышленными общественными кругами России в помощь правительству для организации тыла и помощи больным, раненым и беженцам, выполнения заказов Главного интендантства по обмундированию Русской Армии. В 1915 г. В.З.С и В.С.Г., образовав объединенный комитет – Земгор, стали заниматься также военными поставками воюющей армии (вместе с Центральным Военно-Промышленным Комитетом), в основном на государственные средства. После октябрьского переворота 1917 г. союзы в январе 1918 г. были упразднены, а их имущество передано Высшему Совету Народного Хозяйства Однако часть средств успели вывезти за границу. В конце января 1921 г. находившиеся за границей бывшие земские деятели после совещания русских послов в Париже вместе с М.В. Бернацким, представителем П.Н. Врангеля, заявили, что «дело помощи русским беженцам надлежит сосредоточить в ведении какой-либо организации». Официально зарегистрировавшись в парижской префектуре, они образовали Российский Земско-городской комитет помощи российским беженцам за границей (Земгор, или РЗГК), председателем которого стал князь Г.Е. Львов, а с 1925 г. – А.И. Коновалов Земгор опекал, главным образом, детские дома, школы (от 60 до 90, по разным данным) в странах, где в основном сосредоточилась

Понимая, что для будущего возрождения России важно не только сохранить Армию, но и создать культурных работников для грядущего государственного строительства, генерал Кутепов широко шел навстречу всем культурным начинаниям. Чувствуя недостаточность в Галлиполи духовной пищи для молодежи, еще не закончившей своего образования, он, узнав случайно из постороннего письма о возможности послать студентов Корпуса в Прагу, немедленно по телеграфу запросил для них 500 вакансий. Ни один офицер и ни один солдат не встречали отказа в командировке для продолжения образования.

Отъезд генерала А.П. Кутепова в Константинополь.
Набережная г. Галлиполи. Весна 1921 г.

Когда выяснилось, что молодежь Корпуса должна ехать в Прагу за свой счет, он добивался средств для их отправки, а командирам частей предписал увольнять на платные работы в первую очередь зарегистрированных студентов, и в конце концов они поехали учиться за казенный счет.

И первые галлиполийские кресты он послал именно «своим студентам».

Генерал Кутепов не искал ни популярности, ни любви к себе. И то и другое пришло к нему само собой. Он горячо любил свой Корпус, и последний не мог не ответить ему такой же любовью, ибо в Галлиполи все жили лишь одной надеждой, думали только об одном – о России.

Когда после французского ультиматума о распылении Армии генерал Кутепов возвратился из Константинополя, на пристани собрались в большом числе офицеры и солдаты. Все ждали успокаивающих новостей. Но командир Корпуса ничего нового не сказал. Он только, как всегда спокойно и громко, поздоровался с собравшимися. Этого одного было достаточно. Тотчас же раздалось «ура!», сопровождавшее его до самой квартиры… Корпус верил своему командиру и каждую минуту готов был поддержать его.

русская эмиграция. Эту благотворительную деятельность РЗГК финансировало Совещание послов. Деятельность РЗГК продолжалась, по некоторым данным, и после Второй Мировой войны.

К генералу Кутепову трудно подходить с обычными мерками оценки людей. О нем нельзя говорить как о добром или жестоком, вспыльчивом или терпеливом и прочее, – все эти индивидуальные качества. Если они и есть у Александра Павловича, то целиком покрываются в нем чем-то, что превосходит эти чисто личные масштабы.

Именно так его характеризовал и Главнокомандующий в своем приказе по случаю годовщины пребывания Корпуса в Галлиполи: «Величием духа, всесокрушающей силой, непоколебимой верой в правоту нашего дела и безграничной любовью к Родине и Армии он неизменно в самые трудные дни нашей борьбы вселял в свои части тот дух, который дал им силы на Родине и на чужбине отстаивать честь родных знамен. История в будущем оценит генерала Кутепова, я же высказываю ему мою безграничную благодарность за неизменную помощь и дружную поддержку, без которой выпавший на мою долю крест был бы непосилен».

Характерно и то, что в то время, как часть русской заграничной общественности обливала имя генерала Кутепова потоками грязи, все русские общественные деятели, побывавшие в Галлиполи и видевшие все, что было им там сделано, и те отношения, которые созидались между командиром и его Корпусом, проникались к нему глубочайшим уважением.

Так, А.С. Хрипунов, председатель Главного комитета В.З.С., цитируя в своей речи слова баллады, написанной офицером в Галлиполи:

«Так было всегда и во все времена,
Только потомки из брошенных в пророков камней
Алтарь небесам воздвигали…»,

– говорил, обращаясь к генералу Кутепову: «Вы не пророк, алтарь Вам не воздвигнут, но памятник Вам поставят наверное!»

А представитель общественности в Галлиполи так характеризует деятельность командира 1-го Армейского Корпуса: «Во главе этой, невиданной еще в истории войн Армии в Галлиполи, стоит еще молодой генерал Кутепов, человек совершенно русский, совершенно решительный, совершенно честный и весьма прямолинейный. Топором, а не резцом отесывал он то здание, которое строил. Летело много щепок, а вышло совсем хорошо!»

Снабжение Корпуса

I. Питание

Эвакуация Русской Армии из Крыма происходила столь поспешно, что наше командование не могло принять мер для снабжения войск продуктами и каждая часть имела только то, что успела захватить с собой. Вывезенные же из Крыма интендантские запасы были взяты союзным командованием в свое распоряжение по прибытии Армии в Константинополь[23]. Поэтому во время пути через Черное море и далее, во время стоянки судов на Константинопольском рейде Армия питалась скудно и крайне неравномерно. В то время как некоторые части питались сравнительно сносно, большинство оказалось совершенно без всяких продуктов и буквально голодало. На некоторых судах к этому еще присоединился недостаток воды, так что в первое время пребывания близ Константинополя положение было отчаянное. Затем началась продовольственная помощь преимущественно из благотворительных источников. Но эта помощь была недостаточной, иногда, например, один килограммовый хлеб приходился на 10 человек или выдавались галеты по расчету одна галета на два дня и т. п.

Только к концу ноября, когда части Армии уже начали размещаться по лагерям, удалось при помощи, главным образом, русских общественных организаций более или менее наладить питание тех частей и беженцев, которые еще оставались на пароходах. На некоторых судах было даже организовано приготовление горячей пищи.

К этому времени части 1-го Корпуса уже стали высаживаться в Галлиполи. Французы взяли на себя питание галлиполийского лагеря и начали доставлять продовольствие, выдавая продукты на один день по числу людей.

Для организации правильного распределения получаемых продуктов при Корпусе было сформировано русское корпусное интендантство. Подобрать для него подходящих людей было довольно трудно, так как в интендантстве, как и в прочих учреждениях Корпуса, никакого вознаграждения за труд не было.

Французы требовали, чтобы все, выданное ими, тотчас же раздавалось в части, не допуская образования какого-либо запаса; однако осуществить это требование не представлялось возможным, так как число довольствующихся колебалось: продуктов то недоставало, то образовывался излишек.

С большим трудом удалось получить у французов сарай для продовольственного магазина. Сарай этот скоро отобрали, и пришлось подыскивать новое помещение. Наконец, устроились в темном каменном здании, в котором разместились и продовольственный магазин, и вещевой склад.

Долгое время французы не могли сообщить величину рациона, положенного нам. Французский интендант сам не мог заранее сказать, что у него имеется на складе, и выдавал то, что было под рукой. Продукты выдавались без взвешивания, на глаз или по весу, указанному на ящиках. Почти всегда этот вес оказывался преувеличенным: так, вес ящика с сушеным картофелем определялся в 40 кг, тогда как в действительности он содержал всего по 25 кг картофеля; упаковка нередко бывала испорчена, причем части продуктов недоставало.

---

[23] Все русские казенные денежные средства за границей после 1917 года оказались в распоряжении Совещания послов, которое, в частности, распределяло их на благотворительные нужды через Земгор Командование Русской Армии фактически было лишено возможности не только организовать питание, но и выплачивать сколько-нибудь значимую денежную помощь военным чинам

Между тем, французские сержанты, угрожая прекратить выдачу, требовали, чтобы все принималось по указанному ими весу.

Дневной паек на одного галлиполийца в марте 1921 г.

15 декабря командир Корпуса обратился к французскому коменданту, подполковнику Вейлеру, с просьбой сообщить величину нормального пайка и принять меры к тому, чтобы продукты действительно выдавались в положенном количестве, с правильным учетом тары, чтобы выдача производилась на день вперед и учитывалась возможность усыпки и порчи продуктов. Письмо это имело некоторое действие; французы стали несколько более внимательны к заявлениям нашего интендантства и завели весы, так что продукты стали выдаваться по весу, но на тару все же сбрасывали слишком мало.

Наконец, 27 декабря подполковник Вейлер сообщил нижеследующий размер ежедневного пайка, назначенного для «русских беженцев»:

1. Хлеб обыкновенный или бисквит
(слово «бисквит» осталось невыясненным) ……. 500 гр
Мука, каша или однородные продукты ……. 150 гр
2. Мясо свежее, или мороженое …….. 300 гр
или мясо консервированное…….250 гр
3. Сухие овощи или равнозначные продукты, как то:
картофель, свежие овощи и тесто (кубики)……..100 гр
4. Соль …….20 гр
Жиры……..20 гр
Чай …….. 7 гр
Сахар ……..20 гр

Продуктов этих, конечно, было недостаточно. В частности, хлеба и жиров было мало. В виду этого в начале января было возбуждено перед французским командованием ходатайство об увеличении рациона (хлеба до 600 гр, жиров до 40 гр, сахару до 40 гр, овощей до 640 гр), о выдаче крупы, вкусовых веществ, табака, а также дополнительного пайка к празднику Рождества Христова. На все эти просьбы генерал Шарпи в своем письме начальнику штаба

Главнокомандующего от 24 января ответил отказом. Генерал Шарпи писал при этом: «Обращаю ваше внимание на то, что эти (выданные русским войскам) рационы значительно выше тех, которые Советы выдают в России Красной армии». Более того, французское командование стало сокращать и этот паек. Так, с 15 января была уменьшена дача консервов и муки, в марте же французы объявили, что с 1 апреля они вовсе прекратят выдачу пайка. В действительности французское довольствие не прекратилось, но 10 и 20 апреля последовали новые сокращения, касающиеся, главным образом, количества хлеба. К празднику Пасхи (1 мая н. ст.) французское командование, однако, нашло возможными выдать русским «дополнительный паек»: 200 гр муки и 20 гр сахара.

Выдача продуктов к этому времени хотя и несколько упорядочилась, но часто встречались всевозможные недочеты, невыгодно отражавшиеся на русских: мешки из-под муки оказывались значительно тяжелее принятой тары, мешок картофеля отпускался французским интендантством по весу 113 кило, а в действительности весил 98 кило и т. п.

Даже чисто случайные обстоятельства отражались на величине пайка. Так, 13 января из французского склада было как-то похищено 700 кило сахара. В связи с этим французы уменьшили выдачу русским сахару, чтобы дополнить недостающее.

Корпусное интендантство ежедневно объявляло официальный французский рацион, но часто принуждено было за недостатком продуктов выдавать меньшее их количество, что вызывало неудовольствие и подозрение в частях. Все это портило отношение с французами и вносило в наголодавшиеся войска озлобление против прежних союзников.

К лету отношения с французским интендантством значительно улучшились благодаря новому французскому интенданту, лейтенанту Дюмону, который всегда шел навстречу и делал все, что было в его власти.

Перейдем теперь к более подробному рассмотрению величины французского пайка и всех его изменений. С 13 декабря 1920 года французами был установлен новый паек (см. табл. № 1 на стр. 95).

Табл. № 1.

Сахара	20 гр	Хлеба	500 гр
Жиров	20 гр	Мясных консервов	150 гр
Сала	20 гр	Бульона (кубики)	25 гр
Чая	7 гр	Фасоль, рис, чечевица	60 гр
или кофе	8 гр	или картофель	250 гр

С 27 декабря был объявлен рацион, указанный выше. С 15 января была объявлена норма: консервов 200 гр, добавочной муки 100 гр; с 1 февраля добавочная мука была вовсе отменена.

Так как с февраля выпекание хлеба перешло в русскую хлебопекарню, то вместо 500 гр хлеба выдавалась мука по расчету 385 гр на человека, считая 30 % припека.

С 10 апреля был назначен суточный рацион: муки 350 гр (455 гр хлеба). С 20 апреля паек был уменьшен: муки выдавалось лишь 300 гр (вместо 400 гр хлеба), сухих овощей вместо 100 гр – 80 гр, а чая вместо 7 гр – 5 гр.

Таким образом, главнейшие колебания нормального французского пайка были немалыми (см. табл. № 2 на стр. 95).

Табл. № 2.

Колебания в составе французского пайка с декабря 1920 г. по апрель 1921 г. (в гр)

	21 декабря — 15 января	15 января — 1 февраля	1 февраля — 10 апреля	10–20 апреля	После 20 апреля
Хлеб	500	500	500	455	400
Добавочная мука	150	100			
Мясные консервы	250	200	200	200	200
Сухие овощи	100	100	100	100	80
Сахар	20	20	20	20	20
Жиры	20	20	20	20	20
Соль	20	20	20	20	20
Чай	7	7	7	7	5
Общее количество	1067	967	867	822	765

Однако русскому командованию удалось прикупить некоторое количество муки, так что с 10 по 20 апреля хлеб выдавался полностью – по 500 гр на человека. С 20 апреля – по 460 гр, а с 1 сентября – 550 гр.

Размеры указанного выше пайка не всегда соблюдались в точности: иногда одни продукты заменялись другими или менялось их количество. Вначале, в декабре и январе, хлеб несколько раз выдавался не по 500, а по 400 гр, мясные консервы за период с 15 декабря по 14 января выдавались: 3 раза по 250 гр, 9 раз по 200 гр, 11 раз по 150 гр, 3 раза по 75 гр, а 6 раз вместо консервов выдавалось свежее мясо по 300 гр на человека. Несмотря на неоднократные ходатайства нашего командования в дальнейшем выдача свежего мяса прекратилась, его получали только лазареты. Раз шесть в добавление к консервам выдавалась камса, или селедка – по 150 гр на человека. Рыба эта была привезена русскими из Крыма и взята французами на учет. В конце июля и в августе консервов выдавали лишь по 150 гр, добавляя 50 гр варенья, консервированных овощей или мясного паштета.

Под рубрику «сухие овощи» подходят: фасоль, чечевица, рис, макароны (иногда вместо этих продуктов выдавался картофель по 750 гр).

Распределение перечисленных продуктов указано в табл. № 3 (числа означают число дней, в течение которых данный продукт выдавался).

Табл. № 3.

Распределение продуктов пайка по месяцам (в гр)

Продукт	Декабрь с 14	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Всего	Процент
Картофель	11	27	13	3	12	12	12	4	82	36
Фасоль	2	—	3	2	12	18	15	12	64	28
Чечевица	—	2	2	4	1	—	—	2	11	5
Рис	3	—	4	22	3	—	10	13	55	24
Макароны	1	1	2	—	—	—	—	4	8	3
Ничего	—	1	4	—	2	1	1	—	9	4
Число дней	17	31	28	31	30	31	30	31	229	100

Из сухих овощей наиболее нравились картофель и рис, наименее – фасоль и чечевица. Зимой выдавался преимущественно картофель, а летом фасоль. В декабре выдавались даже свежие овощи, капуста и морковь, лук, лавровый лист, но с февраля эти выдачи прекратились. В таблице не указан был еще выдававшийся в течение долгого времени бульон «Potage sale» в кубиках.

Для лазаретов удалось выхлопотать улучшенный паек: вместо консервов им выдавалось свежее мясо, чечевица и фасоль заменялись рисом и макаронами; сверх того, больным выдавали кофе и консервированное молоко.

В табл. № 4 (см. стр. 96) приведено на каждый месяц среднее количество каждого продукта, которое в действительности выдавалось в Галлиполи. Если мы разложим указанные

в таблице продукты на пищевые вещества, то получим картину, которая видится из табл. № 5 (см. стр. 97).

Табл. № 4.

Средние количества каждого продукта из пайка, которые в действительности выдавались галлиполийцам[24]

Наименование продуктов	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь
Хлеб	495	480	500	500	500	500*/485	460*/400	460*/400	460*/400	550*/400
Добавочная мука	83	110	40	13	—	—	—	—	—	—
Мясные консервы	170	150	200	200	200	200	200	170	180	175
Мясной паштет	—	—	—	—	—	—	—	10	6	10
Свежее мясо	40	40	—	—	—	—	—	—	—	—
Камса, сельдь	33	13	—	—	—	—	—	—	—	—
Картофель	175	610	350	72	235	170	80	—	—	—
Фасоль	7	—	10	6	36	46	40	30	30	53
Чечевица	—	7	7	13	3	—	—	5	5	3
Рис	10	—	15	70	10	—	27	33	40	20
Макароны	3	2	—	—	—	—	—	10	—	3
Сахар	20	19	20	20	20	20	20	20	20	20
Жиры	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20
Соль	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20
Чай	7	7	7	7	6	4	3	5	5	5
Кофе	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—
Бульон	—	30	20	20	8	—	—	—	—	—
Консерв. овощи	—	—	—	—	—	—	—	26	13	27
Сушеные овощи	33	13	—	—	—	—	—	—	—	—
Свежая зелень	—	120	—	—	—	—	—	—	—	—
Варенье	—	—	—	—	—	—	—	18	—	—

При этом количество хлеба считается с добавлением за счет русского командования. По принятым же нормам для мужчины весом в 70 кило (4 пуда 10 фунтов) требовалось иное количество (см. табл. № 6 на стр. 97).

Табл. № 5.

Содержание питательных веществ во французском пайке

Месяц	Белки, гр	Жиры, гр	Углеводы, гр	Ккалории (теор.)
Декабрь	116	42	394	2480
Январь	124	41	512	3000
Февраль	112	35	422	2510
Март	107	35	389	2350
Апрель	106	35	380	2310
Май	98	35	327	2060
Июнь	99	35	326	2060
Июль	94	33	332	2060
Август	92	34	318	2000
Сентябрь	105	34	367	2260

Из сравнения таблиц № 5 и № 6 видно, что только в январе количество пищи сколько-нибудь удовлетворяло насущным потребностям человека при средней работе. Количество же продуктов, выдававшихся в мае, не могло удовлетворить полностью даже находящийся в покое организм. Особенно следует обратить внимание на недостаток белков, ибо, как

[24] В числителе указано количество хлеба, выданное из хлебопекарни, в знаменателе – полученное от французов

известно, недостаток белков не может быть пополнен каким-либо другим продуктом и весьма вредно отражается на состоянии организма.

Табл. № 6.

Потребность в питательных веществах для мужчин

	Белки, гр	Жиры, гр	Углеводы, гр	Б. калории
При покое	98	49	400	2520
При средней работе	119	63	490	3150
При тяжелой работе	140	98	455	3430

По общему объему пища для русских, привыкших к значительным дачам хлеба ($2^1/_4$-3 фунта) и каши, также была недостаточна.

Недостаток хлеба проявлялся весьма остро, особенно в первое время – время тяжелых работ и зимней непогоды. Главное командование не раз возбуждало ходатайство об увеличении хлебного рациона. Большим подспорьем служила «добавочная мука», выдававшаяся в количестве 100–150 гр, из нее что-то дополнительно готовили, а потому прекращение ее выдачи было очень чувствительно.

Недостаточно было жиров и *сахара*. Жиры выдавались почти исключительно в виде вежеталина (кокосового масла), непривычного для русских людей; два раза было выдано свиное сало. Прочие продукты тоже мало удовлетворяли Армию; консервы не могли заменить свежего мяса как по вкусу, так и по питательности; выдававшиеся вместо обычных в России круп, фасоль и чечевица являлись пищей, трудно усвояемой, и, кроме того, для приготовления их требовалось много дров. Вообще французский паек надо признать неудовлетворительным как по недостаточному количеству питательных веществ, так и вследствие однообразия и недостатка вкусовых продуктов.

Во сколько же обошлось это питание русских французскому правительству?

По заготовочным ценам французского интендантства стоимость одного кило продукта во франках будет следующая:

чечевица …….. фр. 1, 70
мука …… фр. 1, 56
консервированное мясо…….фр. 6, 0
свежее мясо……..фр. 5, 95
рис……..фр. 2, 00
фасоль……..фр. 1, 20
соль…….фр. 0, 28
сахар……фр. 2, 65
вежеталин…… фр. 6, 05
бульон…….. фр. 2, 80
картофель ……. фр. 1, 00
чай ……. фр. 10, 20

На основании этих цен мы можем вычислить стоимость одного суточного и месячного рациона (не считая фрахта) и стоимость довольствия всего Корпуса в день, что видно из табл. № 7 (см. стр. 98).

Табл. № 7.

Стоимость суточного, месячного рационов и питания всего Корпуса с декабря 1920 г. по сентябрь 1921 г.

Месяц	на одного человека		всего Корпуса
	в сутки, фр.	в месяц, фр.	в сутки, фр.
Декабрь	2,48	76,90	71900
Январь	2,97	92,10	79600
Февраль	2,57	71,90	69650
Март	2,37	73,80	65900
Апрель	2,36	70,80	64900
Май	2,24	69,40	57800
Июнь	2,08	62,40	49900
Июль	1,95	60,50	43900
Август	1,92	59,50	34600
Сентябрь	1,88	56,40	22400*
В среднем	2,28	68,40	

Общая стоимость питания всего Корпуса за десять месяцев составила около 17 миллионов франков. Когда Русской Армии сокращали паек, то это обыкновенно объясняли необходимостью соблюдать экономию. Какова же в действительности эта экономия?

Из указанных рационов (см. табл. № 2) рацион на 27 декабря стоит 2 фр. 79 сантимов, а рацион на 15 января – 2 фр. 41 сан. Следовательно, при средней стоимости пайка 2 фр. 28 сан. получается экономия на один рацион 51 сантим по сравнению с первоначальным пайком, и 13 сантимов – по сравнению с последующим.

За 10 месяцев Корпус получил 7 282 000 рационов; следовательно, сравнительно с первым пайком, за этот период получилась экономия 3 700 000 фр., а сравнительно со вторым – лишь около 950 000 франков[25].

Снабжение Русской Армии французами производилось через русское корпусное интендантство, которое ежедневно получало продукты сообразно наличному числу людей и тотчас распределяло их между пехотным и кавалерийским дивизионными интендантствами и частями, расположенными в городе. Продукты, предназначенные для лагеря, здесь же грузились на вагонетки и отправлялись в лагерь.

Доставленные в части продукты распределялись между ротами. Вследствие недостатка подходящей посуды, а отчасти и по другим причинам, не везде удалось наладить ротный котел и в некоторых частях продукты раздавались ротными раздатчиками на руки небольшим группам и даже отдельным лицам. Да и там, где котел был, хлеб, сахар, чай и частью консервы выдавались на руки.

1 марта при корпусном интендантстве была назначена комиссия для выработки нормальной раскладки. Норма составлялась в расчете на две варки: обед и ужин, но в то же время комиссия признала, что продуктов отпускается французами недостаточно для нормального питания.

При таких условиях, конечно, выработанная раскладка не могла быть осуществлена на практике, и частям и отдельным группам приходилось всячески изворачиваться, чтобы из «голодного» пайка создавать сколько-нибудь удовлетворительный обед. Кто мог, покупал

[25] Помощь Русской Армии производилась из средств военного, военно-морского министерств и министерства иностранных дел Франции. Когда французский парламент озаботился подсчетом истраченных на содержание Армии генерала П.Н. Врангеля средств, выяснилось, что за 1920–1921 гг расходы составили около 150 млн. франков, которые подлежали обязательному погашению за счет оплаченного еще до эвакуации имущества, так и не полученного Белой Армией, и за счет реализации залога (русские военные и торговые корабли, вышедшие из Крыма и предоставленные затем в распоряжение французского правительства), который фактически не был возвращен. Таким образом, даже самый приблизительный подсчет расходов Французской республики, затраченных на содержание Русской Армии, говорит о том, что полученное ею имущество и средства по крайней мере не превышали понесенных финансовых потерь.

лук, помидоры и другую зелень и добавлял к казенному пайку; некоторые предпочитали продавать консервы и фасоль и на эти деньги приобретали свежую зелень, разнообразя тем свою пищу. С 1 сентября 1921 года командиром Корпуса была установлена денежная выдача по расчету 1,5 лепты в день на человека для покупки зелени.

Хлеб вначале французы получали из Константинополя в готовом виде. Это было неудобно: хлеб черствел, крошился, подмокал. С 1 декабря французы стали пользоваться греческой пекарней, но она могла выпекать только 1/5 необходимого количества. Хлебопеками были греки, русские служили только рабочими. В конце декабря начали работать уже с русскими хлебопеками еще две печи, ранее служившие турецким войскам. В январе и феврале было поставлено восемь полевых печей, так что смогли работать уже одиннадцать печей. С первых чисел февраля снабжение хлебом производилось исключительно из русской хлебопекарни.

Дело хлебопечения французы неохотно выпускали из своих рук: вели строгий контроль и придирались ко всяким мелочам, требуя высокого процента припека и уменьшения числа рабочих. Ежедневно могло выпекаться до 15 000 кг хлеба, какового количества хватало на весь Корпус. Число рабочих в хлебопекарне составило около 350 человек, из них – около 90 офицеров. Хлебопеков-специалистов было мало, большинство обучалось в Галлиполи. Для поощрения хлебопеков им выдавали добавочный паек хлеба за счет припека, при этом окончательный припек все же достигал 30 %, как требовали французы.

При своем посещении Галлиполи генерал Шарпи остался весьма доволен русской хлебопекарней.

С апреля французы передали дело хлебопечения всецело в руки русского интендантства, продолжая снабжать нас мукой, дровами и отчасти инвентарем. Пшеничная мука поступала невысокого качества; около 30 % ее составляли горох, чечевица, рис, картофель, кукуруза.

Работа хлебопекарни происходила в трудных условиях: в полевых печах, окруженных палаткой, зимой было холодно, заливал дождь; на холоде тесто не подходило, приходилось пользоваться особыми жаровнями. Дров выдавалось по расчету 4–5 кг на 10 кг хлеба, чего не хватало; инвентаря также было мало.

С 17 мая 8 полевых печей были выделены из корпусной хлебопекарни и образовали две дивизионные хлебопекарни: пехотную и кавалерийскую. Части получали хлеб по требованиям непосредственно из хлебопекарен.

За время с декабря 1920 г. по июль 1921 года в русской хлебопекарне было выпечено следующее количество хлеба, что видно из табл. № 8 (на стр. 99).

Табл. № 8.

Количество выпекавшегося хлебопекарнями хлеба с декабря 1920 г. по июль 1921 г.

Месяц	Количество хлеба (кг)	На человека в день (гр)
Декабрь	83 289	—
Январь	351 349	423
Февраль	381 106	520
Март	441 461	512
Апрель	429 507	513
Май	357 711	422
Июнь	333 175	463
Июль	339 412	470
Всего	2 707 010	

А всего за тот же период получено чинами Корпуса 2 950 000 кило. Следовательно, хлебопекарни выпекли 91 % всего количества хлеба.

С 10 апреля, как указывалось выше, французы уменьшили ежедневную дачу муки с 385 гр до 350 гр. Но наше интендантство, пользуясь бывшими у него запасами, сумело выдавать с 10 по 20 апреля нормальный паек в размере 500 гр. Дальнейшее уменьшение суточной дачи муки заставило командира Корпуса приложить все усилия, чтобы повысить хлебный паек. В ход была пущена вся экономия муки, запасы ячменя, когда-то собранного интендантством на пароходе, и были ассигнованы на покупку муки все средства, имевшиеся в распоряжении командира Корпуса (между прочим, 1800 турецких лир, предназначенных на вознаграждение командного состава). В дальнейшем Главнокомандующим были ассигнованы на это некоторые средства и при Корпусе организована особая комиссия из представителей частей для закупки муки. Этими путями удалось увеличить рацион муки до 354 гр, то есть выдавать по 460 гр хлеба на человека, что несколько облегчило хлебный голод.

С 1 сентября оказалось возможным выдавать по 500 гр хлеба.

Муку закупали преимущественно у галлиполийских оптовиков. В период с 10 апреля по 15 сентября было закуплено 170 436 кг муки на сумму 334 015 греческих драхм (около 220 тысяч франков).

Ввиду недостаточности питания, получаемого нашей Армией от французов, у многих возникла мысль попытаться своими силами улучшить его.

Так, решили организовать рыбную ловлю и разведение огородов. Вопрос об организации рыбной ловли был поднят еще зимой, но осуществить ее удалось только в апреле. Сперва ловля производилась сетями одного турка на его лодке (по условию русские получали лишь 40 % улова), затем приобрели свои сети за 530 лир, ассигнованных командиром Корпуса. Команда была сформирована из 16 человек. Французы не разрешили нашим рыболовам подплывать к азиатскому берегу и оставаться на воде ночью; вообще они ставили всяческие препятствия, что не давало возможности поставить дело на должную высоту. Скоро и сама организация расстроилась: постоянную команду составляли только несколько рыбаков-специалистов, остальные присылались частями: чьи были рабочие – та часть и получала рыбу. За все время поймали около 1500 кг рыбы, что окупило стоимость сетей, но не внесло улучшения в питание Корпуса.

Вопрос об огородах был возбужден интендантством еще в январе 1921 года. Предполагалось нанять участки, обработать их русскими рабочими, покрыть все расходы урожаем и в то же время обеспечить Корпус овощами на полгода. К сожалению, это предположение не получило осуществления; только один Корниловский полк по своей инициативе создал свой полковой огород. Для этого полку были бесплатно отведены греческой администрацией два участка земли близ города размером всего около 2 % десятин. Работы производила постоянная артель в 40–50 человек (из них 9 офицеров) под руководством двух офицеров-агрономов. На семена и инструменты было затрачено около 50 лир, полученных из благотворительных источников. Работы было много, так как земля была неподготовлена. Зато урожай был хороший, минимум на 10 тысяч драхм (около 800 лир); половина урожая шла в полк, а другая половина раздавалась лазаретам, Корниловскому Военному училищу и другим учреждениям. За период с мая по август 1921 года было собрано около 5 000 кустов капусты, 200 пудов помидор, 50 пудов перца, 100 пудов картофеля, кроме того, огурцы, кабачки, лук, салат, морковь и пр. Огород этот заинтересовал и местных жителей. Как разрешение продовольственного вопроса эта попытка имела весьма ограниченное значение даже для полка.

«Главное значение огорода, – говорил один из его инициаторов, – в том нравственном оздоровлении, которое он дал тем 50 человекам, которые работали на земле».

Недоедание Русской Армии в Галлиполи не могло не обратить внимания общественных организаций, и представитель В.З.С. в Галлиполи в своем докладе Главному Коми-

тету Земского Союза от 9 апреля указывал, что Армия голодает, развиваются малокровие, туберкулез и необходимо хотя бы десятую часть людей (около 2500 человек) подкармливать. Общественные организации пошли навстречу, однако, как увидим, осуществить дело в полной мере не удалось.

Для питания слабых, больных и детей были устроены четыре питательных пункта:
№ 1, в городе для больных и слабых – на 500 человек; открыт 23 февраля.
№ 2, в лагере для больных и слабых – на 600 человек; открыт 1 июня.
№ 3, в лагере для детей – на 300 человек; открыт 18 апреля.
№ 4, в городе при гимназии для детей – на 160 человек; открыт 5 июля.

Первоначально питательные пункты для команды выздоравливающих были созданы Белым Крестом[26], но они получили свое развитие только после того, как были взяты в ведение представителя В.З.С. в Галлиполи.

Продукты для питательных пунктов поступали из трех источников:

1) от французского интендантства, которое выдавало на 150 человек при посредстве корпусного врача,

2) от Американского Красного Креста,

3) деньгами от В.З.С., по расчету 7 пиастров в день на человека.

В питательном пункте № 1 из общего весового количества продуктов 50 % поступило от французов 18 % от американцев и 26 % было приобретено покупкой. Питательный пункт № 2 от французского интендантства не получил ничего. Из всех этих продуктов для слабых готовилось одно дополнительное блюдо.

Обеды бывали двух родов: общие и диетные (для особо слабых), кроме того, детям интерната гимназии выдавался ужин.

В трех питательных пунктах (1, 2 и 3) за время с марта по июнь включительно было выдано 114895 обедов, из них 8086 диетных (7 %), а в среднем в день.

Соотношение получавших дополнительное питание к общему числу состоявших на французском пайке видно из табл. № 9.

Табл. № 9.

Соотношение количества человек, получавших дополнительное питание, к общему числу галлиполийцев, состоявших на французском пайке

Месяц	Число дополнительных обедов в день	% общего числа, получавших французский паек
Конец апреля	442	1,7
Май	538	2,1
Июнь	1414	6,1
Июль	1501	6,7

[26] Белый крест – русская общественная благотворительная организация. Самое первое «Общество Белого Креста попечения о нуждающихся семействах воинов, потерявших здоровье в мирное время» образовалось в России в 1880 году и находилась под покровительством великого князя Михаила, младшего брата последнего русского императора Николая II После октябрьского переворота деятельность Общества была прекращена, однако вскоре на территориях, занятых Добровольческой армией, затем в войсках Вооруженных сил Юга России была развернута сеть госпиталей, которые, во избежание сходства с большевиками, стали помещать на своих палатках не красный крест (хотя их деятельность была тождественна Комитету Русского Красного Креста), а белый. Объединявший и координировавший деятельность госпиталей Главный комитет Общества Белого Креста ставил целью попечение о больных и раненых воинах. Его деятельность возглавила Е. Митрофанова, вдова бывшего ректора Варшавского университета. После исхода Русской Армии и эвакуации Общества она приняла в Константинополе монашество с именем Евгения. В эмиграции деятельность Общества, существовавшего на добровольные пожертвования и взносы, постепенно прекратилась.

В период наибольшего развития своей деятельности они поддерживали больше 6 % (вместо желательных 10) всего русского населения Галлиполи, и это имело большое значение, так как дополнительным питанием пользовались наиболее в нем нуждавшиеся.

Кто же попадал в число этих счастливцев?

Около половины мест предоставлялось врачебной комиссии, куда направлялись больные из частей; комиссия решала, кто должен получать дополнительное питание (общее или диетическое) и в течение какого срока; срок назначался обычно на 1–2 недели, после чего поступал следующий кандидат. Это, по свидетельству врачей, имело большое значение. Часть мест, особенно в лагере, распределялась корпусным командованием между частями, а полковые врачи решали, кто должен пользоваться дополнительным пайком. Гимнастическо-фехтовальная школа, например, получала дополнительные обеды почти для половины обучающихся. Около 100 обедов выдавалось интернату гимназии. Остальные места распределялись представителем В.З.С. между больными женщинами, служащими союза, общественными работниками и т. п.

Обеды, как было сказано, были двух родов – обыкновенные и диетные. Обед обычно состоял из супа с хлебом или каши и сладкого чая, диетный же обед был без мяса (преимущественно молочная каша или что-либо сладкое). Обед был вкусный и разнообразный, пища – жидкая (суп) и густая (каша, макароны) чередовались. Часть довольствующихся обедала в помещении пунктов, часть уносила пищу домой в своей посуде.

Собирая весь материал, касающийся продуктов, израсходованных на питание, представительство В.З.С. выработало следующую таблицу среднего количества продуктов, получаемых каждым довольствующимся за один обед:

Хлеб ……. 200 гр
Мясо…….70
Мясные консервы……15
Рыба……..3
Мука…….10
Картофель……..70
Макароны……..25
Фасоль……..25"
Овощи……..14
Сахар ……. 3 "
Фрукты …….. 7 "
Жиры……10
Какао ……. 1 "
Молоко…… 1 "
Катык ……. 6 "
Соль…… 4 "
Манная крупа …….. 5 "
Рис …… 23 "
Вкусовые вещества …… 6 "
Всего ……498 "

Это количество продуктов довольствующийся получал в дополнение к французскому пайку.

24 июля ввиду отсутствия средств представительство В.З.С. принуждено было прервать работу питательных пунктов; дополнительно питаться продолжали только женщины и

дети, довольствовавшиеся у Международного Красного Креста[27]. 18 августа удалось вновь открыть пункты, хотя и в сокращенном объеме.

На дополнительное питание слабых и больных за период с марта по август включительно было израсходовано 9300 турецких бумажных лир. Для продолжения работы питательных пунктов в сентябре Главнокомандующий ассигновал 1500 лир, и тем признал огромное их значение для Корпуса.

Среди русских, питавшихся французским пайком, было около 1000 женщин и 300 детей, но качество продуктов и их недостаток чувствовались постоянно. На помощь пришел Американский Красный Крест. Дети получали от американцев ежедневный завтрак при детском саду; некоторые вместо него – продукты в сухом виде. Женщинам Американский Красный Крест периодически выдавал сгущенное молоко, сахар, макароны, шоколад и прочее. Выдачи эти не имели регулярного характера. Общее количество продуктов, выданных Американским Красным Крестом женщинам, детям и лазаретам, оценивается приблизительно в 2 миллиона франков.

В конце июня Международный Красный Крест в Женеве решил взять на себя питание детей, беременных и кормящих женщин из русских беженцев, но он мог доставлять только сухие продукты. На организацию же приготовления, раздачи пищи и покупку дополнительных продуктов (свежего мяса, зелени и проч.) требовались деньги.

По расчету представителя В.З.С. в Галлиполи надо было тратить по 3,5 пиастра в день на человека, что составляло на 800 человек 480 лир в месяц. Несмотря на задержки в ассигновании этих сумм, представитель энергично взялся за осуществление питания женщин и детей.

Количество лиц, получавших означенную помощь, к 17 августа было следующее.
Детей до 5 лет…….. 178
Детей 5-17 лет ……. 457
Беременных женщин…… 159
Кормящих ……104
Юнкеров моложе 17 лет…….695
Всего …….1593

Питание производилось на трех питательных пунктах №№ 1, 3 и 4. Часть довольствующихся получала обед и ужин в помещении питательных пунктов, часть брала горячую пищу на дом, а некоторая часть, около 300 человек, получала продукты в сухом виде на неделю вперед. Дети и женщины, довольствовавшиеся от Международного Красного Креста, были списаны с французского пайка; юнкера же (моложе 17 лет) продолжали пользоваться этим пайком, получая от него только недостающие продукты в сухом виде.

Доставка продуктов Международным Красным Крестом в Галлиполи была очень плохо налажена. Продукты доставлялись в неисправной упаковке, вежеталин вытекал из ящиков вследствие высокой температуры; одна партия сгущенного молока оказалась испорченной; сверх того, с 31 июня по 21 августа не было прислано никаких продуктов, и женщины и дети были обречены на голод. На помощь пришел французский интендант, лейтенант Дюмон, который нашел возможным выдавать необходимые продукты из французского интендантства за счет Международного Красного Креста. Впоследствии представитель Международного Красного Креста отказался дослать за этот период времени те про-

[27] Международный Красный Крест был образован в 1863 году по инициативе швейцарца Анри Дюнана в Женеве на Международной конференции, положившей начало организации национальных комитетов Красного Креста. В качестве эмблемы был избран негатив швейцарского флага.

дукты, которых не было во французском интендантстве, ссылаясь на то, что время уже прошло, а женщины и дети остались живы, следовательно могли обойтись без этих продуктов.

Хлеб и консервы, по условию, все время получались из французского интендантства.

Норма суточного питания от Международного Красного Креста показана в табл. № 10.

Табл. № 10.

Норма суточного питания от Международного Красного Креста[28]

Наименование продуктов	Дети до 5 лет, гр	Дети старше 5 лет, беременные и кормящие женщины, гр	Юнкера до 17 лет, гр
Хлеб	390	390	—
Мясные консервы	150	150	—
Овощи	100	100	—
Рис	42	42	42
Макароны	34	34	34
Фасоль	28	28	28
Сахар	21	21	21
Какао	20	17	17
Вежеталии	35	35	35
Тапиока	15	—	—
Картофель	72	72	72
Сгущенное молоко*	130	65	65
Мука	20	20	20

Эту норму, особенно при получении в готовом виде с прибавлением купленных продуктов, надо считать более удовлетворительной, чем французский паек; однако недостаток хлеба и сахара все же был значителен. Просьбы об увеличении рационов сахара и муки оставались напрасными. При этом следует иметь в виду, что женщинам, получавшим французский паек, шел на помощь Американский Красный Крест; женщины же и дети, состоявшие на довольствии Международного Красного Креста, были лишены этой помощи.

Представительство В.З.С. за время с 5 июля по 1 сентября 1921 года издержало на организацию этой продовольственной помощи около 1400 турецких бумажных лир.

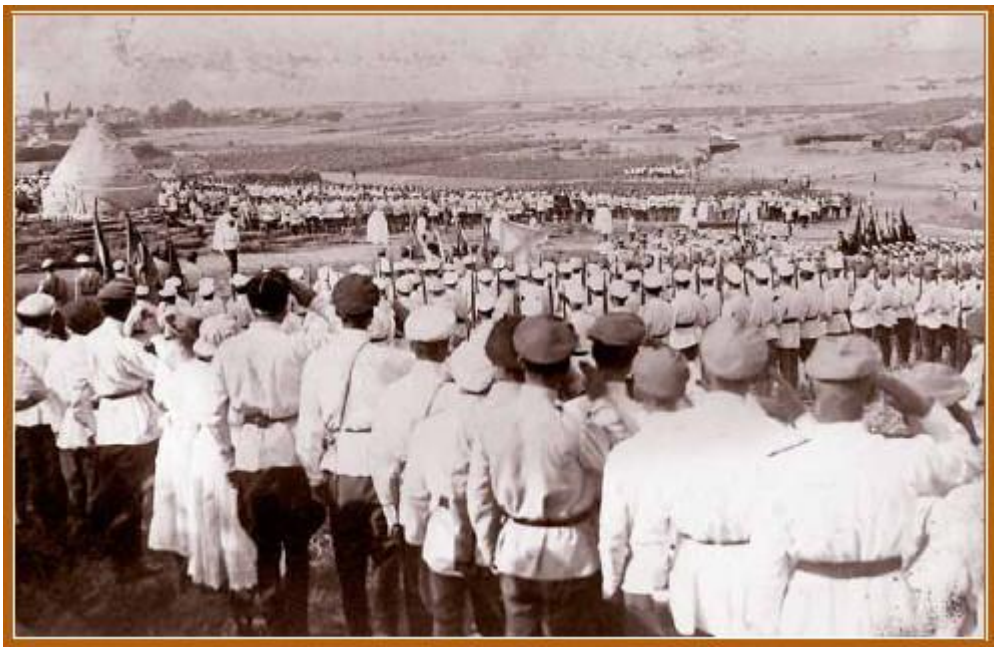
Таким образом, ни основное довольствие русских воинов и их семейств в Галлиполи, ни всевозможные дополнения питания не разрешили удовлетворительно продовольственного вопроса. Улучшение могло бы быть достигнуто только благодаря выдаче того или иного денежного содержания.

Наше командование ходатайствовало перед командиром Французского Оккупационного корпуса о выдаче русским войскам какого-либо жалования, но французы не могли удовлетворить этой просьбы.

Тогда русское командование употребило все возможные способы для получения из различных источников денежных сумм, которые выдавались бы военнослужащим хотя бы в виде единовременного пособия. За год пребывания русских в Галлиполи (с ноября 1920 по ноябрь 1921 года) удалось выдать подобное пособие десять раз: при этом генералы, штаб– и обер-офицеры, военные врачи и чиновники, полковые священники и штатные сестры милосердия семь раз получили по две турецких бумажных лиры, один раз – по полторы, а юнкера и солдаты– восемь раз по одной лире; и наконец, два последних раза все чины Корпуса получили по пол-лиры. Всего за это время Корпусу было выдано около 290 тысяч турецких бумажных лир.

[28] Молоко выдавалось по 1–2 банки в неделю; при расчете одна банка—450 гр

Куда же тратились эти деньги чинами Корпуса? Курящими – прежде всего на табак, так как в нем чувствовался особенно острый недостаток, а затем приобретались пищевые продукты: сахар, рис, мамалыга, фрукты и проч.

Открытие памятника 16 июля 1921 г.

Цены на все эти продукты в Галлиполи сильно колебались в зависимости как от привоза продуктов, так и от колебаний греческой и турецкой валюты. За время пребывания русских в Галлиполи стоимость одной лиры колебалась в пределах от 8 до 15 греческих драхм.

Приведем примерно стоимость наиболее ходких продуктов в пиастрах:
Табак, 1 фунт[29]……..36 пиастров
Хлеб, 1 кило……..20-25
Сахар, око (=1280 гр)……..40-50
Рис, око…….15-25
Мамалыга, око……10-15
Халва, око…….60-80
Инжир, око……20
Виноград, око……15-20
Виноград. вино, бутылка……..15-20
Спирт, бутылка……90-100 "

Были ли у русских какие-либо заработки? Были, но не у многих. Продавали остатки своих вещей, а подчас и выданное им казенное обмундирование; носили дрова на продажу, работали по уборке хлеба, занимались торговлей (преимущественно женщины), работали в общественных учреждениях и прочее. Но это было уделом меньшинства, да и заработки по большей части были ничтожны. Иные пытались подкормить себя рыбной ловлей, ружейной охотой на зайцев и куропаток, а находились и такие, которые не брезговали употреблять в пищу сухопутных черепах.

[29] Фунт – русская мера веса, равная 409,5 грамма.

В заключение следует признать, что хотя и скудный, но именно французский паек был главным и почти единственным средством питания Русской Армии в Галлиполи, и несмотря на все недоразумения и недочеты, именно французы спасли 1-й Корпус от голодной смерти.

Укажем теперь на снабжение армии мылом, табаком и дровами. Мыло первый раз выдали 2 января по 45 гр на человека. Затем, начиная с 20 января, была установлена правильная выдача мыла по расчету 20 гр в день. Выдавали обыкновенно дней на 10 вперед. Количество это надо признать достаточным; по качеству выдаваемое мыло было различное: то довольно приличное, то очень плохое.

Отсутствие табака очень тяжело чувствовалось армией. В письме генерала Шарпи было указано, что русские будут получать ежемесячно по 2 коробки папирос на человека. Затем французы обещали выдать 1650 кило листового табаку, но все это оказалось одними обещаниями: русские в Галлиполи не получили от французов ни щепотки табака.

Русская Кавалерийская дивизия вывезла из Крыма некоторое количество листового табака. Табак этот был взят на учет Штабом Корпуса, но выдача его частям задерживалась различными требованиями со стороны французов. Наконец его распределили между частями в виде трех месячных выдач по $^1/_2$-$^1/_4$ фунта каждая.

Вот все, что возможно было сделать.

Французы выдали только раза три спички по полкоробки на человека.

Для приготовления пищи, для отопления и для стирки белья требовались дрова. В лагере этот вопрос решился просто: люди шли в горы и там рубили низкорослые деревья. Правда при недостатке топоров и пил труд этот был весьма тяжел, но все же можно было добыть достаточное количество дров. Город не имел и этого, так как в окрестностях города попадались только редкие фруктовые деревья (об охране их командиром Корпуса был издан особый приказ).

Доставка дров наладилась не сразу, при этом французы выдавали дрова только на людей, живущих в городе. Табл. № 11 показывает количество полученных дров в кило и количество, приходящееся на каждого проживавшего в городе.

Табл. № 11.

Количество полученных галлиполийцами дров с французских складов с января по июль 1921 г.

Месяц	Общее количество дров	На одного в день
25 ноября — 31 декабря	388 260 кило	920 гр
Январь	263 460 кг	800 гр
Февраль	483 810 кг	1730 гр
Март	483 220 кг	1620 гр
Апрель	276 950 кг	1020 гр
Май	208 925 кг	750 гр
Июнь	216 000 кг	800 гр
Июль	223 200 кг	830 гр
Всего	2 544 000 кило	

Стоимость выданных за десять месяцев (с декабря 1920 г. по сентябрь 1921 г.) дров надо оценить в 240 000 франков, считая согласно французской расценке 8 сантимов за кило. Полученное же за тот же период мыло стоило 350 000 фр., считая по 2 фр. 40 сан. кило.

Один раз Корпусу была выдана подстилочная солома, но из-за отсутствия тюфячных наволочек солома эта скоро раструсилась.

Снабжение Корпуса осветительными материалами: керосином, свечами и карбидом производилось через инженерный склад. Количество этих продуктов было недостаточно, а затем выдача их вовсе прекратилась.

II. Вещевое довольствие

Корпус высадился в Галлиполи не только голодный, но и раздетый: в поношенном обмундировании и порванной обуви, без необходимого количества белья.

К тому же изголодавшиеся во время пути русские, попав в Галлиполи на скудный французский паек, стали продавать свои последние вещи, чтобы только утолить голод. Продавали и казенное обмундирование – не только лишнее, но и самое необходимое. Корпусное командование тотчас по прибытии в Галлиполи начало энергично бороться с продажей казенных вещей, однако уничтожить «толчок» [стихийный вещевой рынок] удалось только через месяц, после чего торговля хотя и не прекратилась, но велась более скрытно.

Одна из дивизий вывезла из Феодосии некоторое количество поношенного обмундирования: шинелей, френчей и проч., но розданные в части эти вещи оказались каплей в море.

Чтобы удовлетворить нужду Корпуса в одежде, необходимо было выдать каждому хотя бы по одному комплекту обмундирования и обуви и по две смены белья. К этому и стремилось корпусное командование, однако, как увидим, осуществить этого в полной мере не удалось.

На борту русских судов, вышедших из Крыма, было значительное количество белья и прочих предметов обмундирования, предназначенных для Русской Армии, но это имущество было задержано французами для учета, и первые партии его удалось получить лишь к началу февраля. Именно к этому времени людям раздали по одному комплекту белья на каждого человека, 1200 шаровар, 9700 пар ботинок, гетры, перчатки и проч. Кроме того было получено около 100 походных кухонь и довольно значительное количество разной посуды.

Помимо этого, в самом начале французы сами доставили в Галлиполи 7800 одеял и раздали их непосредственно чинам Корпуса. В марте и апреле поступили новые партии, ботинок, разного рода обмундирования и посуды, а за все время до 1 сентября было получено и роздано некоторое количество белья и одежды, что видно из табл. № 12.

Табл. № 12.

Количество выданных французами предметов обмундирования

Предметы обмундирования	Получено	Выдано
одеял	66 000	50 000
рубашек вязаных	110 000	72 000
кальсон	96 600	77 000
носков	93 000	84 000
полотенец	95 000	86 000
ботинок	27 000	27 000
гетр	33 000	33 000
перчаток	18 500	18 500

Из выданных одеял 3700 пошло на шитье шаровар, в которых ощущалась большая потребность.

Верхнего обмундирования: шинелей, френчей, шаровар и фуражек, поступало мало, и то в значительной части в поношенном виде. Более крупная партия поступила в августе. Всего по 1 сентября получили: шинелей—3500, френчей – 6300, шаровар – 6600, фуражек—3500, обмоток—10 700 штук.

Сверх того были доставлены в небольшом количестве: гимнастерки, шоферские пальто, парусиновые куртки, полушубки, туфли и прочее, а также некоторое количество мануфактуры (сукна, бумазеи, бязи) и ниток.

Все это имущество поступало от французского командования через русское снабжение из запасов, привезенных на русских судах.

Вещи распределялись между частями лично командиром Корпуса пропорционально их численному составу; только военным училищам оказывалось некоторое преимущество; беженский батальон получал вещи наравне с прочими частями.

Кроме перечисленного имущества, поступившего в распоряжение русского интендантства, в войсковые части были розданы вещи, полученные от благотворительных учреждений. Сюда вошли летние пижамы, больничные халаты, полотенца, носки и прочее. Некоторые предметы поступили в довольно большом количестве, так что каждый чин Корпуса получил, например, не менее двух пижам и кое-что из белья, что имело большое значение при общем недостатке обмундирования.

Вещи поступали в Корпус не сразу, так что многое было получено только к осени. К 1 сентября на каждого в среднем приходилось:

Одеял ……. 1,8
Рубашек …….. 3,0
Кальсон …….. 3,2
Носков…….3,3 п.
Полотенец……3,4
Ботинок ……1,0 п.
Перчаток…….0,7
Шинелей…….0,2
Френчей…….0,3
Шаровар ……. 0,3
Фуражек…….0,2
Обмоток ……. 0,5
Гетр …… 1,2

Бельем Корпус был удовлетворен в полной мере. Сначала белья было выдано две пары, а к сентябрю еще по одной; но верхнего обмундирования не хватало и прибыло оно, большей частью, только в августе. А между тем английское платье, полученное Добровольческой, а после Русской Армией на юге России, сильно потрепалось во время боев и в походах. Мало кто имел два комплекта обмундирования, зато у иных не было даже шинелей, и они были одеты в кое-какое тряпье или просто ежились в потрепанных френчах. Некоторую защиту от холода представляли шерстяные одеяла, выданные по одному или по два на человека. Часть одеял пошла на шитье шаровар; правда шаровары эти оказались не очень изящны и не особенно прочны, но зато были теплы.

В частях распределение вещей производилось ротными и взводными командирами по степени нужды, а иной раз и просто по жребию. Понятно, что такое распределение было не всегда равномерно. Так, например, хотя в среднем на каждого приходилось по 1,8 одеяла, число получивших по одному одеялу все же осталось довольно значительным.

Вопрос об обуви в Галлиполи стоял особенно остро вследствие дурной погоды зимой, необходимости постоянно делать переходы из лагеря в город и обратно и частых работ во всякую погоду. А между тем обувь поступала медленно, небольшими партиями: до 1 марта было получено 10 500 пар ботинок, с марта по май – еще 16 500 пар, так что зиму проходили в поношенной обуви. Ботинки, полученные в Галлиполи, не отличались особенной прочностью и при весенней грязи и плохих мостовых в городе скоро изнашивались. Починка обуви была организована не скоро и в недостаточном объеме, поэтому многим приходилось выдавать по второй паре, в то время как другие, приехавшие в крепкой русской или английской обуви, еще не получили ни одной.

Быстрая порча обуви потребовала устройства сапожных мастерских. Русское снабжение доставило в Галлиполи некоторое количество кожи и сапожного инструмента. Были организованы починочно-сапожные мастерские при корпусном интендантстве, представительстве Всероссийского Земского Союза, дамском комитете, при мастерских Технического полка, при Беженском батальоне и почти при всех частях Корпуса.

В этих мастерских производились работы: бесплатные – по нарядам из казенного материала, и платные – из материала заказчика. Всероссийский Земский Союз, кроме своей мастерской, оказывал поддержку также некоторым другим мастерским – материалом и инструментом. А в октябре Главным Комитетом Всероссийского Земского Союза было прислано для Корпуса подошвенной и иной кожи на 1200 лир.

Работа всех этих сапожных мастерских сильно облегчила разрешение вопроса об обуви в Галлиполи, однако все же нельзя было считать этот вопрос разрешенным в полной мере. Отсутствие запасов обуви и средств для своевременной их починки приводило к тому, что до последнего времени можно было встретить чинов Корпуса в совершенно изношенной обуви.

К сожалению, надо сказать, что обмундирование, выданное чинам Корпуса, часто недолго оставалось в их руках: продажа («загон») казенных вещей, несмотря на строгие наказания, продолжала существовать до последнего времени, то ослабевая, то усиливаясь. Причина этого явления лежит, прежде всего, в отсутствии определенного жалованья чинам Корпуса и в недостаточности питания, а низшие начальствующие лица, понимая тяжелое положение своих подчиненных, не находили в себе силы достаточно энергично бороться с этим злом.

Хотя снабжение обмундированием было неудовлетворительно и, казалось, не могло быть и речи об однообразной форме одежды, однако как командир Корпуса, так и командиры частей приложили все старание, чтобы придать чинам Корпуса воинский вид и по возможности соблюсти форму одежды. В начале требовалось только, чтобы все имели погоны и кокарды, хотя бы нарисованные чернильным карандашом. Затем организовали изготовление форменных погон для всех частей; на это пошло некоторое количество полученной мануфактуры и были ассигнованы небольшие средства Штабом Корпуса. Погоны установили определенных цветов для каждой части; ношение английских погон было запрещено.

Высокие сапоги были очень не у многих; обмоток для ботинок еле хватало на половину. Пришлось прибегнуть к парусиновым защитным гетрам, которых имелось достаточное количество; правда, они были слишком коротки и не соответствовали обычному виду русского солдата. Носить брюки навыпуск не разрешалось; исключение составляли длинные офицерские брюки прежнего образца.

Однообразия френчей не требовалось, разрешалось носить даже куртки от пижам всех цветов; для них необходимы были только погоны и пояса.

Поэтому не редки были белые, серые, полосатые, синие, ярко голубые, розовые и прочие куртки и гимнастерки. Вид этой пестроты неприятно резал глаз, и для парадов была установлена однообразная форма – белая рубашка (старая форма русского солдата). Материалом для их изготовления послужили белые пижамы, медицинские халаты, бязь, привезенная из Крыма, и проч.

Казалось, выполнить эту задачу – привести внешний вид Армии в единообразный вид – было довольно трудно, но общими усилиями Корпуса задачу решили, и на парадах русские войска выступали под южным солнцем, сверкая белизной рубашек русского покроя. Только один Корниловский полк, верный своим традициям, окрасил свои гимнастерки в черный цвет и во время смотров и парадов резко выделялся из белой массы. К услугам греческой красильни прибегали довольно часто: кавалеристы окрашивали шаровары в темно-синий цвет, юнкера некоторых училищ для ежедневных занятий имели гимнастерки, окрашенные

в защитный цвет, и т. п. Но главное значение имела красильня при изготовлении цветных фуражек и поясов соответственно формам полков.

Фуражек было получено мало, и их приходилось шить самим, частью из казенного, частью из собственного материала. Цветные фуражки пехотных и кавалерийских полков шились из полотенец и белой бумазеи, тульи и околыши окрашивались сообразно цветам полка. Кокарды изготавливались в мастерских Технического полка и артиллерийского склада.

Все это вызывало потребность в открытии портняжных и фуражечных мастерских как при Корпусном интендантстве, так и при отдельных частях. Из разных источников было получено некоторое количество швейных машин, портные были свои, и работа кипела.

Так удалось восстановить в Галлиполи традиционную форму Добровольческой и Русской армий. И полки твердо держались своих цветов: Корниловский – черного с красным, Марковский – черного с белым, Дроздовский – малинового, Алексеевский – синего (по этим цветам полки назывались «цветными»); в Техническом полку офицеры имели белые погоны, солдаты – красные. Военные училища стремились восстановить прежнюю форму русских училищ, имена которых они носили, и имели погоны с соответствующими трафаретами. Наибольших результатов в этом отношении достигло Николаевское Кавалерийское училище с его алыми бескозырками и двухцветными поясами.

Материала было мало, денег еще меньше, но желание, любовь к Армии и своему родному полку и создали ту картину стройности и единообразия, что так поражали французов и местных жителей на русских парадах в Галлиполи.

Благодаря этим мерам разрешился вопрос летнего обмундирования. Но для зимнего Русская Армия не имела даже полного количества шинелей, не говоря уже о теплом белье и прочем.

Мелкой посуды было получено достаточно:
котелков больших (один на 6 человек) … 2600
котелков малых (на 1 человека) …… 12600
ложек ……. 10700
кружек чайных ……..7400
тарелок ……. 1100
сковородок ……2400
ведер ……. 200
и т. д.

Впрочем, в мелкой посуде особенно не нуждались: консервные банки различных величин служили и для изготовления пищи и для питья чая и проч., а бидоны от кокосового масла, бензина или керосина шли для носки воды и группового приготовления пищи.

Лазареты получали палатки, кровати и весь инвентарь из трех источников: от французов, от Американского Красного Креста и от греков.

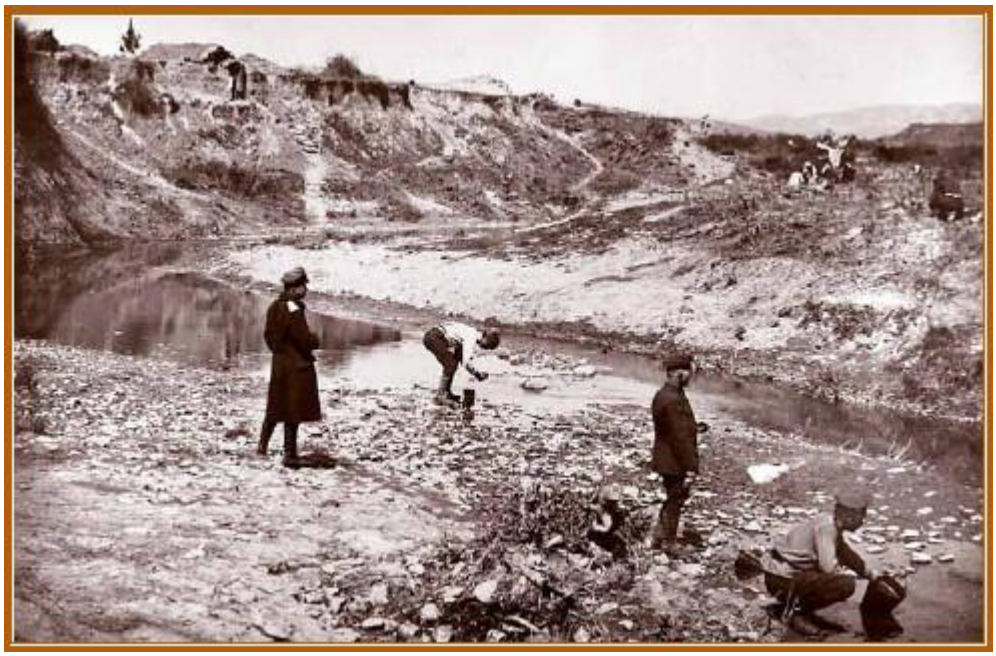
Семьи военнослужащих получили от интендантства одеяла; всем остальным, прежде всего, женщинам и детям, Американский Красный Крест на летний период доставил одеяла, матрацы, пижамы, белье, материю, обувь, посуду и прочее. Что же касается зимнего платья, то здесь пришлось прибегнуть все к тем же одеялам, из которых успешно шились женские и детские пальто, зимние платья.

Надо сказать, что трудолюбие и настойчивость русских женщин сыграли здесь большую роль. Женщины не только делились американскими подарками со своими мужьями и братьями, обшивали себя и детей, но много потрудились и для близких, обшивая своих родных – чинов Русской Армии, а часто и посторонних.

Санитарная часть

Недочеты санитарного состояния частей 1-го Корпуса, подъезжавших к Галлиполи, явившиеся следствием катастрофических условий эвакуации из Крыма, были основным фактором санитарного состояния частей в первое время после выгрузки их в Галлиполи.

Скученность, временами доходившая до невозможности передвигаться по пароходу, и вши сделали то, что за две-три недели пребывания на пароходе до выгрузки на берег насекомыми обзавелся почти весь Корпус. К этому надо прибавить недостаток воды не только для мытья, но и для питья, крайне скудную пищу, отсутствие запасного белья для смены, – все это страшно ослабило организм людей, создав благоприятную обстановку для заболеваний. В момент эвакуации на пароходы вместе со здоровыми попадали и больные (в том числе заразные в начальной стадии заболевания) и, располагаясь среди здоровых, принесли немало свежих случаев сыпного и возвратного тифа, которые распространялись по пароходу. Ясно, чего можно было ожидать от санитарного состоянии частей Корпуса в момент его выгрузки в Галлиполи. С помощью медицинского персонала, бывшего на пароходах, конечно, принимались меры к изоляции больных от здоровых в отдельном помещении, но это было выполнимо только отчасти (для уже ясно выраженных случаев заболеваний). К моменту высадки на берег таких больных на разных пароходах было до 200 человек, и их, ввиду отсутствия готовых лечебных учреждений на берегу, собрали на один пароход и эвакуировали в Константинополь для помещения в соответствующие госпиталя, как русские, так и французские.

Речка Буюк-дере, протекавшая по территории лагеря и города. Весна 1921 г.

Сам город Галлиполи в момент прибытия в него частей 1-го Корпуса имел весьма непривлекательный вид. Всюду на улицах грязь, кучи мусора, канавы, наполненные грязной, вонючей жидкостью, полное отсутствие общественных отхожих мест. Единственным светлым пятном в санитарном состоянии Галлиполи был его водопровод с чудной водой, построенный еще римлянами. Галлиполи, в значительной степени разрушенный во время Великой войны 1914–1918 гг., не был готов к приему такого количества «гостей», неожи-

данно свалившихся на голову, а потому выгружающиеся с пароходов военнослужащие вместе с семьями вынуждены были располагаться под открытым небом, на голой земле, в лучшем случае пользуясь для укрытия различными развалинами, порой весьма небезопасными (что подтвердил позднейший случай с обвалом в Корниловском и Кавалерийском юнкерских училищах). Изнуренные долгим сидением на пароходе, при почти полном отсутствии питания, люди должны были на себе доставлять в лагерь все, начиная с своего будущего жилища – палаток, которые доставлялись нерегулярно, почему и части переводились в лагерь также весьма постепенно.

Главная задача санитарных властей Корпуса в это время состояла в том, чтобы изолировать заразных больных от здоровых и принять меры, препятствующие дальнейшему распространению инфекций. Так как в работоспособном состоянии в Галлиполи прибыло только одно лечебное учреждение – 4-й госпиталь Красного Креста, то он, выгрузившись на берег 13 ноября, с 14 ноября уже начал прием всех больных в отведенном ему помещении школы при французском католическом иезуитском монастыре. Большое каменное здание школы, кроме двух комнат, которые еще временно занимала часть Штаба Корпуса, скоро было переполнено больными: заразными, с разными видами инфекций, и незаразными, которые все лежали на полу без кроватей и постельных принадлежностей, вповалку, в огромной тесноте. Выделить больных по роду инфекции совершенно не представлялось возможным, что при скученном расположении больных привело к тому, что больные, переболев одной инфекцией, вслед за ней приобретали следующую.

Из других санитарных учреждений Корпуса приехали с некоторым санитарным имуществом: 7-й передовой отряд Красного Креста и госпиталь Белого Креста, которые постепенно с помощью французского командования и греческих властей пополнились имуществом и развернули свою деятельность. 7-й передовой отряд был развернут 29 ноября 1920 года со штатом в 120 коек специально для приема заразных больных всех сортов инфекций, хотя он и не обладал достаточным помещением для необходимой изоляции больных с разными видами инфекций. Количество больных в нем в это время достигало 170–180 человек.

В числе больных были больные со следующими видами инфекций: все три вида тифа, дизентерия, оспа, скарлатина, дифтерит и рожа. Размещение больных было скученное, как и в 4-м госпитале, и также без кроватей и постельных принадлежностей, на полу, в небольшом здании с четырьмя маленькими комнатами и коридором. Почти одновременно вслед за тем, недели через две, открылся госпиталь Белого Креста и вновь сформированный дивизионный 1-й Пехотной дивизии. Дивизионный развернулся 14 декабря 1920 г. в каменном одноэтажном здании школы при армянской церкви и функционировал как гарнизонный госпиталь по всем болезням, кроме хирургических, причем главный контингент больных был с брюшным, возвратным и сыпным тифами. Способ размещения больных был такой же, как и в других госпиталях, то есть на полу, без постельных принадлежностей, причем в комнате, рассчитанной на 70–80 человек, помещалось 200 человек.

Одновременно в каменном здании греческой школы развернулся лазарет[30] Белого Креста, работавший в совершенно таких же условиях и при таком же контингенте больных.

Кроме помощи имуществом со стороны французских и греческих властей, в это время Греческий Красный Крест прислал свой госпитальна 50 кроватей, который и был открыт специально для приема инфекционных больных, будучи вполне оборудован и снабжен крова-

[30] Лазареты – военно-врачебные заведения, подобно госпиталям, предназначенные для лечения военных чинов и лиц, служащих в учреждениях и частях, относящихся к военным ведомствам. От госпиталей лазареты отличаются более упрощенной организацией и расчетом необходимых денежных средств. Местные лазареты открываются на 5-350 человек; по мере надобности могут быстро сворачиваться, либо, наоборот, при них открываются офицерские и женские отделения. В военное время, непосредственно на поле сражения, лазареты обращаются в перевязочные пункты. Больные, требующие длительного лечения, при первой возможности передаются в госпитали.

тями, медикаментами, принадлежностями для ухода за больными и даже собственной лабораторией для клинических анализов.

Думать о строгой дифференциации в смысле распределения больных по госпиталям по роду болезни в первое время не приходилось, так как число мест в лечебных учреждениях, по сравнению с числом больных, было недостаточно. Тем не менее для возможности успешной работы одно из учреждений играло роль распределительного пункта, куда поступали все больные и оттуда уже направлялись по лечебным учреждениям, согласно роду заболевания и наличности свободных мест в учреждениях. Первое время такую роль играл 4-й госпиталь Красного Креста, а затем, с открытием дивизионного лазарета 1-й Пехотной дивизии, распределение больных перешло к нему. Лишь в январе 1921 года, с прибытием госпитального судна «Румянцев», явилась возможность распределить госпитальную работу по специальностям. До этого времени все силы всех госпиталей были направлены, главным образом, к борьбе с эпидемиями сыпного, возвратного и брюшного тифов.

Одновременно с развертыванием госпиталей в городе были приняты другие меры по предотвращению распространения инфекций. С помощью греческих и французских властей оборудовали две бесплатных бани (одна из них с дезинфекционной камерой); в них ежедневно могло мыться 600–650 человек.

В январе 1921 года при комендантском управлении была учреждена санитарная комиссия, целью которой стало приведение города в удовлетворительное санитарно-гигиеническое состояние. При этом главное внимание решили обратить на прилегавшие к городу места, особенно на низменные берега мелкой, но очень загрязненной речонки, служившие свалкой.

Одной из важных мер к улучшению санитарного состояния города явилась организация медицинской помощи в общежитиях, на гауптвахте, в войсковых частях, не имевших своих постоянных врачей, для отдельно живущих лиц. 7 февраля 1921 года была открыта комендантская амбулатория, главной задачей которой стало санитарное состояние гауптвахт – как мест возможных очагов эпидемических заболеваний. С 18–20 февраля уже не наблюдалось случаев инфекционных заболеваний среди заключенных. Общее число оказанной комендантскими врачами помощи как в амбулатории, так и вне ее, достигало 2000 человек в месяц.

В центре города были устроены общественные отхожие места, особенно близ мест скопления прибывавших по делам в Галлиполи воинских чинов (на базаре, около интендантства и пристани и т. д.), а также удалось наладить систематическую уборку главных улиц чинами Корпуса.

Одновременно велись работы но обследованию водопровода и приведению его в состояние, при котором страдающий летом от недостатка воды город мог бы благополучно справиться с этим даже при случившемся столь резко увеличении его народонаселения за счет эвакуированной Русской Армии. После проведенных изысканий в системе старого римского водопровода удалось включить в сеть новый источник воды, благодаря чему недостатка в питьевой воде в городе в самое сухое время не было. В результате соединенных усилий чинов Корпуса санитарное состояние Галлиполи улучшилось во много раз, и в дальнейшем уже почти не оставляло желать лучшего. В лагере, ввиду высыхания речки, из которой лагерь питался водой, было вырыто до 15 новых колодцев. В момент появления острых желудочно-кишечных заболеваний было поставлено по два фильтра на Пехотную и Кавалерийскую дивизии, где брали воду для питья. Фильтры были изготовлены при участии Центральной химико-бактериологической лаборатории.

Однако несмотря на это, в городе условия жизни военных чинов Корпуса в санитарном отношении были тяжелы. В лагере же они были еще хуже. Крайняя скученность людей, размещенных в палатках вповалку, почти без подстилки, при холодной, дождливой погоде,

отсутствии топлива, несвоевременной доставке продуктов из города, переобремененности людей физической работой по устройству лагеря и доставке на себе топлива из леса и продуктов из города, – все это изнуряло людей, создавая благоприятную почву для развития эпидемий. Отсутствие дезинфекционных и дезинсекционных средств делало невозможной борьбу с распространяющими заразу паразитами. Однако со временем нижнее белье большинство чинов уже могло содержать в чистоте благодаря близости речки Буюкдере, на берегах которой каждый стирал свое белье и даже часто вываривал его для уничтожения паразитов.

При разбивке лагеря особое внимание обращали на его санитарное благоустройство: кухни были вынесены в одно место из каждого лагеря, а все отхожие места удалены в сторону от расположения палаток. 30 ноября 1920 года организовали дивизионные санитарные комиссии для периодических осмотров лагеря. По их указаниям лагерь быстро привели в порядок: сожгли мусор и загрязненные отбросами кусты, обращая внимание на содержание в должной чистоте бассейнов и источников питьевой воды. Начали строить бани, а позднее – дезинфекционные камеры в земле с печами, поднимавшими температуру в камере до 110 °С, с большой пропускной способностью. В одной из полковых бань за неделю могли вымыться все чины полка.

В целях борьбы с малярией берега речки Буюк-дере были очищены от камышей и кустарников, в которых гнездились комары – передатчики этого вида заразы. Для стирки белья отводится специальный район ниже всех лагерей, чтобы сточные воды не загрязняли источник питьевой воды.

Что касается оказания медицинской помощи заболевшим, то она оказывалась в полковых око-лодках, в большинстве которых по обстоятельствам эвакуации медицинского персонала было больше положенного по штату количества – как врачей, так и сестер милосердия.

Почти во всех полках околодки оказались снабженными медикаментами и перевязочным материалом так, что сразу могли начать интенсивно работать, оказывая амбулаторную помощь, то же касается и полковых лазаретов. Задачей их было по возможности в самом начале заболевания изолировать больного от здоровых. Для этой цели выделялись палатки, в среднем для полка – на 20 коек. Долгое время в полковых лазаретах лечились до выздоровления все, без особенных осложнений переносившие тот или другой вид тифа. Затем понемногу они стали разгружаться, прежде всего от тяжелых больных. Если первое время больные там лежали вповалку на подстилке из сухих листьев или травы, без разделения по видам инфекций, то затем стали переходить к устройству индивидуальных или небольших групповых отделений, огороженных плетнем, с подстилкой из травы, а позднее – к устройству плетеных из гибких прутьев коек, отдельных для каждого больного. К началу декабря 1920 года размещение больных в полковых лазаретах стало даже удобнее и гигиеничнее, чем в городских лечебных заведениях.

Что касается эвакуации больных из лагеря в город, то большие партии захватывались обозом сенегальских стрелков, привозивших продукты в лагерь, а единичные больные, равно как и наиболее тяжелые, направлялись в город на ручных носилках.

Со второй половины декабря 1920 года начинается новая эпоха в жизни санитарных учреждений Галлиполи и лагеря. К этому времени некоторые учреждения с помощью французского командования получили кровати. Но главное, что в это время прибыл представитель Американского Красного Креста майор МДавидсон, который сразу приступил к оказанию энергичной помощи, привезя с собой оборудование для госпиталей, белье, продукты питания и т. д. Давидсон снабдил все лечебные учреждения как в городе, так и в лагере матрасами, постельным бельем, подушками, одеялами, госпитальным бельем, кухонной и столовой посудой, медикаментами, принадлежностями по уходу за больными и продуктами питания.

Благодаря улучшению питания слабые больные впервые смогли получать подходящую для них и удобоваримую пищу.

Около этого времени французское командование дало несколько подвижных дезинфекционных камер, которые и были переданы в распоряжение госпиталей для дезинфекции госпитального имущества (одеяла, тюфяки, подушки, белье), а также собственных вещей больных, находившихся на излечении.

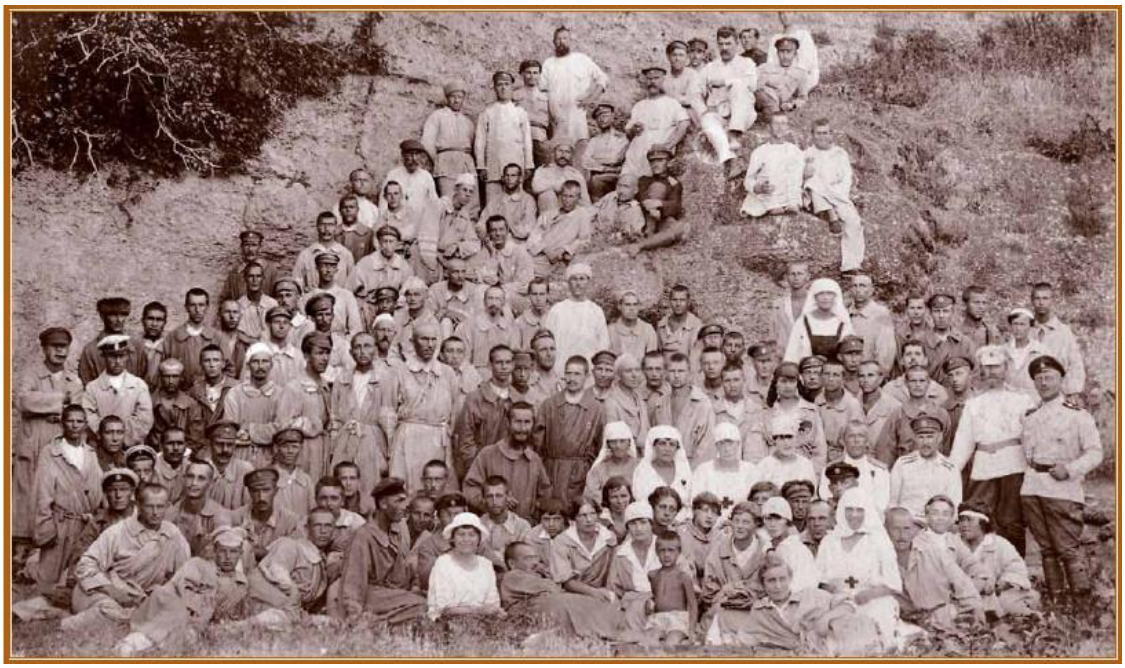
Одновременно госпиталя устроили у себя отделения для мытья всех поступающих больных, для чего французским командованием было отпущено несколько душей.

Так как количество госпитальных мест с открытием новых госпиталей и прибытием парохода «Румянцев» увеличилось, то был поднят вопрос о специализации госпиталей и создании распределительного учреждения. Таковое начало формироваться в лице Эвакуационного пункта 1-го Армейского Корпуса с 1 января 1921 года с приемником на 180 коек. 14 января 1921 года эвакопункт и амбулатория при нем начали функционировать. Все больные из лагеря и города поступали на эвакопункт в приемную палату, где их стригли, мыли, переодевали в чистое белье. Далее больных направляли в изолятор, где устанавливали диагноз, и затем переводили в соответствующую палату эвакопункта, где больные дожидались отправки на свободное место в соответствующий его заболеванию госпиталь. Легкобольные, обыкновенно, дальше эвакопункта и не шли, а лечились на месте. Одежда каждого вновь поступающего больного обязательно проходила через дезинфекционную камеру.

Из лагеря больные поступали первоначально в дивизионный лазарет 1-й Кавалерийской дивизии, развернутый при повороте от шоссе в лагерь, на 52 кровати; из них 4 – для острозаразных. Этот лазарет служил коллектором для всех лагерей; впрочем, часть больных одиночным порядком попадала и прямо на эвакопункт в городе. Из полковых околодков больные на ручных носилках, а тяжелобольные 1-й Пехотной дивизии на вьючных носилках, на ослах, доставлялись в дивизионный лазарет 1-й Кавалерийской дивизии, а оттуда на автомобилях, предоставленных командиром Корпуса, – на эвакопункт, в город. С эвакопункта больные по учреждениям развозились также автомобилями. Бензин для автомобилей предоставлялся французскими властями. Впоследствии, когда в лагерь провели узкоколейную железную дорогу, французы прекратили отпуск бензина для автомобилей. Тогда эвакуация из лагеря была налажена двумя поездами из двух вагонеток с носилками, что вполне удовлетворяло потребности. Вагонетки подходили к самому эвакопункту.

Общее количество прошедших через эвакопункт больных к 1 сентября 1921 года было 4645 человек, из них:

Пехотной дивизии …….. 2245
Кавалерийской …… 634
военных училищ и офицерских школ ….. 649
частей, приданных Корпусу …….. 909
Беженского батальона……135
медицинского персонала …… 73.

Средняя цифра суточного поступления колебалась между 20 и 80 больными. Прошедшие с 14 декабря 1920 года через дивизионный распределитель (до открытия эвакопункта), а позднее – через эвакопункт, по 1 сентября 1921 г. больные по роду болезни распределялись так:

тиф возвратный …….. 828
тиф сыпной …… 492
тиф брюшной ……. 356
лихорадных больных с невыясненным
диагнозом …….. 652
дизентерия……..72
оспа ……. 6
рожа ……. 5
малярия …….. 351
туберкулез…….. 260
москитная лихорадка …… 259
прочих болезней …… 2274.

До 14 декабря, сверх того, прошло через 4-й госпиталь, в то время игравший роль распределителя, 522 человека больных разных категорий.

Соответственно санитарному состоянию Корпуса и открытию специальных мест в лечебных заведениях среди поступающих на эвакопункт больных преобладали следующие категории их:

1) до мая месяца – тифозные больные,

2) май – июнь – хирургические больные,

3) июнь– июль – легочные больные (для дальнейшего направления в здравницу, недавно открывшуюся),

4) вторая половина июля – август – москитная лихорадка, желудочно-кишечные расстройства,

5) август – сентябрь – брюшной тиф с москитной лихорадкой и малярия.

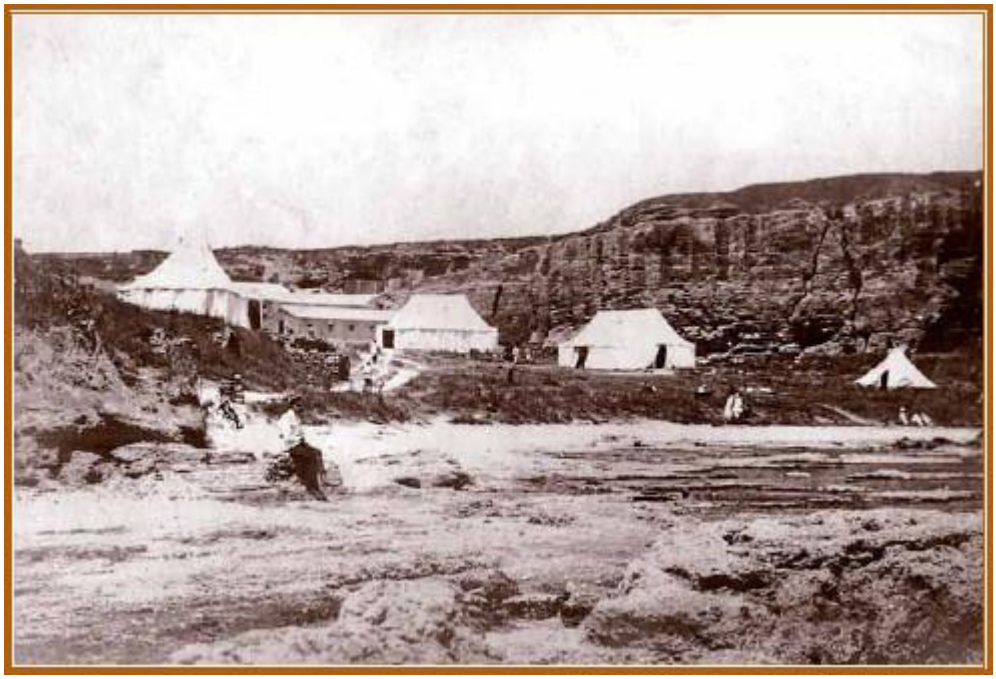
Амбулатория при эвакопункте с 14 января по 20 августа приняла 6580 человек; венерическое отделение ее имело около 3000 посещений и зубоврачебный кабинет – 7234 посещений.

Госпитальная помощь в Галлиполи оказывалась по следующим специальностям: хирургия, акушерство и гинекология, внутренние болезни, детские болезни и кожные и венерические болезни.

Хирургическая работа была сконцентрирована в двух учреждениях: первоначально – в одном 4-м госпитале Красного Креста, а после – и в госпитале Белого Креста.

4-й госпиталь Красного Креста на 200 штатных коек развернулся 14 ноября 1920 года и до 28 ноября был единственным лечебным учреждением в Галлиполи для всех родов заболеваний. Затем он, понемногу освобождаясь от инфекционных больных, развертывал хирургическою деятельность и с 6 февраля 1921 года начал функционировать как чисто хирургический госпиталь. Госпиталь имел развернутых 154 койки, из них 105 хирургических, 45 для тяжелобольных туберкулезных и 4 койки для рожениц. С этого времени по 13 сентября 1921 года, когда потребовалось освободить для занятий здание школы, бывшее под госпиталем, через госпиталь прошло больных 771 человек; им была сделана 631 операция и 7639 перевязок; через амбулаторию госпиталя прошло 2107 больных и им было сделано 65 амбулаторных операций.

Госпиталь Белого Креста был открыт в половине декабря 1920 года, имея по штату 84 койки, оборудовано же было всего 72 койки. Первое время госпиталь предназначался для обслуживания только инфекционных больных (возвратный и брюшной тифы). С 17 марта он был переименован в исключительно хирургический, причем на него была возложена преимущественно малая хирургия.

Здравница для больных при 4-м госпитале Красного Креста. Галлиполи, 1921 г.

Акушерская и гинекологическая помощь оказывалась сначала в 4-м госпитале Красного Креста, где было развернуто 8 женских хирургических мест и 4 места для рожениц. 12 февраля 1921 года было открыто самостоятельное акушерско-гинекологическое отделение при дивизионном лазарете 1-й Пехотной дивизии, состоявшее из родильного зала на 5 коек и гинекологической палаты на 7 человек. Через отделение прошло 266 больных, из

них родов – 100, гинекологических заболеваний – 94, заболеваний в начале беременности – 72; послеродовых септических заболеваний не наблюдалось. В июне 1921 года гинекологическое отделение при дивизионном лазарете было закрыто и осталось действовать только родильное отделение. С 27 июня по 10 сентября 1921 года гинекологическое отделение было развернуто при госпитале Белого креста в двух палатах, по 9 кроватей каждая. Через это отделение прошло за указанный срок 35 больных.

Для обслуживания больных с незаразными внутренними болезнями первоначально был предназначен пароход «Румянцев», приспособленный как госпитальное судно и стоявший на рейде города Галлиполи. Он их и обслуживал до своего ухода из Галлиполи. Позднее эти функции госпиталя для незаразных больных перешли к дивизионному лазарету 1-й Пехотной дивизии, через который с 14 декабря 1920 года по сентябрь 1921 года с общими заболеваниями прошел 1131 человек. По мере уменьшения эпидемии тифов (в апреле – мае 1921 года бывали только единичные свежие случаи) терапевтическую помощь начал оказывать 7-й Передовой отряд Красного Креста; туда поступали больные с малярией, москитной лихорадкой, открылась отдельная палата для слабосильных воспитанников военно-учебных заведений. Некоторое количество терапевтических больных принимал и госпиталь Белого креста, особенно в августе, во время вспышки малярии и москитной лихорадки.

Совершенно особое место занимает в санитарной жизни Галлиполи вопрос об оказании помощи туберкулезным больным. И без того слабый организм подобных больных при крайне неблагоприятных условиях, в смысле питания и других условий жизни, вышел из состояния устойчивости. Многие чины Корпуса, ранее имевшие только наклонность к заболеванию туберкулезом, теперь захворали его активной формой, быстро подтачивавшей последние остатки их сил. Ввиду того, что тяжелобольные туберкулезные представляли опасность для других, склонных к такому заболеванию, что при недостатке питания контингент последних возрастал с каждым днем, – явилась необходимость их изоляции в одном лечебном заведении. С 24 февраля 1921 года для этого и была развернута 7-я палата 4-го госпиталя Красного Креста на 45 человек. За время по 26 ноября через палату прошло 184 человека, которые провели там 7009 больничных дней. Больные сюда поступали с активным процессом в легких или других органах. Большинство из них заболело в Галлиполи.

Благодаря помощи Американского Красного Креста и средствам, отпускавшимся на это командиром Корпуса, оказалось возможным несколько улучшить питание больных. В суточных рационах если и чувствовался недостаток жиров и почти полное отсутствие зелени, то калорийная ценность была вполне достаточной. Благоприятные результаты лечения больных, поступивших сюда в первой стадии процесса, а отчасти и во второй, это подтверждали.

Но изъять из среды здоровых военнослужащих больных с активным туберкулезом было только половиной дела. Не менее важно стало усилить питание, при соответствующем режиме, и оставшимся, неустойчивым в смысле предрасположенности к туберкулезу, чтобы таким образом бороться с дальнейшим распространением заболевания. Здесь пошел навстречу представитель Американского Красного Креста майор Давидсон, и только благодаря его помощи туберкулез не получил такого распространения, как это могло бы быть при питании одним французским пайком.

В начале мая 1921 года на берегу моря у маяка, в расщелине между скалами, была открыта с помощью пожертвованного Американским Красным Крестом имущества здравница для легочных и туберкулезных больных при 4-м госпитале Красного Креста, с которым она была связана в административно-хозяйственном отношении. Больных в здравнице разместили в больших палатках-бараках по 30–20 человек в палатке. Сперва она была развернута на 110 кроватей, но затем, ввиду большой потребности в ее помощи, количество коек повысили до 140. Основным лечебным фактором в здравнице было питание, для уси-

ления которого Американским Красным Крестом все время отпускались продукты. Пища больным распределялась следующим образом: в 8 часов утра – утренний чай и к нему – мясные консервы или паштет, или сардины, смальц; в 11 часов утра – макароны или каша; в 2 часа дня – обед из 2-х блюд; в 4 часа дня – кофе, какао, или шоколад; в 7 часов вечера – ужин из одного блюда с чаем. Больные хорошо поправлялись, у них улучшался цвет лица, увеличивалось количество жира в подкожно-жировой клетчатке и т. д. Расположение здравницы давало возможность пользоваться естественными методами лечения: купанием в море, солнечными ваннами и т. д. Конечно, следует отметить, что климатические условия были не совсем благоприятны: почти постоянно дующие ветры, полное отсутствие тени и каких-либо уголков для укрытия от палящего солнца ослабляли больных, и выздоровление шло не так быстро, как могло бы.

Большинство больных поступало с первой стадией туберкулеза. С 3 мая по 31 августа в здравницу поступило 386 больных; из них: 152 офицера, 116 солдат, 60 юнкеров и 58 женщин. 365 туберкулезных больных провели 12 983 больничных дня (среднее пребывание одного больного – 36–37 дней); 21 туберкулезный больной провел 728 больничных дней (среднее пребывание одного больного 32–35 дней). Конечно, силы одной здравницы – при столь большом количестве слабых, неустойчивых в смысле здоровья больных, не могли удовлетворить всех потребностей в этом отношении. Всегда была большая очередь ожидающих попасть в здравницу. Поэтому после прекращения тифозных эпидемий при 7-м Передовом отряде Красного Креста одна палатка-барак была отведена для слабосильных воспитанников военных училищ, которые там отдыхали при усиленном питании, отпускаемом Американским Красным Крестом. Так как и эта помощь не могла удовлетворить всем потребностям, то были оборудованы питательные пункты: один в городе, а другой – в лагере. Продукты для этих пунктов отпускались опять-таки Американским Красным Крестом, который дал и необходимое оборудование для их открытия На этих пунктах отпускалась дополнительная пища, сверх получаемой каждым в своей части из французского пайка; выдача производилась по назначению постоянной врачебной комиссии.

Здесь же следует упомянуть о добавочном отпуске продуктов питания, который производился Американским Красным Крестом регулярно – женщинам и детям, спорадически – юнкерским училищам и, реже – войсковым частям, ибо там были люди более зрелого возраста, более устойчивые к заболеваниям. Благодаря такой помощи продуктами питания рождавшиеся в Галлиполи дети имели нормальный вес – от 9 до 14 фунтов.

Не будет преувеличением сказать, что такое благополучное состояние, в смысле заболеваемости и смертности, которое было в Галлиполи после того, как наладились все стороны жизни Корпуса, обязано, главным образом, помощи Американского Красного Креста как продуктами питания, так и бельем, и предметами обмундирования.

Если условия жизни для взрослых в Галлиполи были тяжелы, то еще тяжелее они отзывались на неокрепшем детском организме. Два врача-специалиста не могли удовлетворить все индивидуальные просьбы о помощи. Больные дети лежали дома или, смотря по роду заболевания, помещались в лазареты наряду с женщинами (в те же палаты). Дети с острыми инфекциями (скарлатина, дифтерит) отправлялись в заразное отделение дивизионного лазарета. 27 февраля 1921 года был открыт для девочек и мальчиков детский санаторий для незаразных детей на 10 кроватей (отделение дивизионного лазарета 1-й Пехотной дивизии). Через него прошло 35 детей.

Основным вопросом в санитарной жизни Галлиполи была борьба с эпидемиями заразных болезней. Первоначально этому были отданы все усилия медицинского персонала 1-го Армейского Корпуса и приданных ему учреждений, и госпитали работали как эпидемические учреждения. Постепенно, с проведением мер личной и общественной гигиены, а также приведения в порядок жилищ, общего благоустройства города и лагеря, бань, дезинфекции,

упорядочения питания и снабжения бельем с помощью Американского Красного Креста и т. д., – эпидемии стали сокращаться, пока с наступлением теплых дней, когда военнослужащие стали регулярно купаться и мыть свое белье, они совсем не сошли на нет. Большое значение имели в этом отношении поголовные вакцинации для чинов Корпуса против тифов, холеры и оспы, произведенные с помощью доставленных французским командованием вакцин.

Очень много способствовали благополучному санитарному состоянию Корпуса меры по улучшению водоснабжения, принятые как в городе, так и в лагере. После произведенных изысканий в системе старого римского водопровода удалось включить в свет новый источник воды, благодаря чему недостатка в питьевой воде в городе в самое сухое время не было. В лагере из-за высыхания речки, из которой лагерь питался водой, было вырыто до 15 новых колодцев. В момент появления острых желудочно-кишечных заболеваний было поставлено по два фильтра на Пехотную и Кавалерийскую дивизии, откуда и брали воду для питья. Фильтры были изготовлены при участии Центральной химико-бактериологической лаборатории.

Следует особо отметить большой отпуск мыла из интендантства, что давало возможность регулярно мыться и содержать в чистоте свое белье всем военнослужащим.

Наглядным результатом всех этих мероприятий было сокращение количества больных. Например, число амбулаторных посещений в околотках Пехотной дивизии было в марте 10418, в апреле – 8538, а в мае – 6521 посещений.

Специально для лечения заразных больных при распределении учебных заведений по специальностям были выделены: 7-й передовой отряд Красного Креста (главным образом – для больных сыпным и возвратным тифом); дивизионный лазарет 1-й Пехотной дивизии – для больных брюшным тифом; специально заразное его отделение – для редко встречающихся видов инфекции, как то: оспа, рожа, скарлатина, дифтерит; позднее при нем же была специальная палатка для дизентерийных больных. Часть возвратно– и брюшно-тифозных до половины марта 1921 года помещалась в госпитале Белого Креста.

7-й передовой отряд, получив 2 барака-палатки и все необходимое оборудование, до конца работал как эпидемический госпиталь. Когда прекратились эпидемии сыпного и возвратного тифов, он стал принимать брюшнотифозных больных, а одно время даже, ввиду малого количества заразных больных, одну палатку отвел для слабосильных юнкеров. С 29 ноября 1920 года по май 1921 года через него прошла 1005 больных, из них: сыпнотифозных – 341 (процент смертности 6,13); возвратно-тифозных 244 (процент смертности – 2); брюшно-тифозных, с 29 ноября 1920 года по 1 сентября 1921 года, было 111 (процент смертности 10). Больные поступали в очень тяжелом состоянии, часто имея одновременно заболевания и другими инфекциями: малярией, москитной лихорадкой, туберкулезом и т. д.

Дивизионный лазарет 1-й Пехотной дивизии имел штатных 115 мест: 90 для брюшнотифозных и 25 для остро-заразных (за исключением специальных отделений: острозаразного, детского и акушерско-гинекологического). Через лазарет с 14 декабря 1920 года по сентябрь 1921 года [через него] прошло 1715 человек, из них: брюшно-тифозных – 176, сыпнотифозных – 27, возвратно-тифозных – 222, дизентерийных – 76, с желудочно-кишечными и общими заболеваниями – 83; с момента перехода лазарета за окончанием эпидемий к обслуживанию незаразных терапевтических – 1131 [больной]. Через специальное острозаразное отделение лазарета прошло с 19 декабря 1920 года 56 больных с натуральной и ветреной оспой, рожей, дифтерией, скарлатиной, экземой, чесоткой и сифилисом.

По венерическим и кожным болезням первые месяцы помощь оказывалась исключительно амбулаторно, с марта же месяца при эвакопункте была открыта для стационарного лечения тяжелобольных венериков палатка на 10 коек, через которую прошло 42 человека, в большинстве случаев с обострением старых процессов. Свежих случаев сифилиса зареги-

стрировано 5 и острой гонореи – 8. В амбулатории при эвакопункте было более 3000 посещений, из них:

сифилис, заразительная стадия……. 49
сифилис, незаразительная стадия ……. 135
хроническая гонорея …… 114
острая гонорея …… 8.

Наряду с специализацией госпиталей были приняты меры к оказанию более компетентной квалифицированной помощи амбулаторным больным. 4 апреля 1921 года в специальном дощатом бараке, крытом толем и разделенном внутри на отдельные кабинеты была открыта амбулатория врачей-специалистов для дачи совета в случаях, где врачи часто желали консультировать с более опытными коллегами по специальностям. Были оборудованы кабинеты: хирургический, уха, горла, носа, глазной и гинекологический. Там же велся прием по внутренним, нервным, детским и кожно-венерическим болезням. Наиболее интенсивно работал хирургический кабинет, где производились амбулаторные операции и перевязки. При амбулатории же производились приходящим больным подкожные инъекции по назначению врачей и предохранительные прививки против тифа, холеры и оспы. Средняя посещаемость каждого кабинета в день доходила до 50 человек.

К видам специальной помощи относится еще зубоврачевание. Первоначально для этого вида помощи Американским Красным Крестом было пожертвовано оборудование одного зубоврачебного кабинета, который и начал функционировать в начале декабря 1920 года, будучи придан в административно-хозяйственном отношении 4-му госпиталю Красного Креста. Так как ввиду условий прошедшей Гражданской войны зубы оказались запущенными у очень многих галлиполийцев и одному кабинету было не под силу даже отчасти удовлетворить всех, то условием жертвователя было оказание помощи, в первую очередь, женщинам и детям. Очень скоро два врача кабинета не могли удовлетворить нуждам, и был приглашен третий врач. Кабинет этот одинаково интенсивно работал до самой эвакуации из Галлиполи. В среднем за месяц проходило 250–260 больных, которые делали более 1500 посещений. В месяц ставилось 500–600 пломб, делалось около 50 экстракций зубов и т. д.

Под конец пребывания в Галлиполи Русский Красный Крест, разделив часть имущества этого кабинета и добавив недостающее, открыл новый кабинет с одним врачом при 7-м Передовом отряде, а при 4-м госпитале остался кабинет с двумя врачами.

Для оказания же зубоврачебной помощи военнослужащим на средства, отпущенные санитарной частью Русской Армии, приобрели оборудование зубоврачебного кабинета, и таковой развернули в лагере. Оказание первой помощи и экстракция кариозных зубов были развернуты также на эвакопункте.

Большое значение для постановки диагноза и наблюдения за больными имели лабораторные исследования. Первоначально их осуществляла единственная вывезенная из Крыма лаборатория 4-го госпиталя Красного креста. Позднее химико-микроскопические анализы стали производиться лабораторией при госпитале Греческого Красного Креста. 18 марта 1921 года прибыла в Галлиполи и через несколько дней развернулась Центральная химико-бактериологическая лаборатория 1-го Армейского Корпуса, оборудованная на средства Санитарного отдела Русской Армии. Первоначально в оборудовании лаборатории не хватало многих существенных для работы предметов. Позднее с помощью Американского Красного Креста и новых ассигнований из Санитарного отдела Русской Армии лаборатория пополнилась необходимым инвентарем и даже приобрела опытных животных. За пять с половиной месяцев было произведено 3727 анализов, в том числе организована поставка реакция Вассермана, две-три серии.

Кроме чисто медицинской работы лаборатория произвела анализы питьевых вод из источников и колодцев, снабжающих Русскую Армию в лагере и городе. Оказалось, что многие из источников загрязнены органическими отбросами, поэтому были предприняты работы по очистке многих колодцев городской сети. Приходилось производить работы более специально-технического характера, как то: исследование ружейной смазки, кож и других заготовок интендантского имущества. Было произведено несколько судебно-медицинских анализов. Кроме того лаборатория изготовляла для гимназии ботанические и физиолого-анатомические препараты, а также показательные коллекции для экскурсий (исследование почвы, морской воды и т. д.).

Желающим возобновить свои познания в лабораторной технике врачам лаборатория шла навстречу, предоставляя в их распоряжение, кроме того, еще и небольшую медицинскую библиотеку, главным образом, на французском и английском языках.

В связи со всеми вышеназванными санитарно-лечебными учреждениями стоял Центральный аптечный склад, который и снабжал их медикаментами и принадлежностями по уходу и обслуживанию больных.

Склад развернули 2 декабря 1920 года из перевязочного отряда Корниловской дивизии с прибавлением персонала с госпитального судна «Ялта». Основу склада составили остатки базисного склада в г. Севастополе, вывезенные вместе с уцелевшей частью санитарного имущества и аптеки 1-го Армейского госпиталя, 6-го сводного госпиталя и других госпиталей. В Галлиполи же склад пополнялся медикаментами, отпущенными французским командованием, пожертвованными Бельгийским Красным Крестом и, главным образом, постоянным пополнением в большом масштабе Американского Красного Крестом, благодаря помощи которого склад, собственно, и существовал.

Первоначально склад, кроме снабжения медикаментами санитарно-лечебных учреждений Корпуса, исполнял роль гарнизонной аптеки, отпуская лекарства больным по индивидуальным рецептам. Это много усложняло его деятельность. Впоследствии из него была выделена аптека, действовавшая в отдельном помещении и отпускавшая индивидуально по отдельным рецептам.

Наличие значительного числа инвалидов, утративших в той или другой мере трудоспособность и частью не могущих обходиться без посторонней помощи, привело к мысли об устройстве специального инвалидного дома. Его оборудовал Красный Крест с помощью представителя Американского Красного Креста, отпустившего несколько палаток и прочее оборудование для дома и снабжавшего его все время продуктами для дополнительного питания призреваемых, сверх французского пайка. Дом был оборудован на 50 коек, и при нем открыты сапожно-портняжные мастерские для обучения инвалидов ремеслам, чтобы они в будущем могли сами себе зарабатывать кусок хлеба. Машины и прочее оборудование также предоставил Американский Красный Крест.

Так как военнослужащих, желавших воспользоваться тем или другим видом специальной помощи (помещением в инвалидный дом, здравницу, предоставлением усиленного питания на питательных пунктах и проч.) было немало, то для освидетельствования состояния их здоровья стало необходимо учреждение постоянной врачебной комиссии. Комиссия производила и специальные освидетельствования на предмет годности к военной службе, так как по обстоятельствам эвакуации многие потеряли документы о принадлежности к той или другой категории и желали их восстановить. С 1 декабря 1920 года по 1 сентября 1921 года было освидетельствовано на предмет усиленного питания 2549 человек и по другим поводам – 2843 человека.

Все вышеназванные мероприятия достигли того, что практически все виды помощи чины Корпуса могли получать на месте, в Галлиполи. За весь период за его пределы, в Кон-

стантинополь, было эвакуировано до 100 человек (психические больные, нуждавшиеся в рентгенизации и электризации).

Целый ряд особенностей течения болезней, а также появление новых незнакомых форм заболеваний вызвали потребность у врачей делиться своими наблюдениями и опытом. Последнее было особенно важно для не закончивших своего медицинского образования зауряд-врачей, по обстоятельствам Гражданской войны в значительном числе оказавшихся в частях.

12 апреля 1921 года инициативная группа врачей созвала первое заседание врачей Корпуса и приданных ему учреждений, на котором был решен вопрос об организации Общества врачей и поручено подготовить основания устава. 15 апреля 1921 года состоялось первое официальное собрание Общества, на котором избрали его правление. Тогда же почетными членами Общества стали генерал от инфантерии А.П. Кутепов – за его исключительно благожелательное и внимательное отношение к медико-санитарным нуждам Корпуса, и представитель Американского Красного Креста майор Давидсон, во внимание к той исключительной помощи, которую Американский Красный Крест оказывал Русской Армии.

До 1 сентября Общество имело 15 заседаний, из которых часть была посвящена организационным вопросам, остальные же заседания имели исключительно научный характер.

На заседаниях были прочтены и заслушаны следующие доклады:

1) доктора Черненко – «Новейшие научные данные в этиологии сыпного тифа»;

2) доктора Дуброва – «К вопросу о злоупотреблении наркотиками»;

3) доктора Берзина – «Кариес реберных хрящей как осложнение сыпного и возвратного тифов»;

4) доктора Малышева – «Случай экзостоза ребер гонорейного происхождения»;

5) доктора Поройкова – «Эпидемический энцефаломиелит»;

6) доктора Полетаева – «Демонстрация легочного больного»;

7) доктора Лехачева – «О мужском бессилии»;

8) доктора Каракоза – «К вопросу об энтероколитах»;

9) доктора Черенко – «Бактериология острых энтероколитов»;

10) доклад-лекция доктора Черненко – «Питание 1-го Армейского Корпуса в Галлиполи».

Техническая часть

Еще на рейде Царьграда появилась необходимость срочно организовать инженерную часть Корпуса. 20 ноября 1920 года особым приказом все инженерное дело объединялось в руках корпусного инженера, и тут же на пароходе приступили к формированию его управления. Основные задачи но инженерной части сводились к следующему:

I. Удовлетворение всех нужд Корпуса по оборудованию, ремонту и устройству помещений для жилья, по устройству путей сообщений и пристаней, обеспечению войск водой, устройству госпиталей, бань, дезинфекционных камер и выполнению других санитарно-строительных работ; устройство складов, хлебопекарен, прачечных, кухонь и т. п. хозяйственных пристроек; наконец, изготовление и ремонт предметов домашнего обихода войск.

II. Снабжение частей Корпуса инженерным имуществом, строительными и осветительными материалами, а также горючим и смазкой для автомобилей.

III. Организация, комплектование, подготовка и руководство всеми инженерно-техническими войсками и учреждениями Корпуса.

Корпусной обоз – основное транспортное средство до устройства дековильки. 1921 г.

I. Работы

Строительные

Инженерные работы начались непосредственно после высадки войск с первого прибывшего парохода (23 ноября), чтобы организовать снабжение интендантскими грузами лагеря, где должна была разместиться главная часть войск, и для доставки туда палаток и другого имущества. Уже 26 ноября были начаты работы по исправлению шоссе и грунтовой дороги протяжением около 6 верст каждая.

Вследствие недостатка в перевозочных средствах французское командование предложило организовать подвоз грузов на фелюгах морем до бухты, находящейся на полупути к лагерю, и далее по узкоколейной железной дороге. Несмотря на настойчивые доклады корпусного инженера о нерациональности такой доставки грузов в лагерь, сопряженной с неоднократной перегрузкой и притом находящейся в полной зависимости от погоды, так как во время волнения причалить фелюги не могли, французское командование все же настояло на выполнении своего плана. 28 ноября начали работы по разборке в городе старой пристани, переносу на руках ее частей и материалов и по постройке новой пристани в бухте, выбранной французами. Через две недели, 13 декабря, работы были приостановлены, почти законченная пристань вновь разобрана по требованию французского командования, нашедшего более удобное место для пристани в бухте Кысмет. Опять весь материал перенесли на новое место, и пристань построили вторично. С 17 декабря начались земляные работы по постройке полотна узкоколейки от бухты Кыс-мет к лагерю по проекту, составленному французским инженерным офицером, с чрезвычайно тяжелыми подъемами. Через месяц, 21 января, когда земляные работы подходили к концу, все работы были вновь прекращены ввиду осознанной французским командованием невозможности наладить подвоз грузов морем на фелюгах. Только после этого французское командование согласилось на постройку узкоколейки непосредственно от города, как на этом настаивало с самого начала русское командование, и отказалось от своего руководства делом. Все выполненные к этому моменту работы пошли прахом: за истекший месяц на одних только земляных работах было занято 6037 рабочих.

После производства нескольких изысканий чинами Железнодорожного батальона выбрали наиболее выгодное направление с легкими подъемами, давшее возможность при эксплуатации поднимать вагонетки тягой в обе стороны лишь до перевала, откуда они спускались до конца самокатом. С 1 февраля началась постройка новой дороги, и в начале марта уже открылось движение конной тягой. Полное же движение открыто в апреле. При постройке этой дороги производились земляные работы с устройством труб и укладкой железнодорожного пути на протяжении 9 километров, станционных и разгрузочных путей, было открыто 5 станций, устроены станционные и путевые землянки; доставка укладочных и других материалов производилась на вагонетках вручную. При постройке узкоколейки пришлось преодолеть буквально нечеловеческие трудности. Материал, доставленный французским командованием, оказался весьма разнородным, так как он был собран с бывших фронтов (дарданелльского и салоникского), а также из оставленного германцами. Для укладки кривых участков пути приходилось изгибать звенья, так как подобных звеньев было ничтожное количество – в соответствии с прежним проектом, полученным от французов. За отсутствием прессов для сгибания рельсов устроили специальные станки. Большую часть накладок и болтов, а также инструмент (путевой, кузнечный и плотничный), из-за недостаточности доставленного французами, пришлось изготавливать своими средствами из собранного в городе и по берегу моря железного лома.

Вагонетки получили в совершенно непригодном для мало-мальски продолжительной работы виде; их пришлось основательно ремонтировать и приспосабливать для перевозки грузов и пассажиров: переставлять колесные скаты и буксы, переливать все подшипники, делать сцепления и тормоза, строить платформы и т. д. (в первое время за отсутствием сплава подшипники временно пришлось делать из твердого дерева). В результате из 103 полученных вагонеток удалось собрать пригодных для работы 62 штуки. Для исполнения перечисленных работ при парке узкоколейки организовали специальную мастерскую и привлекли мастерские Технического полка. Несмотря на то что к сбору и доставке звеньев французами приступили с момента решения вопроса о постройке узкоколейки, то есть в декабре, работы по постройке дороги задерживались неделями из-за несвоевременной доставки рельсов и других материалов, обусловленной неорганизованностью этого дела. Можно даже указать на

случай, когда французы, разбирая прибрежную узкоколейную ветку, начали работу не с того конца и, быстро разобрав рельсы вблизи пристани, были вынуждены, удаляясь все более и более от берега, подвозить рельсы к пристани на повозках. Несмотря на эти трудности русские, можно сказать, «голыми руками», из хлама, благодаря невероятному упорству и изобретательности, создали узкоколейку, эту жизненную артерию лагеря, вызвавшую восхищение французов (что и высказал потом полковник Томассен в письме к генералу Кутепову).

Всего на постройке узкоколейки обернулось 16 641 рабочих. Руководство работой и постоянное обслуживание были возложены на Железнодорожный батальон Технического полка. Рабочих в городе давали от Рабочего батальона, в лагере – от частей пехоты и кавалерии, а под конец от – Беженского батальона. Наряды на тяжелые работы угнетающе действовали на войска, обессиленные полуголодным пайком, особенно когда приходилось бросать начатые работы и переходить на новые места из-за упорства французского командования. Зато открытие движения по узкоколейке дало возможность войскам вздохнуть облегченно, так как ликвидировало доставку продовольствия в лагерь и дров в город «на своем горбу».

Когда французское командование прекратило отпускать бензин и произошла остановка автомобильного движения, узкоколейка начала также и эвакуацию больных из лагеря. Конную тягу организовали корпусным обозом, который давал для перевозки вагонеток мулов. Ежемесячно дорогой перевозилось до 28 000 пудов груза и до 8000 пассажиров. Всего по 1 сентября 1921 года перевезено было 91 000 пудов груза и 28 500 пассажиров и отправлено 7600 вагонеток.

В первых числах декабря начались и работы по приспособлению для жилья домов и развалин, отведенных в городе для учреждений, русских войск и семейных. Эти здания в подавляющем большинстве оказались совершенно негодными для жилья зимой, так как сильно пострадали во время землетрясения 1912 года. Без окон и дверей, без печей, с протекающими крышами или вовсе без них, с полусгнившими полами и потолками, и сквозными щелями в стенах – эти здания во время господствовавших зимою в Галлиполи холодных северо-восточных ветров становились для обитателей совершенно негодными.

Все ремонтные работы прежде всего сводились исключительно к организации отопления помещений. Почти за полным отсутствием стекла окна забивались досками, с прокладкой морской травы, или закладывались камнями на глине; заколачивались щели в стенах, полах и потолках; ремонтировались двери и ставились железные печи. Многие здания вследствие своей ветхости и повреждений являлись опасными для жилья.

Работы по поддержанию таких зданий (укреплению стен, потолков, крыш, лестниц и проч.) велись далеко не в должном размере, так как строительного материала для этой цели французское командование не отпускало, несмотря на настойчивые просьбы. Для облегчения жилищного вопроса, становившегося критическим с приближением морозов, корпусной инженер предложил греческой администрации (префекту и мэру города) организовать совместные работы для восстановления разрушенных зданий города: греческое правительство или жители города должны были доставить необходимые материалы за незначительное вознаграждение (хотя бы хлебом) для поощрения рабочих, а Корпус давал рабочих и специалистов по техническому надзору – при условии предоставления части восстановленных зданий для размещения русских. К сожалению, как у греческого правительства, так и у разоренных войной жителей не оказалось в то время средств, и это предложение не получило практического осуществления несмотря на полное сочувствие к нему всех слоев разноплеменного населения Галлиполи.

Более сложный характер имели работы по приспособлению и ремонту зданий для лечебных заведений (число коих 8, не считая околотков при каждом училище) и корпусной хлебопекарни. За недостатком помещений много лечебных заведений целиком или частично пришлось размещать в палатках, специально оборудованных, и почти во всех госпиталях

и лазаретах пришлось заново возводить каменные или земляночного типа постройки для кухонь, бань, дезинфекционных и дезинсекционных камер, для складирования продуктов, белья, а также мертвецких. Всего было выстроено 16 таких зданий. Деревянных бараков типа Адриана и палаток с деревянными или цементированными полами и внутренними перегородками – поставлено 24.

Корпусную хлебопекарню оборудовали в четырех помещениях; два из них, где были печи, нуждались только в серьезном ремонте, и были соответственно приспособлены (устроены крыша, перегородки, окна, двери и проч.), а два другие отстроены заново с установкой в них 8 полевых хлебопекарных печей.

Одновременно с работами по ремонту и отоплению зданий начались работы по оборудованию, главным образом, санитарных учреждений и общежитий для семейных; там устраивались топчаны, столы, табуретки, полки и другие предметы домашнего обихода, а также велись работы по устройству кухонных плит, очагов и прачечных.

Население города с прибытием русских войск увеличилось почти вдвое, не считая войск, размещенных в лагере. Огромная заболеваемость среди русских, наблюдавшаяся в первые месяцы пребывания их в Галлиполи, вызванная неудовлетворительным размещением и плохим питанием, побудила русское командование во избежание распространения болезней предпринять, по соглашению с греческими властями, работы по устройству общественных уборных, дезинсекционных камер, улучшению водоснабжения, периодической очистке улиц, а с наступлением весны – и работ по очистке и скреплению загрязненного русла ручья, протекавшего на западной окраине города и являвшегося рассадником заразы. Греческие власти в этом вопросе пошли навстречу и оказали посильную помощь материалами. В порту была почти вновь выстроена «интендантская пристань» в 32 метра длиной, и устроены причалы для двух пароходов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.